

ISSN 2079-9160

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

МОСКВА- КАЗАНЬ 2012

2(7)

ОТ

Учр

ШХ
(Кы
Н.Х
(Каз
(Каз
К.М
(Эт
Ф.Г.
Н.Н.

Г.Ф.
(Мос
И.В.
Муд
Н.Н.

Х.Ч.
оол
Л.Н.

И

ISSN 2079-9160

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители: Институт языкознания РАН
Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

Ш.Х. Акалин (Турция), А. Ахундов (Азербайджан), К.А. Бичелдей (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), В.А. Виноградов (Москва), Н.Х. Гаджнахмедов (Махачкала), И.Г. Галляутдинов (Уфа), Ф.А. Ганиев (Казань), Т.М. Гарипов (Уфа), А.П. Деревянко (Москва), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары), А.Б. Куделин (Москва), К.М. Миннуллин (Казань), К.М. Мусаев (Москва), В.И. Рассадин (Элиста), В.Н. Тутужеева (Абакан), Э.И. Фазылов (Узбекистан), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), Н.Н. Широбокова (Новосибирск), Ю. Яхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: Д.М. Наендов (Москва),
Зам. главного редактора: Ф.С. Хакимзянов (Казань),
Отв. секретарь: Г.А. Анисеева (Москва)

Г.Ф. Благова (Москва), А.И. Гелеева (Нальчик), Э.А. Грунина (Москва), А.В. Дыбо (Москва), С.Г. Кляшторный (Санкт-Петербург), И.В. Кормушин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), О.А. Мудрак (Москва), И.А. Невская (Германия), Е.А. Оганова (Москва), Н.Н. Телицын (Санкт-Петербург), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск)

Региональные сотрудники

Х.Ч. Алишина (Тюмень), А.-М.Х. Батчаев (Карачаевск), Л.С. Караоол (Кызыл), Н.И. Попова (Якутск), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), Л.И. Чебодаева (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк)

Издатель: От имени РКТ при ОИФН РАН – И.В. Кормушин

№ 2(7)

МОСКВА-КАЗАНЬ 2012

COMMITTEE OF RUSSIAN TURCOLOGISTS
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
BRANCH OF HISTORY

RUSSIAN TURKOLOGY

Founded by Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
The Committee of Russian Turkologists, Russian Academy
of Sciences, Branch of History

Advisory Board

Sh.H. Akalin (Turkey), A. Axundov (Azerbaijan), K.A. Bicheldev (Kyzyl),
A.A. Chechenov (Moscow), A.P. Derevyanko (Moscow), E.I. Fazylov (Uzbekistan),
N.H. Gajixmedov (Makhachkala), I.G. Galyautdinov (Ufa), F.A. Ganiev (Kazan),
T.M. Garipov (Ufa), Yu.N. Isaev (Cheboksari), Ju. Janhunen (Finland),
F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.B. Kudelin (Moscow), K.M. Minnullin (Kazan), K.M.
Musaev (Moscow), V.I. Rassadin (Elista), N.N. Shirobokova (Novosibirsk),
V.N. Tuguzhekova (Abakan), I. Vásáry (Hungary), V.A. Vinogradov (Moscow), M.Z.
Zakiev (Kazan), P. Zime (Germany)

Editorial Board

Editor-in-Chief: D.M. Nasilov (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: F.S. Khakimzyanov (Kazan),
Executive Editor: T.A. Anikeeva (Moscow)
G.F. Blagova (Moscow), A.V. Dybo (Moscow), A.I. Gelyaeva (Nalchik), E.A.
Grulina (Moscow), S.G. Klyashorny (St. Petersburg), I.V. Kormushin
(Moscow), I.V. Kulganek (St. Petersburg), O.A. Mudrak (Moscow), I.A.
Nevskaya (Germany), E.A. Oganova (Moscow), N.N. Telitsyn (St. Petersburg),
L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk)

Regional Staff

X.Ch. Alishina (Tyumen), A.-M.H. Batchaev (Karachaevsk), L.I. Chebodayeva
(Abakan), L.S. Kara-ool (Kyzyl), N.I. Popova (Yakutsk), S.B. Sarbasheva
(Gorno-Altaysk), I.V. Shentsova (Novokuznetsk).

Publisher: On behalf of the Committee of Russian Turkologists –
I.V. Kormushin

№ 2(7)

MOSCOW-KAZAN 2012

© Институт языкознания РАН
© Российский комитет тюркологов

Резюме
памятников
становлени
блемы соот
Ключев
шанный» яз

Что през
– «смешани
Названи
(языков па
опираясь па
ная литерат
чакский язык
ев), имеет и
шим в одно
привлекла в
bolga» [Гру

В насто
тенденция р
стандарта. М
учитывать яз

Языком р
особенно на
текстов мол
арабская лек
что в культу
гнозно-дида
силу этого

Востоке в о
деятели кул
владели ара
Бабур назыв
словесность

Интерес
регионе. В к
всего велась
различных у

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

ЧАГАТАЙСКИЙ ЯЗЫК: ЯЗЫК «СМЕШАННЫЙ»
ИЛИ ЯЗЫК СТАНДАРТНЫЙ?

Г.Ф. Благова, г. Москва

Резюме. В статье обсуждается вопрос о «смешанности» языка письменных памятников XIV–XVII вв. среднеазиатского региона и о хронологизации этапов становления литературного языка в его региональных изводах, а также проблемы соотношения языка народно-разговорного и письменно-литературного.

Ключевые слова: язык письменных памятников, чагатайский язык «смешанный» язык, литературный язык, диалект, языковая норма.

Что представляет собой литературный чагатайский язык (далее везде – Ч.я.) – «смешанный» ли это язык или стандартный?

Названная проблема типична для истории тюркских литературных языков (языков памятников тюркской письменности). Как писала Э.А. Грунина, опираясь на обзор литературы и собственные наблюдения, «тюркская письменная литература средневековья, достаточно четко отражающая узбекский и кыпчакский языковые типы (с точки зрения современного понимания их критериев), имеет и памятники с так называемым смешанным языком, т. е. совмещающим в одном тексте признаки разных языковых типов. Эта проблема уже давно привлекла внимание тюркологов, обретя образную формулу “проблема *alga-bolga*” [Грунина 1997: 12].

В настоящее время среди западных тюркологов продолжает укореняться тенденция рассматривать Ч.я. как язык смешанный, следовательно, далекий от стандарта. Между тем, при рассмотрении поставленного вопроса рационально учитывать языковую ситуацию, в которой развивался Ч.я.

Языком религии на мусульманском Востоке был арабский язык. В школах, особенно начальных, этому языку обучали «слепым методом» – заучиванием текстов молитв на слух, благодаря чему широко внедрялась соответствующая арабская лексика, языковые клише религиозного содержания. По причине того, что в культуре средневековья, как известно, определяющую роль играло религиозно-дидактическое направление, арабский являлся также языком науки. В силу этого арабский язык в Мавераннахре, как и на всем мусульманском Востоке в средние века, обладал большим общественным весом. Ученые, деятели культуры, а также некоторые государственные деятели Мавераннахра владели арабским языком; среди везирей тимурида Султана Хусейн Мирзы Бабур называет Мир Атауллаха Мешхеда, который «хорошо знал арабскую словесность» [БНТ: 207].

Интерес представляют и другие составляющие языковой ситуации в регионе. В канцеляриях тимуридских удельных государей документация чаще всего велась на персидском языке, и эта традиция впоследствии сохранялась в различных узбекских ханствах очень долго. В этих условиях, естественно, язык

вакуфных документов, например, содержал много тюркизмов. Характерно, однако, что в отдельных пост-тимуридских уделах, например в Андижане, в канцелярии отца Бабур – Султана Омар Шейха – во второй половине XV в. документы составлялись на чагатайском языке, причем для этих целей применялась уйгурская графика: об этом свидетельствует найденный и опубликованный П. М. Мелиоранским документ уйгурского письма Султана Омар Шейха (1469 г.) [Мелиоранский 1906: 01–012].

Ч.я. был распространен в XV в. в Тимуровой державе, позже – во владениях тимуридов. Это Мавераннахр в Средней Азии и Восточный Туркестан в Центральной Азии (на этих территориях Ч.я. пользовались носители тех близкородственных диалектов, которые легли в основу Ч.я. и классификационные особенности которых нашли в нем отражение). Вместе с тем Ч.я. как язык культурного общения различных тюркских народов распространялся на Турцию, Малую Азию, Хорасан в Северо-Восточном Иране и Северо-Западный Афганистан, Хиндустан (Пакистан и Северная Индия). Ч.я. функционировал в условиях распространения карлукских, восточноогузских и других диалектов, носители которых населяли территории от Босфора и Днепра до Иртыша и Северной Индии, чему в немалой степени способствовала используемая арабская графика (без регулярного обозначения гласных).

Ч.я. относится к карлукской (карлукско-уйгурской) группе языков. Как литературный Ч.я. складывался при опоре на карлукско-уйгурские диалекты Мавераннахра, под сильным влиянием караханидско-уйгурской традиции и не без воздействия литературно-языковых традиций предшествующих периодов (караханидско-уйгурской, X–XII вв., и золотоордынско-хорезмской, XIII–XIV вв.). Наддиалектный характер Ч.я. определялся также присутствием как архаизмов (воздействие караханидско-уйгурской и золотоордынско-хорезмской литературно-языковых традиций), так и разнодиалектных форм (регионализм). В Ч.я. нашли отражение также некоторые черты, во-первых, кыпчакских диалектов (на основе которых позднее сформировались казахский и каракалпакский национальные языки, а также кыпчакское наречие узбекского языка), а во-вторых – восточноогузских диалектов, на основе которых позднее сложился туркменский национальный язык, хорасанотюркский и огузское наречие узбекского языка. (Примечательно, что в «Бабур-наме» зафиксирован термин родства *egâci* 'сестра отца', 'тетка по отцу', 'старшая сестра' [Самойлович Выписки 2005: 566] / 'старшая по возрасту', употребляемый в туркменском языке; как таковой он отмечен в [Рыков 2009: 83, 84, 89]. В «Выписках из Бабур-наме» туркменам отведен небольшой раздел – с. 572–573.)

Чагатайский был литературным языком, имеющим весьма сложные взаимоотношения с остальными формами языкового состояния в пост-тимуридском Мавераннахре. Место чагатайского языка среди прочих форм языкового состояния, характер его развития нельзя установить без учета его взаимодействия с этими последними.

В части своей базовой системы Ч.я. ориентировался на «некий общий, наддиалектный язык, стоявший ближе всего к диалектам Ферганы, но безусловно отличавшийся от любого из них» [Щербак 1962: 222–223] (в принятой терминологии – карлукские диалекты Мавераннахра). Сам Бабур особо подчеркивал при этом роль андижанского говора. Отмечая, что в Андижане, «в городе и на городском базаре», говорят по-тюркски, он писал: «Речь населения Андижана согласна (*раст дур*) с письмом, в силу чего сочинения Мир Алишера Навои, хотя он вырос и воспитывался в Герате, [писаны] на этом языке» [BN 1905: л. 26].

Карлукско-уйгурская речевая среда на территории Мавераннахра в разной

мере испытывала влияние андижанского иранского диалекта с одной стороны.

Эффект различия между числами арабизированной арабской графики и тюркоязычными Иртыша и Се...

Опираясь на дидактико-применительную – юного и жить, что Ч.я. в последние десятилетия Х...

Вместе с тем в персидском (и в использовании литературы. И красочные стихи себя, и своих наследии Навои сообщает так: в стихах он в большинстве...

Функционирование Мавераннахра могла восполнить арабского.

Вместе с тем в хронологии (и в первоисточниках...

В последние десятилетия Бодроглигети Ч.я. – «между...

Об изъятии Самойлович: «чагатайских рукописей» в своем размере, тер...

деленного, по-прежнему (ost-türkisch)» [Самойлович 1905: л. 26].

Касаясь вопроса о том, было бы при «чагатайский» установить вну...

¹ Напомним, что «кыпчак» называли...

измов. Характерно, что в Андижане, в той же долине XV в. эти цели применялись и опубликованного Омар Шейха

уже – во владениях Туркестан в Центральном и Северо-Западном, функционировал в других диалектах, до Иртыша и Северная Индия.

пять языков. Как диалекты Малой Азии и не без определенных периодов (кавказской, XIII–XIV вв.), в том числе как архаизмов хорезмской литературы (регионализм). В кыпчакских диалектах и каракалпакском языке), а в более поздние сложилось узбекское наречие, использован термин родственный Самойлович Выписки в кыпчакском языке; как в сказках из Бабур-наме»

два сложные взаимодействия в пост-тимуридском языке, форма языкового содействия его взаимодействия

«некий общий, наддиалектный, но безусловно отличительной терминологии – подчеркивал при этом роль «на городском базаре», «согласна (хот ду) с «он вырос и воспитывался

Мавераннахр в разном

мере испытывала ираноязычное влияние, ср. незначительность его в случае андижанского диалектного типа, с одной стороны, и сильную степень тюркско-иранского двуязычия в случае самаркандского диалектного типа, с другой стороны.

Эффект наддиалектности Ч.я. достигался не только взаимодействием различных литературно-языковых традиций: усугублялся он и за счет большого числа арабизмов и фарсизмов в лексике и отчасти в грамматике, а также за счет арабской графики, допускающей вариантность огласовок при чтении. Благодаря этому сочинения на Ч.я. были широко читаемы (на свой лад) тюркоязычными народами, населяющими территории от Босфора и Днестра до Иртыша и Северной Индии.

Опираясь на тот факт, что Бабур написал нарочито упрощенным Ч.я. свой дидактико-правоведческий трактат «Мубаййини», предназначенный для его сына – юного наследника империи Великих моголов в Индии, можно предположить, что Ч.я. использовался в учебно-педагогических целях уже в первых десятилетиях XVI в. В совокупности все это позволяет говорить о полифункциональной практике чагатайского языка и литературы.

Вместе с тем в Мавераннахре продолжала развиваться литература также на персидском (фарси) и частично на арабском языках. Нередкими были случаи использования одним поэтом и чагатайского, и персидского в качестве языка литературы. Когда Навои писал, что «тюркские поэты на языке фарси пишут красочные стихи и замечательные речи» [Н 10: 110], он имел в виду и самого себя, и своих старших и младших современников. В большом литературном наследии Навои есть поэтический сборник на персидском языке, о чем Бабур сообщает так: «Персидский диван он (Навои – Г. Б.) тоже составил, в персидских стихах он употреблял тахаллус Фани. Некоторые стихи там недурны, но в большинстве они слабы и стоят низко» [БН Т 198].

Функциональная парадигма языка тимуридского и пост-тимуридского Мавераннахра, население которого было разноязычным и многодиалектным, могла восполняться за счет индосистемных языков, как персидского, так и арабского.

Вместе с тем, изучение проблемы «смешанности» Ч.я. напрямую зависит от хронологии (точнее: хрононимизации) Ч.я. и соответственно – от круга первоисточников, привлекаемых к исследованию.

В последней (по времени) из фундаментальных работ по Ч.я. ее автор А. Бодроглигети фактически принимает почти столетней давности хронологию Ч.я. – «между XIV и XIX веками» [Bodrogligeti 2001: 2].

Об изъянах этого давнишнего подхода в свое время предупреждал А. Н. Самойлович: отечественный тюрколог со всемирной известностью знатока чагатайских рукописей, чагатайского языка и литературы, он писал: «Расширенный в своем применении к турецким языкам и диалектам до неопределенных размеров, термин “чагатайский” употреблялся как синоним столь же неопределенного, поныне существующего термина “восточнотурецкий” (turk-oriental, ost-türkisch)» [Самойлович 1928: 3]¹ (курсив наш. – Г. Б.).

Касаясь вопроса о Ч.я., Самойлович высказал мнение, что «по существу дела было бы правильнее признавать единый “среднеазиатско-турецкий” (а не “чагатайский” или “восточнотурецкий”) литературный язык исламской эпохи» и установить внутри этого языка несколько периодов его развития в зависимости

¹ Напомним, что вплоть до 30-х гг. XX в. ученые и его единомышленники «турецкими» называли тюркские языки.

от культурных очагов, этнических и иных условий каждого из очагов, разных для разных периодов. Намечая «находящиеся один на другой и связанные между собою периоды», в третий по счету период он включал территории с рядом центров в оседлой части Чагатайского улуса и с исходным моментом укрепления культурной жизни в тимуридских владениях [там же: 21]. Этот третий период «был наиболее благоприятным по определявшей его исторической обстановке. В этот третий период действовали наиболее выдающиеся литературные работники во главе с Мир Али-Широм Неван, этот период оказался золотым веком в истории «среднеазиатско-турецкой» литературы, и в этот период среднеазиатско-турецкий литературный язык достиг наибольшего оформления и единообразия как язык классический, за которым именно в этот только период (XV–XVI вв.) закрепилось название «чагатайского» языка» [там же: 21] (курсив А.Н. С.). Таким образом вычленяется классический Ч.я. по сугубо лингвистическому принципу: Ч.я. «достиг наибольшего оформления и единообразия как язык классический» [там же]. В соответствии с вышеизложенным находится и архивные записи Самойловича: «Бабур говорит обыкновенно по-персидски?»; «Считал ли себя Бабур тюрком или же чагатайцем? Думаю, что последним (т. е. чагатайцем)» [Самойлович Выписки 2005: 573, 574].

Изложенную выше концепцию Ч.я., сформулированную А. Н. Самойловичем, разделяет Я. Экман: он вычленил два периода развития чагатайского литературного языка – «1. Доклассический период (с начала XV в. до составления первого дивана Навои в 1465 г.) <...> 2. Классический период (1465–1600) <...>» [Eckmann 1966: 9–10].

При анализе приведенного выше тезиса А. Н. Самойловича – о классическом литературном языке, который достиг наибольшего оформления и единообразия и за которым именно в этот только период (XV–XVI вв.) закрепилось название «чагатайского» языка [Самойлович 1928: 21], – можно усмотреть, однако, известное противоречие. Это противоречие предстает в виде смешанного употребления названных выше терминов: «третий период развития среднеазиатско-турецкого литературного языка, период чагатайский, украшенный творениями Мир-Али-Шира Неван, является в истории этого языка наиболее длительным (XV в. – начало XX в.) и блестящим» [там же: 22–23].

Возникновение отмеченной неувязки в тексте Самойловича предположительно можно отнести к условиям изменявшейся отечественной идеологии в конце 20-х гг. XX в. Во всяком случае, В. В. Бартольд как председатель группы востоковедов Академии наук (с начала ее образования и до самой своей смерти [Ольденбург 1931: 5]) считал необходимым в своем «Предисловии» к изданию «Мир-Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения» предупредить читателя о причинах той спешки, которая была обусловлена нарушением планов Всесоюзного Туркологического съезда в Баку, а именно опубликовать юбилейный сборник осенью 1926 г. (вышел в 1928 г.). Бартольд писал: «Иначе, чем предполагалось, определилось и содержание сборника, ввиду неполноты и устарелости имевшихся ранее сведений о Мир-Али-Шире как о деятеле в области литературы, турецкой и персидской, и в области политической жизни. На пополнение этого пробела в научной литературе было признано необходимым обратить главное внимание» [Бартольд 1928: III].

Замеченное выше противоречие в программной статье А.Н. Самойловича впоследствии усилиями современных отечественных исследователей было снято благодаря терминологизации вновь предложенной временной рубрикации, а именно использованию в научном обиходе самоназвания «тюр-

ки»². По определению, связанно с ской арены соянные нации чапенно он вбирворов), что при торые в целом языке тюркиском (узбексккаспийском (качаево-балкарскфункционировитюркских нащнаш. – Г. Б.).

Язык тюркписьменными привязкой, с за

В свое вретурный язык, свои, корни к литературных и языковые элемимеет своим ли позднее, а пам которых из дввторой» [Самойвигия тюрки см

В вопросе [Bodrogligeti 20 М. Ф. Кюпрюлюк

Так, А. Бодно относит хикности высказыский», ученый пространен» (к среднеазиатскикоторых не под П.М. Мелиоранмо пользоваться до того, как «собследованы, и

Даже М.Ф.кий литературн Чингиза под влтив-возможност не дошедший [Кюпрюлюзаде. [Самойлович 19

² О сложных в древнетюркском

ки»². По определению Э. Р. Тенишева, «литературный язык тюрки непосредственно связан с современными тюркскими языками. С появлением на исторической арене современных тюркоязычных народов до формирования их в отдельные нации чагатайский язык использовался как литературная форма. Постепенно он вбирал в себя местные народные элементы (городских и сельских говоров), что привело к появлению локальных вариантов письменного языка, которые в целом *в отличие от чагатайского можно именовать литературным языком тюрки*. Язык тюрки существует в нескольких вариантах: среднеазиатском (узбекский, уйгурский), поволжском (татарский, башкирский), арало-каспийском (казахский, каракалпакский, киргизский), северо-кавказском (карачаево-балкарский, ногайский, кумыкский), малоазиатском (туреший); его функционирование знаменует начальный этап формирования современных тюркских национальных литературных языков» [Тенишев 1997: 37] (курсив наш. – Г. Б.).

Язык тюрки, продолживший традиции чагатайского языка, представлен письменными памятниками с различной временной и территориальной привязкой, с заметными языковыми различиями.

В свое время это отметил А. Н. Самойлович: «Казанско-татарский литературный язык, переживший несколько периодов развития, старейшие корни свои, корни кыпчакские, имеет не в XV в. <...>, а в еще более ранних литературных произведениях Золотой Орды, в коих преобладают кыпчакские языковые элементы. <...> литературный язык среднеазиатских туркмен имеет своим литературным *источником* не чагатайский язык, влиявший на него позднее, а памятники с низовьев Сыр-Дарьи и из Хорезма, особенно те, в которых из двух местных диалектов: кыпчакского и огузского <...> преобладал второй» [Самойлович 1928: 20] (курсив А. Н. С.). О более позднем периоде развития тюрки см. также: [Наджип-Благова 1997: 126–138].

В вопросе о составе первоисточников исследования Ч.я. (primare sources [Bođrogliget 2001: 8]) нельзя учесть прямые указания предшественников – М. Ф. Кобрюлозаде и А. Н. Самойловича.

Так, А. Бодроглигети к числу используемых первоисточников безоговорочно относит хикматы Ясави, тем самым «консервируя» более чем вековой давности высказывание П. М. Мелиоранского. Употребляя термин «джагатайский», ученый признавал, что этот термин «лока удобен и потому весьма распространен» (курсив наш. – Г. Б.), и называл «джагатайскими» «все вообще среднеазиатские турецкие сочинения с XIII–XVIII вв., происхождение и язык которых не поддаются пока точному определению» [Мелиоранский 1902: 161]. П. М. Мелиоранский, видимо, полагал, что термином «джагатайский» допустимо пользоваться как своего рода *предварительным* научным приемом – вплоть до того, как «со временем, когда все “джагатайские” рукописи будут изданы и обследованы, их удастся привести в более научную систему» [там же].

Даже М. Ф. Кобрюлозаде, определявший чагатайский как «восточнотурецкий литературный язык, возникший и утвердившийся вслед за завоеваниями Чингиза под влиянием исламской культуры» (т. е. XIII–XIV вв.), возражал против возможности «относить к памятникам чагатайского языка первоначальный, не дошедший до нас оригинал “хикметов” Ахмада Ясави (XII в.)» [Кобрюлозаде. Первые мистики в турецкой литературе (на тур. яз.)] (цит. по: [Самойлович 1928: 4]). «Не признавая памятниками чагатайского языка и чага-

² О сложных путях развития «соотнесенных терминов “народ türk” и “язык türk” в древнетюркских текстах» см.: [Кормушин 2011: 8 и сл.].

тайской литературы основные тексты "хикметов" Ахмеда Есеви и "Кысасу-ль-энбия" Рабгузи», Самойлович не считал «возможным относить к произведениям этого языка и этой литературы также и "Мухаббет-намэ" Хорезми» [там же: 5]. Далее он уточнил: «Литературная деятельность на турецком языке в Хорезме в эпоху Золотой Орды должна иметь ближайшую связь, особенно в области стихотворных произведений, со школой, основанной в XII в. мистиком-стихотворцем Ахмедом Есеви в бассейне нижнего течения Сыр-Дарьи» [там же: 19] (курсив наш. – Г.Б.).

С учетом высказываний знатоков средневековой литературы вопрос о том, к какой литературе могут быть отнесены стихи Ясави, не поддается безоговорочному решению.

Перечисляя первоисточники в области романического эпоса, а также лирических жанров, А. Бодроглигети называет соответственно "Husrav u Şirîn" Кутба и "Mîhabbat-nâma" Хорезми [Bodrogligeti 2001: 8].

Между тем, исследования А. Н. Самойловича, в том числе и лексикологические, не позволяют согласиться с подобным решением. Напомним его высказывание о «смешанном уйгурско-кыпчакском языке романа "Хосрев и Ширин" некоего Кутба» [Самойлович 1928: 6] и о том, что «"Мухаббет-намэ" особенно важно потому, что оно не только свидетельствует о существовании местных турецких литературных деятелей в Золотой Орде в XIV веке, но и доказывает наличие в Джучиевом улусе и во входившем в него Хорезме литературного языка с явными отражениями местных золотоордынских диалектов, языка, значительно отличного поэтому от чагатайского и относящегося к эпохе, когда чагатайский язык в Чагатайском улусе не обнаруживал еще заметного развития» [Самойлович 1928: 5] (разрядка наша. – Г.Б.).

Важно подчеркнуть, что приведенные высказывания А.Н. Самойловича подтверждаются его языковым анализом названных памятников, в частности их лексики (поскольку сохранность словарного материала памятника вызывает наименьшие сомнения) [Самойлович 1928: 16, 7–15].

Один из последователей А.Н. Самойловича – Э.Н. Наджип – с учетом характерных морфологических и лексических признаков "Husrav u Şirîn" считает этот памятник «огузо-кыпчакским, испытавшим сильное влияние уйгурской литературной традиции уйгурского книжного языка» [Наджип 1979: 103]. Ф.Ш. Нуриева рассматривает язык этого памятника в ряду памятников «тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода» [Нуриева 2004: 193–228], равно как и язык "Mîhabbat-nâma" Хорезми [там же: 228–257]; свои выводы она аргументирует при помощи статистического подхода.

Как видно, попытка именовать те или иные «первоисточники» чагатайскими, без учета имеющейся в литературе аргументации, не может дать убедительных результатов.

Более строгого отношения к рассматриваемому вопросу требует и сам принцип объединения «всех пластов языка из различных исторических периодов» ("Primary sources for this book come from all layers of the language from different historical periods" [Bodrogligeti 2001: 8]).

Приведем конкретный пример. Так, давно уже было замечено [Боровков 1948: 247; Боровков 1949: 29; Brock. 1954: 76; Щербак 1962: 93], что в Ч.я. («в староузбекском языке») второй половины XV в. явно доминирующая часть словоформ локальных падежей посессивно-именной парадигмы 3-го лица не имеет инфикса -n-. Но в поэтическом языке формы с -n- и без -n- могут перемежаться. Несколько позднее исследователь поэтического языка Навои А. Рустамов

сделал в такой ва по тре Более то дательно лексемн устина".

Набл росписи исследов дублиру «смешан

Такая го и стих мада Захи поэтичес да (Анал Ф. Ш. Ну

Исле типологи как спори стилисти явлений языка, а в важную частност наш. – Г.

Сдела сочетания и выработ с друго сопоставл становите возможно статистич различать вании) и использо 1978; Бл

Такна Ч.я. пред разножан большего материал адекватно зия быто ставленн

При с принять т первого р ков. Тем

сделал важное уточнение относительно литературной обусловленности такой вариантности, а именно: *-я-* в названной позиции «появляется только по требованию размера» [Рустамов 1971: 46] (разрядка наша. – Г. Б.). Более того, по его наблюдениям, в распределении именно морфемосочетания дательного падежа посессивно-именной парадигмы 3-го лица имеются лексемные ограничения: «Вариант *-на* встречается только в составе слова *устика* 'на, над' <...>» [там же: 45].

Наблюдения названных тюркологов были проверены путем сплошной росписи классификационно различающихся падежных словоформ; эта часть исследования была необходима, поскольку параллельное употребление дублирующих пар считается, например, одним из примечательных признаков «смешанного склонения» в Ч.я.

Такая проверка проводилась как внутри творчества, отдельно прозаического и стихотворного, одного писателя (на базе литературного наследия Мухаммада Захиру'ддина Бабура), так и при раздельном же подходе к анализу языка поэтического и прозаического родов литературы данного исторического периода. (Аналогичную работу на своем, достаточно обширном материале провела Ф. Ш. Нуриева [Нуриева 2004: 193 и сл.])

Исследованиями Э.А. Груниной показано: «<...> "смешанность" как типологическая черта языка межплеменного общения уступает "смешанности" как спорадически проявляющемуся влиянию речевой среды автора или как стилистическому средству в организации текста. Соотношение указанных явлений по разным хронологическим периодам в развитии литературного языка, а также по разным жанрам *внутри хронологического среза* составляет важную задачу исследования истории тюркских литературных языков, в частности турецкого, где такая проблема практически не ставилась» (курсив наш. – Г. Б.) [Грунина 1997: 19].

Сделанные наблюдения показали методологическую целесообразность сочетания системного и жанрово-стилистического подходов, с одной стороны, и выработанной при этом методики языкового расслоения поэтических текстов, с другой. Многоступенчатое системное жанрово-дифференцированное сопоставление дублирующих языковых пар (из числа классификационных) становится гибким и эффективным инструментом анализа, открывающим возможности для адекватной интерпретации получаемых показаний. Учет статистических сведений по составляющим каждой такой пары позволяет различать базовые словоформы (для нашего случая – это обычные в использовании) и периферийные словоформы (т. е. с известными ограничениями в их использовании, в том числе – лексемными или разночастотными); см.: [Благова 1978; Благова 1981: 37–47].

Таким образом, возникают вопросы: 1) насколько необходим при описании Ч.я. предельно широкий охват письменных памятников, разновременных и разножанровых (к тому же, в языковом отношении – явно не достигших «наибольшего оформления и единообразия»); 2) способен ли столь широкий охват материала (без предварительного его расслоения и «сортировки») обеспечить адекватное описание Ч.я. или же таким путем может быть создана лишь иллюзия бытования некоего *смешанного* литературного языка, между тем как поставленная задача продолжает оставаться далекой от разрешения.

При обсуждении круга источников для исследования Ч.я. целесообразно принять во внимание, каково было мнение на этот счет П.М. Мелиоранского, первого русского тюрколога-лингвиста и историка языка письменных памятников. Тем более, что мнение это было зафиксировано его заинтересованным уче-

ником А.Н. Самойловичем – в студенческих конспектах курса, который читался на ФВЯ Мелиоранским, а именно «Введение в изучение турецких наречий». Обнаружена отдельная запись рукой Самойловича (РНБ. Ф. 671. Д. 135: Л. 35): «Свою джагатайскую грамматику Мелиоранский изложит применительно к Абулгази, Бабуру и отчасти Неваи» (цит. по: [А. Н. Самойлович 2008: 450]).

Как видно, опорными для Мелиоранского являлись *прозаические* произведения Бабура и Абулгази (хотя последний формально противопоставлял присущий ему письменный язык языку чагатайскому). Возможно, из сочинений Навои Мелиоранским предполагалось задействовать («отчасти Неваи») лишь прозаические произведения поэта (как например, языковедческий трактат «Мухаккәмат ал-лугатайн»).

В таком случае делалось это не по случайному наитию, а глубоко продуманно, с учетом следующих параметров: а) с точки зрения грамматической именно прозаический текст оказывался наиболее информативным, насыщенным словоформами, употребление которых не регламентировалось правилами стихосложения; б) прозаический текст лишен «стремления стихотворцев приспособить турецкий язык, хотя бы внешним образом, к чуждой ему системе количественного арабско-персидского стихосложения» (вывод Самойловича: «<...> необходимо различать прозаическое правописание от стихотворного») [Самойлович 2005: 369]; в) в прозаическом тексте более близок к естественному порядок слов в предложении, ср. более частую инверсию в стихотворном тексте. Возможно, ограничения в отношении сочинений Навои («применительно к Абулгази, Бабуру и *отчасти Неваи*») продиктованы сознаваемой необходимостью отдельно вести отбор из прозаического текста, с одной стороны, и поэтического – с другой.

С тем чтобы приблизиться к искомой цели, необходимо в совокупности рассмотреть и уточнить традиционные постулаты чагатайки с учетом полузабытых (в том числе – архивных) тезисов, высказанных в свое время нашими предшественниками.

Мы придерживаемся постулата А. Н. Самойловича, что правильнее признавать *единый «среднеазиатско-турецкий* (а не «чагатайский» или «восточно-тюркский») литературный язык исламской эпохи» и установить внутри этого языка *несколько периодов* его развития [Самойлович 1928: 21].

Ученым «намечаются находящие один на другой и связанные между собою периоды: первый – с центром в Кашгаре и с исходным моментом образования караханидского государства; второй – с центрами в бассейне нижнего течения Сыр-Дарьи и в Хорезме <...>; третий – с рядом центров в оседлой части Чагатайского улуса и с исходным моментом укрепления культурной жизни в тимуридских владениях. <...> В этот третий период действовали наиболее выдающиеся литературные работники во главе с Мир-Али Широм Неваи, этот период оказался золотым веком в истории «среднеазиатско-турецкой» литературы и в этот период среднеазиатско-турецкий литературный язык достиг наибольшего оформления и единообразия как язык классический, за которым *именно в этот только период (XV–XVI вв.) закрепилось название «чагатайского» языка*» [там же] (курсив принадлежит А. Н. Самойловичу во всех предыдущих цитациях из его статьи 1928 г.).

Я. Экман, в свою очередь, уточнил датировку вычлененных им двух периодов развития Ч.я., оба этих периода связывая с творчеством Навои: «1. Доклассический период (с начала XV в. до составления первого дивана Навои в 1465 г.) <...>. 2. Классический период (1465–1600) <...>» [Eckmann 1966: 9–10] (курсив наш. – Г. Б.).

Новое своих архи его книге « только на тых Записо

Наблюды имеют ему деятельсто: живя в только хвал правдиво и его историч уже в течен Добавим, чт ное сочинен письменным хотя бы к т 39, BN 31b вблизи' (см. *sin esitkaci* и извинит, кто

Диалогич «читающему практике Баф языка, и уч лингвиста пе язык обнару Якубинский в нятие «письм назвать выше

«Секрет о только в объ формы литер валась его вы свободы авто кина: он пис убеждения, в труде» [Пушв

В связи с чинением им «важной раз ной, Расинов трагедии нар свои свободни ем публики, б вал себя низ вымыслам. Ог ему по состо

¹ А.Н. Са [Самойлович 2

Новое слово прозвучало в отзыве Н.К. Дмитриева (1899 – декабрь 1954): в своих архивных заметках (от 21.06.1954) об императоре-писателе Бабуре и о его книге «Бабу́р-на́ма» он придерживается других ориентиров, делая акцент не только на лингвистические, но и на экстралингвистические аспекты знаменитых Записок Бабура.

Наблюдения Н.К. Дмитриева в этой области и сформулированные им выводы имеют концептуально важное значение. Цитирую: «Среди современных ему деятелей литературы и культуры» Бабур, как известно, занимал особое место: живя в XV в. <–XVI в.>, он умел излагать события обстоятельно, умел не только хвалить себя, но изображать и свои неудачи, умел говорить с читателем правдиво и достаточно объективно. В самом деле: не в этом ли состоит секрет его исторического бессмертия, секрет того, что люди понимают его творения уже в течение 400 лет после того, как они были написаны?» [Дмитриев 1954]. Добавим, что «Бабу́р-на́ма» – это тщательно продуманное, умело скомпонованное сочинение. Оригинальность его – в диалогичности. Сочинение пронизано письменными обращениями автора к свидетелям описываемых событий (или хотя бы к тем, кто о них слышал). Примеры: *fyraqta javuqta ešitur kōrarga* БН 39, BN 31b 'к слышащему-видящему <тому, кто> вдалеке <и тому, кто> вблизи' (см. варианты: БН 197, BN 158b; БН 254, BN 201a); *oqruqudu ma'zur tut-tun ešitkuči ta'aruz maqamidin ōtsun* БН 254, BN 201a 'Кто будет читать, пусть извинит, кто будет слушать, пусть минует обиталище обиды <угнетения>'.

Диалогичность «Бабу́р-на́ма» – в многочисленных обращениях автора к «читающему и слушающему» по различным поводам. В своей писательской практике Бабур, средневековый писатель, тонко чувствовавший возможности языка, и ученый-энциклопедист можно сказать, предвосхитил наблюдения лингвиста первой половины XX в. П. В. Щербы, «что подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге» (цит. по Якубинский 1986: 31); там же Якубинский называет Щербу определенным «диалогистом» и вводит новое понятие «письменный монолог» (там же: 35); письменным диалогом можно назвать вышеприведенные цитации из БН.

«Секрет его исторического бессмертия», по всей видимости, состоит не только в объективности, правдивости повествования, но еще и в доступности формы литературного языка, которой пользовался Бабур и которая поддерживалась его высоким социальным статусом, т. е. в своего рода выборе языковой свободы автора. Про Бабура как автора БН можно сказать словами А.С. Пушкина: он писал свой «главнейший труд»¹ «вследствие сильного внутреннего убеждения, вполне предавшись независимому вдохновению, уединясь в своем труде» [Пушкин XI: 81].

В связи с различиями между средневековой придворной литературой и сочинением императора Бабура представляют интерес суждения А.С. Пушкина о «важной разнице между трагедией народной, Шекспировой и драмой придворной, Расиновой» (Ж. Расин, 1639–1699, представитель классицизма): «Творец трагедии народной был образованнее своих зрителей, он это знал, давал им свои свободные произведения с уверенностью своей возвышенности и признанием публики, беспрекословно чувствуемым. При дворе, наоборот, поэт чувствовал себя ниже своей публики. <...> Он не предавался вольно и смело своим вымыслам. Он старался угадывать требования утонченного вкуса людей, чуждых ему по состоянию. Он боялся унижить такое-то высокое звание, <...> – отселе

¹ А.Н. Самойлович выразился так: «Главнейший труд Бабура – “Бабу́р-на́ма”» [Самойлович 2005: 698].

робкая чопорность, <...> привычка смотреть на людей высшего состояния с каким-то подобострастием и придавать им *странный, нечеловеческий образ изъяснения*» [Пушкин 1962: 361–362] (курсив наш. – Г. Б.).

В развитие последнего сюжета (из истории западноевропейского театра) уместно коснуться весьма показательных фактов чагатайской лингвостилистической практики. Так, известно, что средневековые авторы именовали себя в собственных сочинениях уничижительными словами (вроде *kamīna* 'покорнейший слуга', *bi faqīr* 'сей бедняк') также с добавлением некоторых соответствующих прилагательных [Л. Буд. I: 787]. Подмечено, что в языке Навои уничижительные субституты местоимения 1-го лица единственного числа употребляются особенно интенсивно: их насчитывается около шестидесяти [Осуфов 1988], чем и подчеркивается вассальное состояние поэта по отношению к его школьному товарищу, будущему Султану Хусейн Байкаре.

Характерно, что Бабур для схожих стилистических целей прибегал к безличной «одноличной» глагольной форме 3-го лица (см. об этом ниже).

Н.И. Ильминский был первым, кто отметил не только повышенное количество арабско-персидских заимствований в сочинениях Навои, но и фактический разрыв между его теоретическими постулатами и их практическим воплощением. Касаясь лингвистического трактата Навои «Тяжба двух языков», он писал: «Это сочинение есть как бы предсмертное завешание поэта-патриота, хотя должно сказать, что Мир Алишер на деле не оправдал своей мысли о лексическом богатстве тюркского языка, употребляя постоянно в своих сочинениях большую примесь чужих слов» [Ильминский 1861: 36]. По свидетельству наших современников, изданный в Узбекистане толковый словарь произведений Алишера Навои примерно на 90% содержит слова арабского и персидского происхождения. Средневековое красноречие и велеречивость, опирающиеся на сложную образную систему и широчайшее использование фарсизмов и арабизмов (не только лексических, но и грамматических), привели к такому положению, что, например, ряд эпистолярных образцов из сочинения Навои «Муниша'ат» практически не поддаются переводу на современные языки [Давыдова 1961; 1986]. Показательно, что младший современник Навои – Бабур, критик беспристрастный и строгий, высоко оценивал поэтические сочинения Навои, но считал, что именно «Муниша'ат» ниже и слабее его поэзии (см. [БН 213 20–22, ВН 170b–171a]).

Обратимся к другому концептуально важному тезису Н.К. Дмитриева, в котором речь идет, по сути дела, об особом, главенствующем положении «Бабурнама» среди литературных памятников того времени. Вот слова Н. К. Дмитриева: «<...> Перед нами целая эпоха из жизни уйгурского и узбекского языков, иллюстрированная на их центральном литературном памятнике» (курсив наш. – Г. Б.).

Можно признать, таким образом, что в своем диалогическом сочинении Бабур подытожил работу своих современников по «наибольшему оформлению и единообразию» Ч.Я. как классического языка, т. е. фактически он выступил как реформатор литературного Ч.Я. своего времени и прежде всего освободил его от словесных «изысков», стремясь говорить со своим читателем доступным тому языком (см. сетования императора по поводу нерадивости, которую проявлял его юный наследник престола «во время писания письма» [БН 452, ВН 349b]). Вместе с тем надо признать: БН представляет собой (пользуясь выражением русиста С.И. Коткова) «уникальный языковой памятник, отвечающий самым высоким требованиям, предъявляемым к лингвистической содержательности и лингвистической информативности источника» [Котков 1980: 10].

У
станд
конкр
репре
го и у
памят
Бо
по как
тов сво
предст
«полит
прямая
свойств
предло
этом
высказ

Поп
уникал
памяти
развити
рых заф
жде все
отрицат
вые тон

Нели
бывает
точка зр
письмен
не имея
явлений
анализе
изучения
важно и
процесс
сведения
системн
письмен
системно
памятник
синхрон
развити
изменени
системн

К эт
шванности
ние А.Н.
безукор
печ. а:
"Правоп

Учитывая вышесказанное, приемлемо толковать Ч.я. как сложившийся стандартный язык, особенно в его синхронном срезе – рубеж XV–XVI вв. Его конкретную литературную фиксацию – «Бабур-нама» – как высоко репрезентативную обозначил Н. К. Дмитриев: «целая эпоха из жизни уйгурского и узбекского языков, иллюстрированная на их центральном литературном памятнике».

Богатейшие наборы сведений, которые могут быть составлены буквально по каждому разделу грамматики в БН, издавна привлекают внимание лингвистов своей уникальностью; см., например: [Ильминский 1863]. Для синтаксистов представляют интерес, в частности, наблюдения над формированием будущих «полипредикативных центров в осложненных предложениях» в языке БН: прямая и косвенная речь чуть ли не во всех их разновидностях (а это не было свойственно средневековой тюркской литературе); беспредикатные предложения (в препозиции или постпозиции) и предикатные сегменты. При этом особого рассмотрения требует диалогическая форма речевого высказывания.

Попытка системного подхода к грамматическому анализу на базе уникального языкового среза БН (т. е. в границах одного объемистого памятника), помимо указанных выше, открывает возможность изучения развития зоны «наречия – служебные слова». Многочисленны примеры, в которых зафиксирована динамика развития аналитических временных форм и прежде всего – позиционная незакрепленность различных частиц (вопросительной, отрицательной) в составе аналитических форм, а также многие другие языковые тонкости.

Нелишним кажется напомнить справедливые замечания Д.М. Насилова: «<...> бывает трудно использовать данные, полученные, скажем, преимущественно с точки зрения количественных изменений среди глагольных форм, отмечаемых в письменных памятниках того или иного тюркского языка по отдельным языкам, не имея возможности привлекать их для выяснения сущности происходивших явлений (здесь и ниже курсив наш. – Г. Б.). Подобные затруднения возникают при анализе не только временных форм. Конечно, нельзя отрицать плодотворность изучения движения определенной категории через века, но при этом столь же важно и выяснение особенностей этого движения, выяснение внутренних его процессов. <...> При выяснении отношений отдельных категорий между собой и сведении их в систему <...> встает вопрос о совершенствовании методики системных исследований в тюркологии. <...> В настоящее время при изучении письменных памятников тюркских языков целесообразно обратить внимание на системное изучение грамматических категорий, зафиксированных в этих памятниках. Язык каждого памятника можно рассматривать как определенный синхронный срез. Сравнение таких синхронных срезов при учете динамики развития грамматического строя тюркских языков позволит выявить сдвиги и изменения как отдельных грамматических форм и категорий, так и всей их системы» [Насилов 1973: 67–68].

К этому можно добавить: при углубленном обсуждении проблемы «смешанности» чагатайского языка нельзя не привлечь диссертационное исследование А.Н. Самойловича «Книга рассказов о битвах текинцев», методологически безукоризненно разработанное и оснащенное богатейшим материалом (перев. в: [Самойлович 2005: 353–561], особенно см. «Отдел второй “Правописание и язык поэмы”»; с. 368–398).

ЛИТЕРАТУРА

- Бартальд В.* Предисловие // Мир-Али-Шир: Сб. к пятисоплетию со дня рождения. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1928. С. III.
- Благова Г.Ф.* О соотношениях прозаического и поэтического вариантов среднеазиатско-тюркского письменного-литературного языка XV – начала XVI в. (Падежное склонение в языке произведений Бабур) // Тюркологический сборник 1975. – М., 1978. – С. 62–91.
- Благова Г.Ф.* О принципах лингвистического изучения средневековых тюркских текстов // ВЯ. 1979, №6. – С. 97–107.
- Благова Г.Ф.* Проблемы лингвистического изучения средневековых тюркских текстов (О методике изучения. О соотношении истории письменного-литературного языка и исторической грамматики. О периодизации истории старописьменного языка) // Тюркологический сборник 1977. – М., 1981. – С. 27–50.
- Благова Г.Ф.* «Бабур-наме»: язык, прагматика текста, стиль. К истории чагатайского литературного языка. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1994. – С. 386.
- Боровков А.К.* Очерки по истории узбекского языка (Определение языка хикматов Ахмеда Ясеви) // Советское востоковедение. – Л., 1948, №5. – С. 229–250.
- Боровков А.К.* Очерки по истории узбекского языка. Часть II. Опыт грамматической характеристики языка среднеазиатского «тефсира» XIV–XV вв. // Советское востоковедение. – Л., 1949, №6. – С. 24–51.
- Грушина Э.А.* О «смешанном» характере языка письменных памятников, или проблема *olga-bolma* // Вопросы тюркской филологии. Вып. 3 (Материалы Дмитриевских чтений). – М.: Изд. центр ИСАА при МГУ, 1997. – С. 12–21.
- Давыдова Г.А.* Палеографическое описание Мунла ат («Сборник писем») Алишера Навои // Краткие сообщения Ин-та народов Азии АН СССР. Вып. XLIV. – М., 1961.
- Давыдова Г.А.* Из эпистолярного наследия Алишера Навои // Turcologica – 1986. – Л., 1986.
- Дмитриев Н.К.* Отзыв на канд. дисс.: Благова Г. Ф. Характеристика грамматического строя (морфологии) староузбекского литературного языка конца XV в. по «Бабур-наме». – М., 1954. – С. 17 (опубл. в выдержках на об. обложки кн. [Благова 1994]).
- Ильминский Н.* Вступительное чтение в курсе турецко-татарского языка // Уч. зап., издаваемые Имп. Казанским ун-ом. Кн. III. – Казань, 1861.
- Ильминский Н.Н.* Материалы для джагатайского спряжения. Из Бабур-наме // Уч. зап. Казанского университета. Вып. 1–2. – Казань, 1863.
- Кормушин Н.В.* Заметки о соотносительных терминах «народ türk» и «язык türk» в древнетюркских текстах // Российская тюркология. 2011, №2 (5). – С. 8–11.
- Котков С.И.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка. – М., 1980.
- Леонтьев А.А.* Жизнь и творчество Л.П. Якубинского // Якубинский Л.П. Избранные работы / Язык и его функционирование. – М., 1986. – С. 4–11.
- Наджип Э.Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. Кн. I. – М.: Изд-во «Главная редакция восточной литературы», 1979. – 480 с.
- Наджип Э.Н., Благова Г.Ф.* Тюрки язык // Языки мира / Тюркские языки. – М., 1997. – С. 126–138.
- Назарова Х.* Особенности синтаксического строя узбекского литературного языка конца XV – начала XVI в. – Ташкент, 1979.
- Насилов Д.М.* О лингвистическом изучении памятников тюркской письменности // Тюркологический сборник – 1972. – М.: Изд-во «Наука» ГРВЛ,

1973. – 1
Нур
татарско
Отъ
ИАН СС
Пуш
Пуш
Собр. со
Руст
ский сб
Само
Мир-Али
– С. 1–23
Само
Г. Ф. Бла
2005. – 10
Тени
Тюркские
Щерб
Юсуф
Авторы:
Якубин
циониро
Vodrog
München: I
Vrocker
telasiens. –
Eckman

БН – Б
тексте Н. И
БН Т –
Чл. – ч
BN – П

Blagov

Summa
documents
periods of
questions o
Key wo
dialect, pop

Сведен
ный сотруд

1973. – С. 62–68.

Нуриева Ф.Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода. – Казань, 2004. – 345 с.

Отъденбург С.Ф. Василий Владимирович Бартольд (15.XI.1869–19.VIII.1930) // ИАН СССР. Отд. обществ. наук, 1931.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч. – М., Л., 1937–1949. Т. I–XVI; Т. XI.

Пушкин А.С. О народной драме и о «Марфе Посаднице» М. П. Погодина // Собр. соч. Т. 6. – М., 1962.

Рустамов А. Некоторые падежные особенности языка Навои // Лингвистический сборник. – Ташкент, 1971.

Самойлович А.Н. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка // Мир-Али-Шир / Сб. к пятистолетию со дня рождения. – Л.: Изд-во АН СССР, 1928. – С. 1–23 (перепеч.: [Самойлович 2005: 923–940]).

Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Рунки // Сост. и отв. ред. Г. Ф. Благова и Д. М. Насилов. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2005. – 1036 с.

Темшев Э.Р. Тюркоязычных письменных памятников языка // Языки мира / Тюркские языки. – М., 1997. – С. 35–46.

Щербак А.М. Грамматика староузбекского языка. – М.; Л., 1962.

Юсуфов Б. Местонаимения в староузбекском литературном языке (XV–XVI вв.) / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1988.

Якубинский Л.П. О диалогической речи // Избранные работы / Язык и его функционирование. – М.: «Наука», 1986. – С. 17–58.

Yabroglugeti A.A. Grammar of Chagatay // Languages of the World: Materials, 155. – München: LINCOM Europa, 2001.

Brockelmann K. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. – Leiden, 1954. VIII – 429 S.

Eckmann J. Chagatay Manual. – Bloomington, 1966.

СОКРАЩЕНИЯ

БН – Бабур-нама. Бабер-намэ, или Записки Султана Бабера / Изд. в подлинном тексте Н. Ильминским. – Казань, 1857.

БН.Т – Бабур-наме. Записки Бабура / Перевод М. Салье. – Ташкент, 1956.

Ч.я. – чагатайский язык

BN – The Bābur-nāma / Ed. by A. S. Beveridge. – London-Leiden, 1905.

Blagova Galina F. Is Čagatay language «mixed» or standard language?

Summary: In the article the problem of «mixedness» of the language of written documents of the XIVth — XVIIth centuries' Middle-Asian region and of chronology of periods of formation of the literary language in its regional recensions, as well as questions of interrelatedness of the spoken by people and literary languages.

Key words: language of literary documents, «mixed» language, literary language, dialect, norm in language.

Сведения об авторе. Благова Галина Федоровна, доктор филол. наук, гл. научный сотрудник Института языкознания РАН (г. Москва). Тел.: 8-(495) – 691-63-06.

ТЕЛЕЦКОЕ ОЗЕРО НА КАРТАХ XVI–XVIII ВЕКОВ

О.Т.Молчанова, г. Щецин (Польша)

Резюме. Историческая направленность изучения географических имен является необходимой составляющей топонимических изысканий. Предметом предложенной статьи является изучение названий Телецкого озера, начиная с XVI в., когда современным вариантам имени (алтайскому и русскому) предшествовали монгольские, а также наименование, в котором автор усматривает связь с киданями.

Ключевые слова. картографические материалы, размещение племен, исторические контакты, интерпретация топонимов.

Телецкое озеро расположено в северо-восточной части горного Алтая. Географы фиксируют его названия начиная с XVI в. в следующих формах – на карте А. Вида (1542 г.): *Kytaiscko/Kydeisco*; на карте С. фон Герберштейна (1546 г.): *Kithay lacus*; на карте А. Дженкинсона (1562 г.): *Kitala Lacus*; на карте С. фон Герберштейна (1570 г.): *Kitala lacus*; дорожник С. фон Герберштейна: *Kitaisko lacu*; на карте Г. Меркатора (1595): *Kitaysko lac.*; на карте Й. Хондиуса (1606 г.): *Kitai lacus*; на картах П.И. Годунова (1672 г.): *Алтын*, (1667 г.): *Teletskoje oz.*; на карте Ю. Данкертса (до 1670 г.): *Izejora Sloje*; на карте неизвестного картографа (1675 г.): *Iaejora Sloje*; на карте Дж. Канделли (1685 г.): *Izeira Sloje*; на карте Н. Витзена (1687 г.): *Altin lacus sive Teleschkanje Kitai*; на карте Э. Идеса (1702 г.): *Ozero Kankijan*; на карте Ф. Страленберга (1730 г.): *Altun Nur/Altun kurke / Teleskoje*; на карте С.У. Ремезова: *тележцы* – у в. берега Телецкого оз., у него же – оз. *Тезенба*; на карте Иоганна Фишера (1774 г.): *Алтын Горь* [Бородаев, Контев 2007: 88]; у В.В. Радлова: *Tölös*; Г.П. Гельмерсен называет озеро *Алтын-Кадель*, *Алтын-куль*, *Алтын-нор*, *Артай* и *Армар*; современные названия у алтайцев – *Алтын-Көл*, *Төлдө-Көл*.

Алт. *Алтын көл* – букв. 'Золотое озеро', *Төлдө-Көл* – букв. 'Озеро телесов'. Здесь уместно сказать, что мо. *алт(ан)*, помимо значений 'золото; золотой', в составе почтительных, фразеологических, пословичных, фольклорных выражений, а также в составе астрономических, терминологических и ботанических названий реализует следующие семьи: 'золотистый; драгоценный; святой; высокохотимый; великолепный; добрый', например: *Алтан улс* – государство Джурдженей (Циньская династия); *алтан ураг* – золотой род Чингис-хана; *алтан хуур/алтан шарил* – святые останки [БАМРС 2001: 79]. Другой источник дает дополнительные примеры: *altan ord* – золотая/славянская орда; *Altan khaan* – Алтан-хан (1507–1583) [MED 2002: 30].

Русским озеро стало известно еще в начале XVII в., тогда-то оно и получило свое название *Төлдө-Көл* по имени племени *төлдөс* (ср.: др.-тюрк. *tölis* – название племени), населявшим в те времена верховья озера (*төлдөс* – название сеоков у алтай-кижи, телеутов, теленгитов, тубаларов). «Название Телецкое озеро было дано русскими по роду телес» [Аристов 1896: 293]; ср. также *Телеское оз.* в Башкирии, в основе которого этноним *телес* [Хисамитдинова 1992: 11].

¹ В монгольском названии озера *Altun kurke* компонент *kurke* можно сопоставить с мо. *хүрхрээ* 'водопад'.

История
го сына П
дидо собр
1633 г. сч
России. В
геологов,
ших мест с
лем для ал
шадь 20 40
ну с замети
Торот, огра
длиной око
бассейне Т
находится
около 70 бо

Относит
утихают сп

Согласн
нием северо
[Pelliot 1955
ского на лат
её до нашио
Chiny и т.д.
верном Кит
тай был изве
ние в V–VI
ских руин
233–239 гг.

(вероятно, Д
в. до н.э.). Я
Ch'i-tan был
семьи удало

основали им
дань'). Изве
чения дале
Китае есть

страны форм
понимы *Sev*
страны. Ка
шировал с
значение 'ц

Несмотр
неопределен

В тюрк
qidağ – xitaj,
алт., телеут.
выступает в

² Вероятно
в Европе нап

2012

I ВЕКОВ

афических имен яв-
скиханий. Предметом
ого озера, начиная с
и русскому) предше-
автор усматривает

ещение племен, ис-

горного Алтая. Гео-
лющих формах – на
фон Герберштейна
Italia Lacus; на карте
фон Герберштейна:
а карте И. Хондиуса
Telet-
taien, (1667 г.); *Telet-*
а карте неизвестного
(1683 г.); *Izeira Slot;*
tae/Kitai; на карте Э.
ерга (1730 г.); *Altan*
taien – у в. берега Те-
ишера (1774 г.); *Alt-*
taien; Г.П. Гельмерсен
Artaï и *Armap*; со-

уки. "Озеро телесов".
"золото; золотой", в
альдорных выраже-
жих и ботанических
ценный; святой; вы-
улс – государство
од Чингис-хана; *alt-*
Э]. Другой источник
и ора; *Altan khaan* –

та-то оно и получило
-тюрк. *tölis* – назва-
ölis – название сео-
ание Телецкое озеро
х, также *Телецкое* оз.
юва 1992: 11].

ент *kurke* можно

Истории известен год (1633), когда казаки под предводительством боярского сына Петра Сабанского впервые посетили Телецкое озеро. В их задачу входило собрать как можно больше сведений об озере. Задача была выполнена, и 1633 г. считается временем вхождения района Телецкого оз. в сферу влияния России. В дальнейшем оно стало предметом изучения многих исследователей: геологов, географов, историков, биологов и т.п. Сейчас оно одно из любимейших мест отдыха в Южной Сибири. Телецкое озеро является родовым хранителем для алтайских сеоков *tölös*, *almat* и *köböč*. Бассейн озера занимает площадь 20 400 кв. км и представляет собой как бы самостоятельную горную страну с заметным понижением с юго-востока от хр. Чихачева на северо-запад к хр. Торот, ограждающему бассейн озера с севера. Озеро имеет вытянутую форму с длиной около 78 км, шириной до 5 км и глубиной до 325 м [Геблер 1956: 16]. В бассейне Телецкого озера насчитывается 2560 озер, большинство из которых находится на высоте 1500–2500 м над уровнем моря. В Телецкое озеро впадает около 70 больших и малых рек.

Относительно названия Телецкого озера *Kumaisko/Kydeisco* до сих пор не утихают споры, а потому остановимся на них подробнее, начав с имени Китай.

Согласно мнению китаиста П. Пельо, *Catai* является средневековым названием северной части Китая, которое европейцами зафиксировано как *Cathay* [Pelliot 1959: 216-229]. Оно появилось в 1221 г. н.э. как транслитерация с арабского на латинский собственно китайской формы *Ch'i-tan* (**K'jət-tän*), сохранив её до наших дней в написании: англ. *China*, нем. *China*, франц. *Chine*, польск. *Chiny* и т.д. Племенная группа *Ch'i-tan* (**K'jət-tän*) основала в 907 г. н.э. в северном Китае династию, позже известную как *Ляо* (*Liao*). Задолго до этого Китай был известен в Центральной Азии по имени китайского народа. Это название в V–VI вв. н.э. было заменено на *Tabuac*, *Tofuac* (так Китай назван в тюркских рунических надписях на Орхоне). Имя *Ch'i-tan* было известно уже в 233–239 гг. н.э. Династический титул *Ляо* (*Liao*) народ *Ch'i-tan* принял в 1066 г. (вероятно, *Ляо* (*Liao*) было названием реки, восходящим, по меньшей мере, к III в. до н.э.). Языком *Ch'i-tan* (киданей) был монгольский. Последний император *Ch'i-tan* был свергнут в 1125 г. н.э., однако одному из членов императорской семьи удалось бежать на запад с частью соплеменников, где они в долине р. Чу основали империю, известную как *Qarā-Hitai*, или Чёрные Кидани ('платящие дань'). Известно также, что у Птолемея упоминается *Sinae/Thinae* для обозначения далекой и неизвестной страны в Азии. Кроме Птолемея упоминание о Китае есть еще у двух древних авторов, которые употребляли для названия страны форму *θiv'*, более близкую к исходной. У Птолемея находим ещё и топонимы *Sera* и *Serice*, первое для обозначения столицы, второе – собственно страны. Как предполагает Г. Юл, название *Seres* Запад с самого начала ассоциировал с шелковым червём и производством шелка (в кит. *zee* и *szu* имели значение 'шелк') [Yule 1966: 21].

Несмотря на богатую литературу о киданях, их история до сих пор полна неопределенностей и противоречий, касающихся фактов, имен, дат и пр.

В тюркских языках название *Ch'i-tan* имеет следующие формы: др.-тюрк. *qitaj* – *xitaj*, уйгур. *kytai*, тар. *xitai*, тур. *xutai*, казан., тобол. *kytai*, шорск. *kyttaj*, алт., телеут. *kydat*, *Кыдат jer* – Китай, якут. *kytaj* и др., где указанная лексема выступает в современном значении 'Китай; китайский' [Räsänen 1969: 265].

² Вероятно, этой инициальной согласной не было в арабском, а потому и появилось в Европе написание через [ch].

Тюрки дали это название самодийцам в форме *xatani* 'татары' [Räsänen 1969: 265]. В монгольских языках можно найти следующие формы: п.-мо. *kitad*, мо. *xitad*, бур. *xitad*, калм. *kitan* с тем же, что и в тюркских языках, значением – 'Китай; китаец' [СТМ 1975, 1977]. В форме *кыдат* и подобных ей лексема входит в племенные подразделения многих тюркских народов. По мнению А.Г. Преображенского, русские заимствовали слово *Китай* у тюрков, ср. греч. *Kitáiki* [Преображенский 1949: 310]. М. Фасмер подтверждает эту мысль, добавляя, что временем заимствования можно считать XV в. [Фасмер 1964–73: 240]. Г. Юл утверждает, что империя Кара-Китаев простиралась от Корейского моря до Алтая [Yule 1966: 146]. В ряде источников, в том числе современных, империя кара-китаев локализуется авторами приблизительно и в разных географических точках, без ссылок на существующие карты.

Из европейских источников, в которых изображена на картах территория юго-западной Сибири, следует упомянуть карту англичанина А. Дженкинсона (Anthony Jenkinson, ca. 1525–1611) 1562 г., которая имеет длинное и любопытное название – *New Description of Russia, Muscovy and Tartary – Niva absolutaque Russiae, Moscoviae, Tartarie, deptio Authore Antonio Jenkinsono Anglo, Clemente Adamo edita, a Nicolau Reinoldo Londinensi, ari insusta. Anno salutis. 1562* (Новое описание России, Московии и Тартарии – Снежные просторы России, Московии, Тартарии, представленное его автором Антонием Дженкинсоном, англичанином и т. д.).

Эта карта А. Дженкинсона³ составлялась между его первым, начавшимся 23 апреля 1558 г., и вторым, когда он выехал из Англии 14 мая и прибыл в Холмогоры 26 июля 1561 г., путешествиями. Целью первого путешествия был Китай (Cathay), второго – Персия [Keunig 1956: 172]. Первая карта А. Дженкинсона, опубликованная согласно Ортелиусу (Ortelius), в Лондоне и посвященная Генри Сиднею (Henry Sydney), который в 1560 г. был назначен Лордом-Председателем Совета Уэльса, долгое время считалась утерянной, но в 1989 г. о ней объявила К. Шикюла (Krystyna Szykula), сотрудница Отдела исторических атласов библиотеки Вроцлавского университета, на конференции в Голландии, посвященной истории картографии. После этого события К. Шикюла опубликовала несколько статей, в которых она подробно проанализировала карту А. Дженкинсона, одновременно высказав своё мнение относительно Китайского озера и других топографических объектов, размещенных на этой карте. Автор сообщает, что карта А. Дженкинсона изображает р. Обь (*Oba fl.*), которая берет начало в так называемом *Kitaja Lacus* на широте Перми и впадает в Северное море (на карте *Mare Septentrionale*), в настоящее время Карское море [Szykula 1995: 11]. К. Шикюла сомневается в существовании в этой части Сибири большого озера, названного *Китайским* на карте А. Дженкинсона [Szykula 2000: 18]. Некоторые авторы полагают, что *Kitaja Lacus*, скорее всего, указывало на путь в Китай.

³ Карта А. Дженкинсона помещена, помимо других изданий, в книгах К. Небензали [Nebenzahl 2005: 146–147], а также В.Б. Бородаева и А.В. Контева [Бородаев, Контев 2007: 36, 38]. Я видела оригинал карты А. Дженкинсона (1562 г.) в Отделе исторических атласов библиотеки Вроцлавского университета (Польша).

⁴ Три другие карты, на которых стоит имя А. Дженкинсона, были опубликованы в Нидерландах, первая из перечисленных есть у Ортелиуса в его *Theatrum orbis terrarum* (1570 г.), вторая – в Gerard de Jode's *Speculum orbis terrarum* (1578 г.). Третья карта, где есть имя барона Герберштейна, известна в одном экземпляре, хранящемся в России (до 1572 г.) [Keunig 1956: 174].

Возм
добрыз
Князя Е
1525
историк
дило по
шем соз
упомяну
дошел к
жена у
ники то
Иовнем
зам Д. П
ласов и
где свое
водного
короче,
Однако,

Посо
1486/87–
славянск
им славя
ствий (15
но переос
источник
работа В
1549 г.,
эти карта
1956: 174

Следу
Антония
материал
карту М
В.Б.Боро
А.Вида о
углу чер
надпись
Kydeisco,
граммати
пографи
дается по
75]'. Опи
С. Мюнст
Вид роди
визирова
его литви

⁵ По по
проблема,
кой-то рус
почитает о

ары' [Räsänen 1969: 10]; п.-мо. *kitad*, мо. языках, значением – в них ей лексема вхо- ов. По мнению А.Г. орок, ср. греч. *Κηάδ* ту мысль, добавляя, смер 1964–73: 240]. от Корейского моря современных, импе- в разных географи-

а картах территория ина А. Дженкинсона длинное и любопыт- ary –*Niva absolutaque sono Anglo, Clemente o salutis*. 1562 (Новое торы России, Моско- женкинсоном, англи-

рвым, начавшимся 23 я и прибыл в Холмо- ешествия был Китай рта А. Дженкинсона, и посвященная Ген- л назначен Лордом- ерянной, но в 1989 г. Отдела исторических ренции в Голландии, К. Шинкула опублико- лизировала карту А. ительного Китайского на этой карте. Автор *Oba fl.*), которая берет и впадает в Северное Карское море [Szykula ий части Сибири боль- инсона [Szykula 2000: е всего, указывало на

д, в книгах К. Небензала нтева [Бородаев, Контев 2 г.) в Отделе историче-

а, были опубликованы в o *Theatrum orbis terrarum* 1578 г.). Третья карта, где хранищемся в России (до

Возможно, что идея о том, что из северной части Сибири можно на судах добраться до Китая, была сформулирована впервые посланником Великого Князя Василия III Д. Герасимовым (ca. 1465–1535), когда тот посетил Рим в 1525 г. Папа Климент VII определил для работы с Д. Герасимовым известного историка и врача П. Иовия (Paolo Giovio/Paulus Jovius), в задачу которого входило получение как можно больше сведений о России с тем, чтобы в дальнейшем создать книгу из собранных материалов. История о том, как впервые был упомянут маршрут в Китай (в доме около оз. Гарда в Италии Д. Герасимов подошел к глобусу и показал на нем путь в Китай через Сибирь), подробно изложена у Дж. Бэддели с опорой на процитированные им среднеанглийские источники того времени [Baddeley 1919: cxiii]. Сотрудничество Д. Герасимова с П. Иовием привело к созданию карты, которую П. Иовий составлял сам по рассказам Д. Герасимова. Карта Д. Герасимова была впервые найдена в одном из Атласов известного венецианского картографа Батиста Агнесе (Batista Agnese), где свое предположение Д. Герасимов отобразил на карте в виде свободного водного пространства за р. Обь; путь, который, по Д. Герасимову, был гораздо короче, по сравнению с южным маршрутом, в обход Африки [Bagrow 1962: 43]. Однако, никакого названия для этого пространства на карте нет.

Посол Германии в России С. фон Герберштейн (Sigismund Herberstein, 1486/87–1566) родился в юго-восточной Австрии и был с детства знаком со славянскими языками. Он учился в Вене на юридическом факультете, а знание им славянских языков помогало ему общаться с русскими во время его путешествий (1516–1518 гг.; 1526–1527 гг.), при этом С. фон Герберштейн многократно переспрашивал людей для проверки информации, а также искал письменные источники [Bagrow 1962: 45]; недаром его называли открывателем России. Его работа *Rerum Moscoviticarum Commentarii* впервые была опубликована в Вене в 1549 г., она содержала карту России и план Москвы, хотя известно что именно эта карта уже была до С. фон Герберштейна опубликована в 1546 г. [Keunig 1956: 174].

Следует остановиться на тех надписях, что сопровождают две карты: карту Антония Вида (A. Wied) 1542 г., нарисованную им по описаниям и посольским материалам, предоставленным И. Лятским, покинувшим Россию в 1534 г., и карту Московии С. фон Герберштейна 1549 г. Обе они имеются в книге В.Б.Бородаева и А.В.Контева [Бородаев, Контев 2007: 28–29, 32]. Верх карты А.Вида ориентирован на восток, поэтому р.Обь оказывается в левом верхнем углу чертежа. Правые притоки Оби не показаны, но сверху вдоль Оби идет надпись *Kutaisko*, а выше этого слова более крупными буквами стоит название *Kudeisco*, написанное латиницей. Можно только предположить, исходя из грамматической формы слов, что *Kutaisko/Kudeisco* могло иметь при себе топографический термин *озеро*. Из известных мне источников, карта А.Вида является первой, где появилось обозначение *Kutaisko/Kudeisco* [Keunig 1954: 75]³. Описываемая карта была нарисованная А.Видом в 1542 г. и опубликована С. Мюнстером в 1544 г., а также самим А. Видом в 1555 г. Сообщается, что А. Вид родился на Рейне. Возможно, его предки были славянами или он сам славянизировал свою фамилию, когда поселился в Гданске. Некоторые называют его литвином [Bagrow 1962: 44].

³ По поводу *Kudeisco* Дж. Бэддели пишет, что это интересная, хотя и не разрешимая проблема, связанная с тем, получил ли А. Вид информацию о *Kutaisko/Kudeisco* с какой-то русской, но потерянной карты или нет [Baddeley 1919: cviii]. Дж. Бэддели предпочитает ответить на это утвердительно.

На карте С. фон Герберштейна 1549 г. можно отчетливо прочитать на расширенном участке верховья Оби надпись *Kithay lacus*, а к северо-востоку от этого места – *Cumbalick regia in Kytay* с чётко прорисованной на карте крепостью и явно тюркским её названием – Песчаный город [Бородаев, Контев 2007: 28–29, 32].

Известно, что предшествовавшая поездке А. Дженкинсона экспедиция Бороу (William и Stephen Borough) представила детальные сведения о северном побережье Сибири и верхнем течении р. Обь, вплоть до устья (1556 г.). По мнению К. Шикеры, Бороу не изменил сведений, касающихся так называемого Китайского озера. Польская исследовательница обращает внимание и на другие детали карты А. Дженкинсона, например, на впадающую в Китайское озеро р. *Сур* (*Sur*) и её приток *Амов* (*Amov*)⁶, а также на то, что на карте отсутствует Аральское море, с которым, по мнению К. Шикеры, невольно ассоциируется как по размеру, так и по форме Китайское озеро. Она предполагает, что А. Дженкинсон переместил Аральское море далеко на север, тем более что названия впадающих в него рек Аму-Дарья и Сыр-Дарья переключаются с именами рек *Сур* и *Амов* на карте А. Дженкинсона.

В другой своей работе К. Шикера возвращается к выдвинутой гипотезе, называя имена её сторонников и противников [Szykula 2000: 91]. Кроме того, А. Дженкинсон разместил племя *Nagaia* с левой стороны от реки *Sur*, с правой же стороны почти во всю длину реки отчетливо читается надпись *Cassacki*. На карте А. Дженкинсона есть также *Tashkent* и *Shamarghan*, придвинутые к *Kिताю lacus*. Не вдаваясь далее в долгий спор картографов и историков по поводу Китайского озера, замечу только, что Аральское море не имеет ни одной крупной реки, которая бы из него вытекала.

Далее я излагаю свои наблюдения с привлечением перечисленных выше и иных источников информации.

Карта, считающаяся совместной С. фон Герберштейна и А. Дженкинсона, теперь уже из книги К. Невензала, помечена 1570 г. и является одной из трёх, появившихся в атласе Ортелиуса (Ortelius), но основанной на данных двух предыдущих карт – самого С. фон Герберштейна и А. Дженкинсона [Nebenzahl 2005: 149]. Её сделали датские гравёры Ян и Лукас ван Дейтекум (Jan и Lucas Deutecum). Внизу карты – царь Василий III. На карте есть озеро *Kिताю lacus*, внутри которого нарисован лебедь, а у левого берега стреляющий из лука в лебедя человек. Малыми буквами у истока современной Бии надпись *Crustima*. Недалеко от левого притока современной Бии надпись у небольшого поселения – *Terou*. В левом юго-западном конце *Kिताю lacus* поселение, названное *Chirai*. Вдоль безымянной реки скопление юрт и название – *Temlsbi*. Изображена та же самая, что и у А. Дженкинсона, большая река *Sur fluvius*, доходящая до Бухары. Примечательна надпись у юго-восточного края *Kिताю lacus* – *Iugoria*.

В русском дорожнике, которым пользовался Герберштейн для составления карт, указывалось, что р. Обь (*Oby flu.*) берёт начало из Китайского озера (*Kитайско lacu*). В этом же дорожнике содержались сведения о чёрных людях (*hominess nigri*), которые не владеют общепризнанной речью, но в весьма большом числе приходят от этого озера с разнообразными товарами.

На карте Герарда Меркатора 1595 г. есть только *Kитайско lac* [Nebenzahl 2005: 40].

⁶ Известно, что А. Дженкинсон пропутешествовал 100 миль по высохшей реке *Oxus* (совр. Сыр-Дарья), затем пересек большую реку, которой дал имя *Ardok* (т.е. Amu-Daria), последняя размещена на его карте под названием *Amov* [Keunig 1956: 172].

В книге ставленная [153]. Карта Хондиуса (*Catalo/Cath*) средневеков стены. Из ко она содержит *Margus flu.* и недалеко от горы *Taruri*. квами такого внизу которого

Известно повторяемой между назва следующее (для Китая) [каж речь не и китайской ст или черных к

Любопыт фон Герберштейн шел в них мн карту под наз 78]. Здесь же ностью: «Ur Map of Russia вер, что почт fluvius (Obi), в Mare Glacia от Герберштейн что Cathay na

На карте, есть и террито нии р. Чуя, зл таев/киданей, Ремезова есть

Не отказ (Witsen), кот имени (*Altin* в поряжении Н ты [Keunig 19 на. Он родил вился в Росс 1954]. Поездк в Москву. Из

⁷ В обстоят точно места уд спорших и сч

В книге К. Небензала под номером 5:3 помещена карта Tartaria (Tartary), составленная Ядакусом Хондиусом (Jadocus Hondius, 1563–1612) [Nebenzahl 2005: 153]. Карта была издана в Амстердаме в 1606 г. На представленной карте Я. Хондиуса Азия поделена на две провинции – Скифию (Scythia) и Китай (Cataio/Cathay). Здесь территория Китая (Cataio/Cathay), как и на всех остальных средневековых картах, сделанных в Европе, расположена к югу от китайской стены. Из книги неясно, на какие источники описываемая карта базируется, но она содержит дополнительные сведения к тем, что были приведены выше. Это р. *Margus flu.*, изображённая как левый приток *Oby fluvius, Tashkent*, помещённый вдалеке от *Kिताia lacus*. Между *Margus flu.*, *Oby fluvius* и *Kिताia lacus* находятся горы *Tauri montes* и *Care Desertum* (= черная пустыня). Слева от *Kिताia lacus* буквами такого же размера как *Care Desertum* выведено имя племени – *Cara Kithay*, внизу которого можно прочитать надпись *id est Nigra Cathay*.⁷

Известно, что имя *Kिताia lacus* многими картографами считалось ошибкой, повторяемой от карты к карте. Я полагаю, что не существует никакой связи между названием *Kिताia lacus* и Китаем (территория). В книге К. Небензала есть следующее пояснение: «*Cathay* – это классическое и раннесредневековое имя для Китая» [Nebenzahl 2005: 166]. Думается, что во всех приведенных источниках речь не идёт о территории Китая, которая в то время располагалась к югу от китайской стены, или направлении в сторону Китая, а о племени кара-китаев, или черных киданей.

Любопытна статья Дж. Вебба, где он подробно проанализировал карты С. фон Герберштейна, А. Дженкинсона, Г. Меркатора, Ортелиуса, А. Вида и нашёл в них многочисленные несоответствия, которым он противопоставил одну карту под названием *The Van Deutecum Map of Russia and Tartary* [Webb 1965: 78]. Здесь же он сделал одно попутное замечание, которое я процитирую полностью: «Уральские горы тянутся в нужном направлении на *The Van Deutecum Map of Russia and Tartary* и простираются приблизительно от 72° до 58° на север, что почти правильно. Над горами есть указатели рек к востоку от *Obij fluvius* (Obi), вероятно ранние догадки о реках Таз и Енисей. Сама Обь впадает в *Mare Glaciale* из *Kिताia Lacus* (the Lake of Cathay): вся эта концепция исходит от Герберштейна и противоречит утверждению в юго-восточном углу карты, что *Cathay* находится в 30 днях пути к востоку от Кашгара».

На карте, составленной русским картографом С.У. Ремезовым в 1687 г., где есть и территория Горного Алтая, обозначен улус *Долон катаи* в среднем течении р. Чуя, здесь мо. *далоо(н)* 'семь', т.е. улус *далон катаи* – это улус семи китаев/киданей, а также имя *Kатаи* у р. Чуя, правого притока р. Катунь. У С.У. Ремезова есть и *Kатаи* с тем же объяснением.

Не отказался от первоначального имени и Н. Витзен (Nicolaas Corneliszoon Witsen), который на своей карте 1687 г. помещает для Телецкого озера три имени (*Altin lacus, Teleesehkajae* и *Kитай*), при этом следует помнить, что в распоряжении Н. Витзена были оригинальные русские, китайские и японские карты [Keunig 1954: 100]. Небезынтересны некоторые факты биографии Н. Витзена. Он родился 8 мая 1641 г. в Амстердаме. В сентябре 1664 г. Н. Витзен отправился в Россию в свите посла Штатов Якоба Бореля [Bagrow 1962, Keunig 1954]. Поездка была продолжительной: только в конце января миссия прибыла в Москву. Известно, что это была первая и последняя поездка Н. Витзена в Рос-

⁷ В обстоятельной книге М.П. Алексеева [Алексеев 2006: 83, 87, 91, 92, 94] достаточно места уделено рассматриваемой проблеме, однако, похоже на то, что никто из соавторов и считающих *Kिताia lacus* ошибкой не отчитал должным образом карты.

сию, где он провел несколько месяцев, так и ни разу в течение всей своей жизни не побывав в ее азиатской части. По возвращении в Нидерланды Н. Витзен застал страну в состоянии войны с Англией и увидел для себя возможность занять важные государственные должности, что он и сделал. Будучи бургомистром Амстердама, Н. Витзен принимал у себя Петра I, подружился с ним и впоследствии стал почетным корреспондентом последнего.

Еще в Москве Н. Витзен познакомился со своим соотечественником Виннусом-Старшим, который занимал высокую должность в Посольском приказе (= Министерство иностранных дел); через этого человека Н. Витзен получил много подробных сведений о России и Востоке. Предполагается, что именно Виннус-Старший познакомил его с калмыцким князем и иными важными людьми в Москве. Витзен вернулся на родину с твердым намерением узнать как можно больше о необъятных просторах, протянувшихся к востоку от Москвы, племенах, народах и расах, их населяющих. До конца своих дней Н. Витзен (1717) вел интенсивную переписку со многими людьми в России и на Востоке, в деталях интересуясь всем, особенно же тем, что было связано с географией. Практическим результатом его переписки стали карта и книга. Карта называется так: «Карта северных и восточных частей Азии и Европы, простирающихся от Новой Земли до Китая, таким образом вычерчена, подписана, снята и опубликована после более, чем двадцати лет трудоемких поисков информации, Н. Витсеном 1687 г. н.э.» (A Map of the Northern and Eastern parts of Asia and Europe reaching from Novaya Zemlya to China, thus drawn, inscribed, mapped and published, after more than twenty years painstaking enquiry, by Nicolaas Witsen, A.D. 1687). Размер карты – 1,24 м x 1,14 м. Карта не потеряна: ее оригиналы находятся в библиотеках Нидерландов, Швеции, Франции, Германии, Англии, России.

Вышеназванная карта (1687) составлялась с опорой на карту П.И. Годунова (1667), а также карту мира, полученную из Китая, которая во многом напоминала подобную, опубликованную Меркатором-Старшим в 1587 г. Помимо названных источников информации, Н. Витзен пользовался и другими, устными и письменными, оказавшимися ему доступными благодаря дружбе с Петром I. В моем распоряжении оказалась копия этой карты, любезно присланная мне библиотекой Упсальского университета (Швеция) в июле 2009 г.

Мне удалось найти подтверждение моей точки зрения о том, что не существует никакой связи между названием *Kitaia lacus* и Китаем (территория) также в книге А.Г. Малявкина: «В.Ф. Минорский в своих изысканиях не обратил внимания на то, что в этом месте Махмуда Кашгарского, да и вообще в любом другом средневековом восточном тексте, слово *Kitai* никак не может быть отнесено к Среднему государству – так именовали только юданей и их государство. *Kitai*, *кытай*, *катай* и др. варианты – это самоназвание монголоязычного народа, известного сейчас в отечественной литературе под названием киданей» [Малявкин 1983: 114].

Догадка о том, что в слове *Китайское* (озеро) нужно видеть не Китай в современном его значении, а Кара-Китай (Kara Cathay), страну “черных монголов”, была высказана еще в 1834 и 1877 гг. Она подробно изложена М.П. Алексеевым [Алексеев 2006: 92]. В этой же ссылке указывается, что государство Kara Cathay было основано в XII в. выходцами из северного Китая. Оно занимало значительную территорию: от Китайского и Русского Туркестана, а также Лобнора до среднего течения Сыр-Дарьи и от Хотана до Балхаша [Алексеев 2006: 92]. Теперь в эту страну можно включить и Алтай.

Подкреплением вышеизложенному служат и те обозначения (*Cara Kithay*, *W eft Nigra Cathaio*), которые зафиксированы на более, чем одной карте. Вспом-

ним озеро *Kita* ляющий в него сона (1570 г.) роды никогда упоминаются убиивший случа пока не засыха которое время живущих на пр – лебедины. Г со своих земель

Доказатель собранной на т от н.п. Верхняя р. Бия; *Kitai* бинной; *Kitai* сооги – могла Алтай существ цев есть личное

Таким обра *China/Chine/Chi* русском слове л ное прочтение д могут внести св данном случае ских и арабских

«Кидани бы матами и куман но, увлекшись ч тили свое хвист

Алексеев М. XIII–XVII вв. –

Аристотель Н. и сведения об и

БАНРС 200

Академия, 2001

Бородаев В. Азбука, 2007. –

Гейлер И.В. Гумилев Л.Н.

Комаров и К°, 1

Малявкин А. Оймонев В.

эпосе. – Горно-А Преображен

том 1. СТМ 1975. Л.: Наука, 1975.

ение всей своей жи-
ланды Н. Витзен
себя возможность за-
и. Будучи бургомист-
ужился с ним и впо-

ественником Вини-
польском приказе (=
Витзен получал много
что именно Виниус-
скими людьми в Мо-
нать как можно боль-
Москвы, племенах, на-
тзен (1717) вел интен-
же, в деталях интере-
ей. Практическим ре-
зается так: «Карта се-
ся от Новой Земли до
никована после более,
сеню 1687 г. н.э.» (A
ing from Novaya Zem-
after more than twenty
измер карты – 1,24 м х
отеках Нидерландов,

а карту П.И. Годунова
я во многом напоми-
1587 г. Помимо на-
и другими, устными и
дружбе с Петром I. В
присланная мне биб-
9 г.

о том, что не существ-
зм (территория) также
ниях не обратил вни-
вообще в любом дру-
с не может быть отне-
киданей и их государ-
вание монголоязычно-
под названием кида-

видеть не Китай в со-
страну "черных монго-
изложена М.П. Алек-
ется, что государство
ого Китая. Оно зани-
го Туркестана, а также
до Балхаша [Алексеев
зачения (*Sara Kithay, id*
одной карте. Вспом-

ним озеро *Kitaia lacus*, внутри которого нарисован лебедь, а у левого берега стре-
ляющий в него из лука человек, изображенные на карте Герберштейна и Дженкин-
сона (1570 г.). Этим человеком никак не мог быть тюрк, поскольку тюркские на-
роды никогда не стреляли в лебедей. Лебеди для них – священные птицы, которые
упоминаются как таковые в легендах, героических сказаниях и сказках. «Алтаец,
убивший случайно лебедя (куу) ходил по домам соседей с этой птицей до тех пор,
пока не засыхали ее глаза <...>. Считалось, что человек, убивший лебедя, через не-
которое время должен умереть» [Ойношев 2006: 95]. Одно из алтайских племён,
живущих на правой стороне современного Телецкого озера, называется куу-кижи
– лебедины. По одной из алтайских легенд, алтайцы были покорены и вытеснены
со своих земель киданями.

Доказательными могут служить и следы этнонима в современной топонимии,
собранный на территории Республики Алтай. Они таковы: *Катай* (ручей) недалеко
от н.п. Верхняя Мута и н.п. Кулжтонар; ил *Кидатси* (алт. *Кыдаттыан-Айылы*) на
р. Бия; *Китайкин* (ручей) недалеко от н.п. Барагаш; *Китайский* (кюч), д.п.р. Кол-
бинной; *Китай-Сёйги* – место на л. бер. р. Чолушман, н.п. Балыкча (алт. *китай*
сёйги – могила китайца). Кроме того, у родов алтай-кижи и тодош в Республике
Алтай существуют подразделения *кыдат-тодош* и *кыдат-алтай-кижи*. У алтай-
цев есть личное имя Кыдат (Тебекова Кыдат).

Таким образом, никак не оспаривая того факта, что начальные графемы в
China/Chine/Chiny – это результат арабского посредства, а начальная графема в
русском слове *Китай* – тюрко-монгольского, я хотела бы сказать, что вниматель-
ное прочтение доступных карт Сибири и сопредельных территорий XVI–XVIII вв.,
могут внести свои коррективы в установление мест пребывания разных народов, в
данном случае – киданей. Кроме того, Китай был известен торговцам из персид-
ских и арабских портов как *Махтин* (из санскр. *Mahadhin*).

«Кидани были народом древним, появившимся одновременно с хуннами, сар-
матами и куманами. Они достигли фазы зрелости – мудрой и крепкой старости,
но, увлечшись чужой китайской культурой, в самом деле очаровательной, превра-
тили свое ханство в химерную империю Ляо» [Гумилев 1992: 266].

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев М.П. Сибирь в известиях западных путешественников и писателей
XIII–XVII вв. – Новосибирск: Наука, 2006.
- Аристов Н.И. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей
и сведения об их численности // Живая старина – СПб., 1896, вып. 1.
- БАРРС 2001 – Большой академический монгольско-русский словарь. – М.:
Академия, 2001.
- Бородаев В.Б., Контев А.В. Исторический атлас Алтайского края. – Барнаул:
Азбука, 2007. – 215 с.
- Гейзер И.В. Советский Горный Алтай. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1956.
- Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. – М.: Товарищество Клышников,
Комаров и К°, 1992.
- Мазавкин А.Г. Уйгурские государства в IX–XII веках. – Новосибирск, 1983.
- Ойношев В.П. Система мифологических символов в алтайском героическом
эпосе. – Горно-Алтайск, 2006.
- Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М., 1949,
том 1.
- СТМ 1975, 1977 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. –
Л.: Наука, 1975, 1977.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Наука, 1964–73, том 2.

Хисамитдинова Ф.Г. Географические названия Башкортостана. – Уфа, 1992.

Bagrow L. At the sources of the cartography of Russia // *Imago Mundi*, 1962, vol. 16.

Baddley John T. Russia, Mongolia, China. Being some Record of the relations between them from the beginning of the XVIIth century to the Death of the Tsar Alexei Mikhailovich A.D. 1602-1676. Rendered mainly in the Form of Narratives dictated or written by Envoys sent by the Russian Tsars, or their Voevodas in Siberia to the Kalmuk and Mongol Khans and Princes; and to the Emperors of China with Introduction, Historical and Geographical also A Series of Maps showing the progress of Geographical Knowledge in regard to Northern Asia During the XVIth, XVIIth, and early XVIIIth Centuries. The Texts taken more especially from Manuscripts in the Moscow Foreign Office Archives. The Whole by John T. Baddley. In Two volumes. – London: Macmillan and Company, Limited, St.Martin's Street, 1919.

Keunig Johannes. Nicolaas Witsen as a cartographer. // *Imago Mundi*, 1954, vol. 11.

Keunig Johannes. Jenkinson's map of Russia. // *Imago Mundi*, 1956, vol. 13.

MED 2002 – Mongolian-English Dictionary. Chief Editor Chuluunbaatar Ganhuyag. Printed in Mongolia, 2002

Nebenzahl Kenneth. Mapping the Silk Road and Beyond. 2,000 Years of Exploring the East. – New York: Phaidon Press Limited, 2004. – 176 pp.

Pelliot P. Notes on Marco Polo. Imprimerie Nationale Librairie Adrien-Maisonneuve. – Paris, 1959, vol. I.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen // *Suomalais-Ugrilainen Seura*. – Helsinki, 1969.

Szykula Krystyna. Odnaleziona mapa Rosji Jenkinsona z 1562 roku. Pierwsza próba analizy mapy. // *Acta Universitatis Wratislaviensis* 1678, 7-31. – Wrocław.

Szykula Krystyna. Mapa Rosji Jenkinsona (1562). Kolejne podsumowanie wyników badań roku. // *Czasopismo geograficzne*. – Wrocław, 2000, tom LXXI, part 1: 67-97.

Webb John W. The Van Deutecum Map of Russia and Tartary. Merchants and Scholars. Essay in memory of James Ford Bell and edited by John Parker. – Minneapolis: The University of Minnesota Press, 1965.

Yule 1966 – Works issued by The Hakluyt Society – *Cathay and the Way Thither*. Being collection of Medieval notices of China translated and edited by Colonel Sir Henry Yule. – Taipei Ch'eng-wen publishing Company, 1966, vol. 1..

Molchanova Olga T. Teletskoye Lake on the maps of the sixteenth through eighteenth centuries

Summary. Historical approach to the study of place-names is an integral part of any research on toponomastics. This is the reason for the choice of the topographical name Teletskoye Lake dated back to the sixteenth through eighteenth centuries as a subject-matter of the present paper. The paper deals with its present designation (Altai and Russian) and traces back its other names given to the lake earlier: Mongolian and Kydat.

Key words: cartographical materials, tribe distributions, historical contacts, place-name interpretation

Сведения об авторе. Молчанова Ольга Тихоновна, докт. филол. наук, профессор кафедры английской филологии Щещинского университета (Польша). E-mail: molchan@univ.szczecin.pl.

Резюме.
ные в енисей
Центральной
няется време
для эпизода
Ключевы
ды, эпос «Ма

Китайски
жду 202–200
российских а
то лишь отч
Верхнем Ени
культурный у
активно учас
Но лишь тыс
ственным яз
ных стелах,
Сибири и Се
гравированн
ных сосудах
некогда напи

Время не
дней бесценн
значение для
них найдены
Надписи Золо
те. Брат Барс
войны с тюрк

Еще одно
отправил за
кыргызы наз
спине каменн
анта сообщае
Кара-хана.³ И
титул «каган
ханами, а ее
на берегах р.
были унигто
половиной VI

ЕНИСЕЙСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ О КЫРГЫЗАХ И «ВЕЛИКИЙ ПОХОД» МАНАСА

С.Г. Клишторный, г. Санкт-Петербург

Резюме. В статье анализируются сведения о древних кыргызах, отраженные в енисейских рунических памятниках. Выясняется роль кыргызов в истории Центральной Азии, их борьба с соседними племенами и государствами. Уточняется время их военного столкновения с Китаем, которое могло стать основой для эпизода о Великом походе в эпосе «Манас».

Ключевые слова: енисейские кыргызы. Кыргызский каганат, военные походы, эпос «Манас».

Китайские летописи упоминают кыргызов под их собственным именем между 202–200 гг. до н. э. Однако лишь упорная работа нескольких поколений российских археологов и эпиграфистов-тюркологов позволила восстановить, и то лишь отчасти, древнейшую историю народа и государства кыргызов на Верхнем Енисее, восстановить, прежде всего, их высочайший для той эпохи культурный уровень. Скотоводы и пахары, воины и строители, кыргызы Енисея активно участвовали в политической и культурной жизни Центральной Азии. Но лишь тысячу триста лет назад кыргызы заговорили с потомками своим собственным языком во множестве мемориальных рунических надписей на каменных стелах, разбросанных на просторах степей и межгорных долин Южной Сибири и Северной Монголии. Сейчас известно более двух сотен надписей, гравированных на стелах и процарапанных на скалах, начертанных на серебряных сосудах и бытовых предметах, но это лишь малая толика того, что было некогда написано.

Время не пощадило памятники, но те, что сохранились, донесли до наших дней бесценные крупинки судеб их героев и эпизодов их истории. Однако, особое значение для изучения прошлого кыргызов имеют лишь немногие тексты. Два из них найдены в Минусинской котловине, близ озера Алтын-кель (Е-28 и Е-29). Надписи Золотого озера сохранили рассказ о хане кыргызов Барс-беге и его брате. Брат Барс-бега ушел посланцем в Тибет, в поисках союзника для совместной войны с тюркским каганом, чья растущая мощь внушила Барс-бегу опасения.¹

Еще одного посла, именитого военачальника Чабыш Тон-таркана, Барс-бег отправил за поддержкой к Кара-хану (Е-30, надпись *Yıbat I*).² О том, кого кыргызы называли Кара-ханом, свидетельствует другая надпись, выбитая на спине каменного изваяния из долины р. Тесь (Е-37). В тексте от лица меморианта сообщается, что он — *тюрсеи* и *ичрек*, т.е. «доверенное лицо, советник» Кара-хана.³ Именно ханов из династии кара-тюркешей, носивших официальный титул «каганов (народа) десяти стрел» в енисейских надписях именуют кара-ханами, а ее ветви в Таласе — кара-чорами. Чабыш Тон-таркан искал помощи на берегах р. Чу, в Суябе. Так как в 766 г. тюркешская династия и государство были уничтожены карлуками, обе надписи (Е-30 и Е-37) датируются первой половиной VIII в.⁴

Рунические памятники Монголии, в особенности подробно надпись Тюнь-юкука, рассказывают, что дипломатическая активность Барс-бега не осталась незамеченной в ставке тюркских каганов. И вот, хотя Барс-бег был женат на племяннице правящего тюркского кагана Капагана, это не остановило стремительного похода тюрков через Саяны зимой 710–711 гг. Барс-бег погиб в неравной схватке, также как погиб и его брат, не вернувшийся из Тибета. Оба они были прославлены сородичами в эпитафиях Золотого озера. Погиб на чужбине и Чабьш-Тон-таркан.

О тех же событиях повествует еще одна енисейская эпитафия (Е-43, Кызыл Чираа I).⁵ Гибель ее героя, имя которого не сохранилось, случилась в сражении с войском Бег-чора. Но Бег-чор — это «мужское (воинское) имя» (*er aty*) Капаган-кагана. Китайские династийные хроники так и называют этого кагана — Мочжо, т.е. Бег-чор. А в последней строке надписи мемориант оплакивает не свою кончину, а гибель своего старшего брата, хана кыргызов, т.е. Барс-бега. Назван даже возраст Барс-бега — сорок два года. Напомним, что в эпитафии самого Барс-бега (Алтын-кель I) рассказывается о четырех «высокородных братьях», которых «разлучил Эрклиг», бог подземного мира.

Другие особо значимые надписи относятся к совсем иной эпохе, к эпохе мощного взлета кыргызской государственности и доминирующей роли кыргызов в Центральной Азии. Прошло сто тридцать лет с момента гибели Барс-бега и сто лет со времени краха Тюркского каганата, когда окрепшее Кыргызское государство сокрушило в 840 г. прежнего гегемона степей — Уйгурский каганат. Созданная кыргызами империя простиралась тогда от Ангары и Байкала до Алтая и Семиречья, от сибирской тайги до Великой Китайской стены. До недавнего времени единственным памятником той эпохи «великодержавия» (840–918 гг.) считалась Суджинская надпись, открытая в самом начале XX в. в Северной Монголии финским ученым Г. Раметеллом. Она написана по велению «сына кыргыза» Бойла Кутлуг-яргана, участника победы над уйгурами в 840 г. В первой строке надписи упомянут Яглакар-хан, которого многие исследователи надписи, вслед за А.Н. Бернштеймом, посчитали за хана кыргызов и прообраз Манаса. Однако же, как было объяснено позднее, Яглакары — ханский род уйгуров, а в Суджинской надписи рассказано об их разгроме и изгнании. Более того, Кутлуг-ярган говорит о своем участии в победе над династией Яглакаров.⁶

О разгроме и завоевании Уйгурского каганата повествует еще одна енисейская надпись — Е-98 (Уйбат VI). Ее герой, Барс Тириг-бег, «при овладении страной могущественного хана уйгуров был (на поле боя) словно вепрь!»⁷ Так восхваляет покойного бега его эпитафия и далее следует горестная lamentация: почивший герой покинул свою дружину из «сорока мужей-воинов».

Овладев Северной и Северо-Западной Монголией, основной территорией уйгуров, кыргызы не остановились. Их власть распространилась на Алтай: в одной из надписей (Уюк-Оорзак III, Е-110) упомянут кыргызский правитель нового юрта — ябгу Алтая.⁸ Но самое интересное сообщение содержит надпись (Е-11) с р. Бегре, правого притока Бий-хема. Ее герой, титулуемый *ичрек*, т.е. «доверенное лицо, советник хана» по имени Тёр-ипа, рассказывает в своем посмертном повествовании: «в мои пятнадцать лет я ходил на китайского хана. Благодаря моей доблести мужа-воина, своим геройством я захватил золото и серебро, верблюдов и жен!»⁹ Умирая в возрасте 67 лет, мемориант скорбит о разлуке со своей супругой, которую взял в «свои 15 лет», т.е. во время китайского похода. Это повествование осталось бы изолированным и непонятным, если бы не другие, на первый взгляд не связанные с китайским походом сообщения.

В 1960 г. дотеле кыргызвал А.М. Щюлюог Йиге на татар: «в татар». А в стела с кородебный зль»

Когда и т

Упомина относятся к ; вины VIII в. ные сначала ные союзник общих врагов

Только в в Северной М ладе сановни важно отмети зов.¹² И упом. ло в том, что суйско-тарим Шелкового п; сейне, были ; Там уйгуры р не позднее н. Во всяком сл; мож в пехле; мени, когда к; ская ситуация; которых вход; тибетцами, ко; губернаторам; князьями, к ч; ситуацию сох; ского чиновн; границах Т; Г.И. Супруне

В 842 г. в; ским посольс; ского сановн; уйгурской з; тары оговоре; столкновени; Туркестане и; контекст упо; го похода в и; первое кырг; В 1975 г. в; ле-останце руп

дробно надпись Тюнь-Барс-бега не осталась. Барс-бег был женат на нем, не остановило стремление Барс-бега погнать из Тибета. Оба они погибли на чужбине.

Эпитафия (Е-43, Кызыл) случилась в сражении (её имя) (*er aty*) Капалавлют этого кагана — Юриант оплакивает не кыргызов, т.е. Барс-бега. Видно, что в эпитафии о трёх «высокородных» врагах.

В иной эпохе, к эпохе решающей роли кыргызов в гибели Барс-бега и укрепление Кыргызского каганата — Уйгурский каганат Ангары и Байкала до тайской стены. До великодержавия (840-ом начале XX в. в Сен-написана по велению над уйгурами в 840 г. о многие исследователи кыргызов и прообразы — ханский род уйгуров и изгнание. Более династией Яглакаров.⁶ Вет еще одна енисейская надпись (Е-11) «при овладении я) словно вепрь!»⁷ Так и горестная lamenta-мужей-воинов».

В южной территории уйгуров на Алтай: в одной из правитель нового Юриант надпись (Е-11) с р. *учрек*, т.е. «доверенное зоем посмертном повеле хана. Благодаря моей и серебро, верблюдов и аллуке со своей супругой похода. Это повествование не другие, на пер-

В 1960 г. в Туве в местности Хербис-Баары была обнаружена неизвестная до того кыргызская стела с рунической надписью (Е-59), которую дважды издавал А.М. Щербак.¹⁰ Памятник содержит эпитафию знатному воину по имени Кюлюк Йиге (Йеген). Главным его подвигом, упомянутым в тексте, был поход на татар: «в свои двадцать семь лет, ради моего государства, я ходил на токуз-татар». А в 1976 г. Л.Р. Кызласовым близ р. Уйбат была обнаружена еще одна стела с короткой надписью (Уйбат IX). В надписи упомянут «татарский враждебный эль» и сообщается о выплате татарами дани.¹¹

Когда и где енисейские кыргызы вели успешные войны с татарами?

Упоминания татар в рунических памятниках тюрков и уйгуров в 732–760 гг. относятся к различным эпизодам восстаний и войн конца VII — первой половины VIII в. Во всех случаях татары выступали как враги и мятежные подданные сначала Тюркского, а затем Уйгурского каганатов, прямые или эвентуальные союзники кыргызов, с которыми они не имели общей границы, но имели общих врагов.

Только в связи с событиями 842 г., когда кыргызы уже прочно утвердились в Северной Монголии, татары впервые названы в китайском источнике — докладе сановника Ли Дзюя императору о пограничных делах, но на этот раз, что важно отметить, как союзники последнего уйгурского кагана и враги кыргызов.¹² И упомянуты татары в связи с кыргызским походом в Притяньшанье. Дело в том, что главным путем отступления разгромленных уйгуров было ганьсуйско-таримское направление, по северной притяньшаньской ветви Великого Шелкового пути. Именно здесь, в верховьях р. Эзизин-гол и в Таримском бассейне, были расположены отдельные западные анклав Уйгурской империи. Там уйгуры рассчитывали найти убежище и возродить государственность. Но не позднее начала IX в. здесь же утвердился один из племенных групп татар. Во всяком случае, их глава, *татар апа тэки*, упомянут среди местных вельмож в пехлевийском манихейском сочинении «Махр-намаг» (825 г.).¹³ Ко времени, когда кыргызы преследовали уйгуров, отступавших на запад, политическая ситуация там была сложной. Многочисленные местные владения, в число которых входили и города-государства Таримского бассейна, управлялись то тибетцами, которые, впрочем, уже утрачивали свой контроль, то китайскими губернаторами, формально подчинявшимися Танской империи, то местными князьями, к числу которых принадлежал и глава татар. Несколько проясняет ситуацию сохранившиеся письма и отчеты уже упомянутого крупного китайского чиновника Ли Дзюя, который вел все дела с внезапно появившимися на границах Танской империи кыргызами. Эта переписка изучена Г.И. Супруненко и М. Дромпом.¹⁴

В 842 г. в пограничной крепости Тяньдэ Ли Дзюй вел переговоры с кыргызским посольством во главе с «генералом» Табу Хэцзу. Именно со слов кыргызского сановника Ли Дзюй узнал о его походе на запад, о подчинении «старой уйгурской земли» в Ганьсу, о покорении Сучи, Бешбалька и татар, причем татары оговорены особо. Это первое и единственное упоминание о военном столкновении кыргызов и татар, случившемся где-то в Ганьсу или в Восточном Туркестане и завершившемся подчинением татар. Теперь становится понятным контекст упоминания о походе на татар в надписи из Хербис-Баары и китайского похода в надписи с Бегре. Уже в следующем 843 г. Табу Хэцзу возглавил первое кыргызское посольство к императорскому двору.

В 1975 г. в Северо-Западной Монголии, в долине р. Тэс, я обнаружил на скале-останце руническую надпись.¹⁵ Надпись содержала имя, которое, после реви-

эти надписи в 1989 г., я однозначно читаю как *Töpek Alp Sol*. Имя повторено дважды, в кратком варианте с тамгами, и в более полном варианте без тамг:

1) *alp sol* (тамги)

2) *töpek alp sol bitidim* «Я, Төпек Алп Сол (это) написал».¹⁶

То обстоятельство, что в варианте с родовыми тамгами первая часть имени сокращена свидетельствует скорее всего, что *töpek* не личное, а родовое имя; в этом первом варианте наличие тамг делало родовое имя излишним.

Благодаря консультации китайца С.Е. Яхонтова удалось установить, что китайская транскрипция имени киргизского военачальника Табу Хэцзу есть несколько небрежная передача тюркского имени *Törük (Töpek) Alp Sol*.

Судя по содержанию надписи, датируемой серединой IX в., она маркировала центр новых земельных владений киргизского вельможи, полководца и дипломата, которые стали его юртом после овладения северо-западом Монголии, захватывающим и часть Алтая. Так совпали до мелочей сведения из отчета китайского дипломата и из надписей на стелах и скалах киргизских участников южного похода.

Теперь можно утверждать, что единственный за всю историю киргизов «Великий поход» в Китай мог состояться только в 842–843 гг., на заре недолгого «киргизского великодержания» в Центральной Азии и возгласил его киргизский военачальник Алп Сол, чьи земельные владения (юрт) были на Алтае и в Туве.

Прошло много столетий, но тот поход не забылся — он наложили на многие другие события, его герой получил у алтайских киргизов иное имя — Алп Манаш, и, когда в XVI в. киргизы с Алтая переселились на Тянь-Шань, сказание о Великом походе и его главном герое Манасе превратилось на новой родине в грандиозный народный эпос, вошедший в себя память о многих веках нелегкой истории киргизского народа. И теперь мы можем действительно увидеть ту тысячелетнюю нить памяти, что берет начало в камнеписных памятниках енисейских киргизов и блистательно проявилась в творчестве тяньшаньских манасчи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кляшторный С.Г. Стелы Золотого озера. К датировке енисейских рунических памятников // *Turcologica*. К 70-летию академика А.Н. Кононова. — Л., 1976. — С. 258–267.

² Текст и перевод памятника см.: Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика. Текстология. — М., 2008. — С. 122–123 (далее: Кормушин, 2008).

³ Кормушин, 2008: 127–128.

⁴ Кляшторный С.Г. Рунические памятники Таласа: проблемы датировки и топографии // Казахстан и Евразия сквозь века. — Алматы, 2010. — С. 323–326.

⁵ Текст и перевод см.: Кормушин, 2008: 172–173.

⁶ Кляшторный С.Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи // Проблемы востоковедения. 1959, № 5. — С. 162–169.

⁷ Текст и перевод см.: Кормушин, 2008: 158.

⁸ Текст и перевод см.: Кормушин, 2008: 162.

⁹ Текст и перевод см.: Кормушин, 2008: 102–105.

¹⁰ Щербак А.М. Новая руническая надпись на камне // Ученые зап. ТувНИИЯЛИ. Вып. 17. 1961. — С. 238–244; Ščerbak A. L'inscription runique d'Ouest — Eleguest (Touva) // UAY. 1964. Bd. 15. — С. 145–149; ср.: Кормушин,

2008: 146–

¹¹ Кы

общины (1

логия, 198

¹² Кы

1987, № 1.

¹³ Вся

плекса ист

Азии (дочи

— М., 1993.

¹⁴ Мил

(Mahmāmag

¹⁵ Ныв

издании: М

тайских ист

Турецкого

Uighur empi

¹⁶ Кы

Гурвалжин-

1978. — С. 1

сти и этноку

Klashtor
people and

Summar
appearing in
tribes in the
neighbouring
China, that o
the «Manas»

Key word
paigns. «Mar

Сведения
проф., зав. отд.
РАН (г. Санкт-

и Сол. Имя повторено в варианте без тамг:

то.¹¹
ни первая часть имени чкое, а родовое имя; в лишним.

лось установить, что ника Табу Хэцзу есть (рек) Alp Sol.

IX в., она маркирована, полководца и дико-западом Монголии, сведения из отчета киргизских участников

торию кыргызов «Вегг», на заре недолгого гласил его кыргызский и на Алтае и в Туве.

он наложился на многие другое имя — Алп на Тянь-Шань, сказавшись на новой ро- амать о многих веках тем явственно увидеть неписных памятниках честве тяньшаньских

орке енисейских руни- а А.Н. Кононова. — Л.,

Тюркские енисейские 2–123 (далее: Корму-

проблемы датировки а. 2010. — С. 323–326.

Суджинской надписи

е // Ученые зап. Тув rition runique d'Ouest 149; ср.: Кормушин.

2008: 146–148.

¹¹ Кыласов И.Л. Земледельческое жертвоприношение древнехакасской общины (Новый рунический памятник на Среднем Енисее) // Советская тюркология, 1987, № 1.

¹² Кляшторный С.Г. Девятая надпись с Уйбата // Советская тюркология, 1987, № 1. — С. 33.

¹³ Вся ситуация мною подробно рассмотрена на основе большого комплекса источников. См.: Кляшторный С.Г. Государство татар в Центральной Азии (дочингизова эпоха) // Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». — М., 1993. — С. 139–147.

¹⁴ Müller F.W.K. Ein Deppelblatt aus einem manichäischen Hymnenbuch (Mahnāmag). — Berlin, 1913. — S. 9.

¹⁵ Ныне все переводы и исследования Г.Г. Супруненко собраны в одном издании: Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. Извлечение из китайских источников II в. до н.э. — XVIII в. Т. 2, Бишкек, 2003 (Изд. Кыргызско-Турецкого ун-та «Манас», 45); Drompp M.R. Tang China and the collapse of Uighur empire. A documentary history. — Leiden-Boston, 2005.

¹⁶ Кляшторный С.Г. Наскальные рунические надписи Монголии. I. Тэс, Турвалжин-ула, Хангыта-хад, Хэнтэй // Тюркологический сборник, 1975. — М., 1978. — С. 151–159; Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурные истории Центральной Азии. — СПб., 2006. — С. 348–349.

Klashtorny Sergey G. The runic monuments of Yenisei about Kyrgyz people and the «Great Campaign» of Manas

Summary. In the article information about the old time Kyrgyz people, as appearing in the runic monuments of Yenisei, is analysed, the role of Kyrgyz tribes in the history of Central Asia, as well as their war conflicts with neighbouring peoples and states made clear, the time of their military clash with China, that could serve as a basis for the episode of the «Great Campaign» in the «Manas» epic.

Key words: the Kyrgyz of Yenisei, the Kyrgyz kaganate, military campaigns, «Manas».

Сведения об авторах. Кляшторный Сергей Григорьевич, канд. истор. наук, проф., зав. отделом Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург). E-mail: klyashtor2004@mail.ru

***

ГРАФИЧЕСКИЕ И ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ГАГАУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

(на основе книги М. Чакира «Kisa Dua kitabi»)

Надя Озакдаг, г. Афион (Турция)

Резюме. В статье показаны графические и орфографические особенности отражения гагаузского языка в трех переводах одного текста начиная с 19 в., в которых используется графика на кириллической и латинской основе.

Ключевые слова: графика гагаузского языка, перевод, правила орфографии, сравнительный анализ текстов.

До начала XX в. гагаузский язык не имел своей письменности, существуя в устной форме. Народно-разговорный язык гагаузов Бессарабии впервые стал известен в науке в начале XX в. благодаря трудам русского этнографа В.А. Мошкова. Самые ранние сведения о литературе на гагаузском языке относятся к началу позапрошлого века: в 1810 г. в Вене был издан переводной псалтырь, который являлся первой книгой на гагаузском языке.

Следует упомянуть, что в десятых – сороковых годах XX в. на гагаузском языке издавалась церковная литература в переводе протоиерея М. Чакира. Первая книга на гагаузском языке в Молдове была издана благодаря его усилиям в 1908 г. С 1909 по 1912 гг. М. Чакир переводил на гагаузский язык и издал ряд книг религиозного содержания, кроме того, он издавал газету на гагаузском языке. Просветитель использовал кириллицу, в алфавите не было буквы *щ*, зато присутствовали дополнительные буквы и диграфы, *дж, і, аа, ее, оо, ш, ыы, юю*. В 1932–1938 гг. М. Чакир издал ещё две книги на гагаузском языке, но в них был использован латинский алфавит, созданный на основе румынского [см.: Табл. 1].

М. Чакир не был профессиональным лингвистом, однако значимость его многочисленных работ, касающихся письменности, истории и традиций гагаузов, трудно переоценить, поскольку они содержат интересный фактический материал. Сегодня нельзя представить гагаузскую письменность, историю и культуру без того огромного вклада, который внес в ее развитие М. Чакир.

Ведущая роль в изучении гагаузского языка принадлежит тюркологу Н.К. Дмитриеву. На основе материалов В. Мошкова он сделал обстоятельный фонетический анализ, выявил многие особенности грамматики и лексики гагаузского языка. Также огромный вклад в создание гагаузской письменности и изучение языка внесла ученый-тюрколог Л.А. Покровская, которая принимала непосредственное участие в составлении первых правил орфографии и учебников для школ. Ей принадлежат монографии по грамматике гагаузского языка. Всестороннее грамматическое и лексикологическое описание гагаузского языка – первая в мировой тюркологии научная «Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология» (1964), «Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении» (1977) и многочисленные статьи по этой тематике позволили ей определить место гагаузского языка в огузской группе тюркских языков и в балканском языковом союзе.

Совместно
«Правила орфографические и методические» (1912) гагаузского языка.

Необходимо отметить, что в СССР гагаузский язык не был признан государственным языком. Это в большей степени относилось к Молдавии и Румынии. Новые материалы по истории гагаузской филологии и синтаксису.

30 июля 1912 г. официально введен алфавит гагаузского языка с добавлением букв *щ, ж, ы, ю* для включения в алфавит звуков, отсутствующих в русском языке, найденных ранее вместе с этим алфавитом в 1910 г.

29 января 1912 г. Постановлением ЦК и ВЦИК гагаузский язык признан государственным языком в Бессарабии. Л.А. Покровская описала гагаузский язык в своей книге «Гагаузский язык» – тур. *gall dili* и *g* (гаг. *daa* «давать» – тур. *ad*).

В 1996 г. гагаузский язык признан государственным языком в Республике Молдова.

Первые правила орфографии гагаузского языка были составлены в 1912 г. и представляли собой набор слов на гагаузском языке с указанием орфографии.

С 1958 г. гагаузский язык официально признан государственным языком в Республике Молдова. Значительный вклад в изучение гагаузского языка внесла Л.А. Покровская.

В связи с этим Гайдаржи, Е. И. и др. разработали орфографию гагаузского языка на латинской основе.

2012

Совместно с Г. Гайдаржи и Е. Колца Л.А. Покровская составила проект «Правила орфографии и пунктуации гагаузского языка» (1994), опубликовала методическое пособие «Теоретические основы и принципы гагаузской орфографии» (1998), под ее руководством издан «Орфографический словарь гагаузского языка» (1997).

Необходимо отметить, что гагаузский язык самым последним из 130 языков народов СССР получил свою письменность. Несколько десятков лет назад гагаузский язык считался одним из наименее изученных языков тюркской семьи. Это в большей мере объяснялось и тем, что до 1944 г. гагаузы территориально относились к Румынии, где всерьез не занимались изучением их языка. В 1944 г. после присоединения Бессарабии к СССР гагаузы оказались на территориях Молдавии и Украины, и советские тюркологи получили возможность собирать новые материалы по гагаузскому языку. В послевоенные годы с использованием вновь собранных материалов были написаны монографии по вопросам морфологии и синтаксиса гагаузского языка [Покровская 1964: 7].

30 июля 1957 г. указом Президиума Верховного Совета МССР была официально введена письменность гагаузского языка на основе русского алфавита с добавлением нескольких специальных букв: *ä, ö, ü, ž*. Буквы *e, k, n, ı, ı, ı* были включены в гагаузский алфавит для написания заимствованных слов, таких как *плати, юбка* и др. Этот закон стал для гагаузов событием огромного культурно-исторического значения. Стали издаваться школьные учебники гагаузского языка, произведения фольклора и художественной литературы. Исполнявший ранее только разговорные функции гагаузский язык, стал развиваться, а вместе с этим стало расширяться и углубляться его научное исследование [Каравица 2010: 17].

29 января 1993 г. Верховным Советом Гагаузской Республики было принято Постановление № 27.3 «О переводе гагаузской письменности на основу латинской графики». В данном постановлении был утвержден окончательный вариант алфавита гагаузского языка на основе латинской графики, составленного Л.А. Покровской. Современный гагаузский алфавит базируется на алфавите турецкого языка и отличается от него двумя буквами: *ä* (например, *gar. güllär* «розы» – тур. *güller*; *gar. gecä* «ночь» – тур. *gece*; *gar. evdä* «дома» – тур. *evde* и т.п.) и *ğ* (*gar. dağ* «гора» – тур. *dağ*; *gar. kırağ* «иней» – тур. *kırağ*; *gar. aalamaa* «плакать» – тур. *ağlamak* и т.п.) [Покровская 1994: 3–7].

В 1996 г. гагаузская графика была официально полностью переведена на латинскую основу.

Первые правила орфографии, составленные в 1957 г., были еще неполными и представляли собой первую попытку установить единые нормы написания слов на гагаузском языке. Их издание в 1958 г. содержит много недостатков и упущений. Алфавит гагаузского языка на базе русской графики, а также правила орфографии действовали с 1958 по 1995 г.

С 1958 г. началась разработка школьных учебников для начальных классов на гагаузском языке. В 1987 г. в связи возобновлением школьного образования на гагаузском языке и открытием в Академии наук Молдавии Отдела гагаузоведения потребовалось дополнить и усовершенствовать правила орфографии 1958 г. Значительную их доработку провели в 1987–1988 гг. Г. Гайдаржи, Е. Колца и Л.А. Покровская [Покровская 1997: 46].

В связи с переводом гагаузской письменности на латинскую графику Г. Гайдаржи, Е. Колца и Л.А. Покровская в 1991–1996 гг. продолжили свою работу по разработке правил орфографии применительно к алфавиту, основанному на латинской графике [Покровская 1994: 3–18].

ИЗМЕНЕНИЯ

(kitabı)

ические особенности
те начиная с 19 в. в
ой основе.
д, правила орфогра-

енности, существуя в
арабии впервые стал
кого этнографа В.А.
ском языке относятся
переводной псалтырь,

XX в. на гагаузском
еях М. Чакира. Первая
ря его усилиям в 1908
издал ряд книг рели-
узском языке. Просве-
д, зато присутствовали
е. жю. В 1932–1938 гг.
них был использован
Табл. 1].

ко значимость его не-
ни и традиций гагау-
зский фактический ма-
зеть, историю и куль-
е М. Чакир.

надлежит тюркологу
делал обстоятельный
материки и лексики га-
ской письменности и
я, которая принима-
правил орфографии и
имматике гагаузского
кое описание гагау-
имматика гагаузского
узского языка в срав-
по этой тематике по-
кой группе тюркских

Разработка правил орфографии представляет большие трудности, так как в разговорном языке существуют местные диалекты и говоры, в которых многие слова произносятся по-разному. Есть несколько вариантов произношения слов, но пока не решено какой из этих вариантов следует считать литературным. Ввиду того, что письменность гагаузского языка существует сравнительно недавно, в нем еще не выработались твердые правила единообразного написания и произношения.

Таблица 1. Алфавиты гагаузского языка с 1908 по 1996 г.

Алфавит М. Чакира (1908)	Алфавит М. Чакира (1935)	Алфавит 1957 г. 1-й вариант	Алфавит 1957 г. 2-й вариант	Современный алфавит 1996-г.
А а	А а	А а	А а	А а
Я я	Іа іа	Аь аь	А ѝ	А а
Б б	В в	Б б	Б б	В в
В в	V v	В в	В в	V v
Г г	G g	Г г	Г г	G g
Д д	D d	Д д	Д д	D d
Е е	E e	Е е	Е е	Ee, Ye ye
-	-	Ё ё	Ё ё	Yo yo
Ж ж	J j	Ж ж	Ж ж	J j
Дж дж	Gi gi	Дж дж	Ѓ ǧ (с 1968)	C c
З з	Z z	З з	З з	Z z
И и, І і	І і	И и	И и	І і
й	-	Й й	Й й	Y y
К к	C c	К к	К к	K k
Л л	L l	Л л	Л л	L l
М м	M m	М м	М м	M m
Н н	N n	Н н	Н н	N n
О о	O o	О о	О о	O o
Ё ё	Ю ю	Оь оь	О ъ	О ъ
П п	P p	П п	П п	P p
Р р	R r	Р р	Р р	R r
С с	S s	С с	С с	S s
Т т	T t	Т т	Т т	T t
У у	U u	У у	У у	U u
Ю ю	Iu iu	Уь уь	У ъ	Ü ü
Ф ф	F f	Ф ф	Ф ф	F f
Х х	H h	Х х	Х х	H h
Ц ц	Tt	Ц ц	Ц ц	Tt
Ч ч	Ci ci	Ч ч	Ч ч	C c
Ш ш	S s	Ш ш	Ш ш	S s
-	-	Щ щ	Щ щ	-
ъ	-	ъ	ъ	-
ы	І А а	Ы ы	Ы ы	İ i
ь	-	ь	ь	-
Э э	А а	Э э	Э э	E e
-	-	Ю ю	Ю ю	Y u yu
-	-	Я я	Я я	Y a ya

Современная жите

Послешие в гага

Матери на гагаузс

М. Чакир ниями и ив

фавит, созд существен

В первом, не подх

мер: *ёла-* обозначень

мер: *хель,* *кабульеть*

Особен [1935], глас

как *ea*, а сои

дует гласна

пример: *Dı*

lafetmäktir,

izmetkârları

yabâris), gh

güsümizâ) и

Такое и особенно те

гагаузских

В 2001 г

графики (пр

ского языка.

В данной

ний религио

и орфографи

Рассмотр

ческие особе

В современ

ные (недолг

oo, iı, iıı. Д

вичными (*k*

«надо, нуж

гласных в р

ного (*k, g, h,*

неустойчель

ıııı «куча»,

ııısek «высо

В первом

долгие глас

ся. Наприм

ло», *kaar* «

«больше», *d*

е трудности, так как в раз-
ы, в которых многие слова
онношения слов, но пока
ратурным. Ввиду того, что
но недавно, в нем еще не
я и произношения.

1908 по 1996 г.

авант	Современ- ный алфавит
авант	1996- г.
	A a
	Ä ä
	B b
	V v
	G g
	D d
	Ee, Ye ye
	Yo yo
	J j
з (с)	C c
	Z z
	I i
	Y y
	K k
	L l
	M m
	N n
	O o
	Ö ö
	P p
	R r
	S s
	T t
	U u
	Ü ü
	F f
	H h
	İ i
	Ç ç
	Ş ş
	-
	-
	I i
	-
	E e
	Yü yu
	Ya ya

Современные правила орфографии основаны на нормах произноше-
ния жителей г. Комрата и г. Чадыра [Покровская 1997: 50–51].

После такого экскурса нам бы хотелось проследить изменения, происшедшие в гагаузской фонетике и орфографии в течении последующих десятилетий.

Материалом исследования послужила книга «Kısa Dua Kitabı», переведенная на гагаузский язык М. Чакиром и изданная на русском алфавите в 1908 г. М. Чакир эту же книгу («Dua Chitabâ, gâgâuzlar için») с некоторыми дополне-
ниями и исправлениями издал в 1935 г., где использовал латинизированный ал-
фавит, созданный на основе румынского. В этих двух изданиях проявляются
существенные недостатки использования русского и латинского алфавитов.

В первом издании [1908] книги вместо гласных *ä, ä, ü* пишутся гласные *я, ё, ю*, не подходящие для обозначения гагаузских гласных переднего ряда, напри-
мер: *ëlla* «отправлять», *yust* «верхний» и *yokary* «наверх». Мягкие согласные
обозначены мягким знаком *ь*, твердые согласные – твердым знаком *ъ*, напри-
мер: *земь, ичьинь, шитьды, баашлаить, бизгичьярьзынь, барабарь, салтанать, кабуьеть* и т.п.

Особенно видны недостатки латинского алфавита. Во втором издании
[1935], гласная *ö* обозначается как *io*, гласная *ü* как *iu*, гласная *i* как *ä*, гласная *ä*
как *ea*, в согласные */ç/* – *ci* или *ce*, */ğ/* – *gh*, */ç/* – *dj*, если после согласной */k/* сле-
дует гласная переднего ряда, пишется *c*, а если гласная заднего ряда, то *ch*. На-
пример: *Dua Chitabâ* (= *Dua Kitabı*), *ïolümsiuz* (= *ölümsüz*), *lafetmeactir* (= *lafetmäktir*),
ghioclerdea (= *göklerdä*), *ghibi* (= *gibi*), *izmetchearlaräna* (= *izmetkärälarına*),
vacätändä (= *vakıtında*), *ghüostermec* (= *güstermek*), *eabaeräs* (= *yabëris*),
ghümüü (= *gümü*), *ichi* (= *iki*), *coieräs* (= *koiëris*), *ghüsiümüzeä* (= *güsiümüzä*) и т.п.

Такое неудобное написание сильно затрудняло чтение гагаузского текста,
особенно тем, кто не знал гагаузского языка. В этих двух изданиях в написании
гагаузских слов нет четких правил орфографии.

В 2001 г. вышло третье издание книги «Kısa Dua Kitabı» на базе латинской
графики (принятой в 1993 г.) и согласно новым правилам орфографии гагауз-
ского языка.

В данной статье даются только сравнительные примеры из этих трех изда-
ний религиозной книги М. Чакира для понимания того, как развивалась графика
и орфография гагаузского языка с 1908 г. и до принятия новых правил языка.

Рассмотренный нами материал позволяет выделить следующие орфогафи-
ческие особенности

В современном гагаузском языке имеется 17 гласных фонем, из них 9 обык-
ные (недолгие) гласные: *a, ä, e, i, o, ö, u, ü* и 8 долгие гласные: *aa, ää, ee, ii, üü, oo, uu, iüü*. Долгие гласные фонемы по своему происхождению могут быть пер-
вичными (*kaar* «снег», *yaarin* «завтра», *gaarga* «ворона», *taazä* «свежий», *läüzim*
«надо, нужно») и вторичными, которые образовались путем стяжения двух
гласных в результате выпадения стоявшего между ними неустойчивого соглас-
ного (*k, g, h, v, y*) или путем поглощения гласным следующего за ним одного из
неустойчивых согласных (*dooru* «правда», *esääm* «мой ешак», *ceer* «печень»,
yul «куча», *sirek* «редко», *suuk* «холодно», *büün* «сегодня», *büük* «большой»,
äisek «высокий» и т.д.) [Покровская 1994: 33–37; 1997: 56–61].

В первом [1908] и во втором [1935] издании книги и первичные и вторичные
долгие гласные (*aa, ää, ee, ii, üü, oo, uu, iüü*) на письме в основном обозначают-
ся. Например: *çaar* «звать», *aaz* «мало», *büük* «большой», *daava* «судебное де-
ло», *kaar* «снег», *dooru* «правильно», *baaşıa* «простить», *güüde* «тело», *zeedä*
«большее», *fuukara* «бедный», *baaşıy* «подарок, чаевые», *baala* «завязывать»,

baar «кричать», *läüzim* «надо, нужно», *saalik* «здоровье», *oolu* «его сын» и т.д. В некоторых случаях обозначаемые в современном гагаузском языке долгие гласные не обозначены: *kuaceklar*, *alayantlar*, *büyelim*; ср. современные написания: *kuaceklar* «выгонять», *aalayantlar* «плачущие», *büyelim* «вырастим».

Слова *üüren* «учиться» и *üredici* «учитель» в первом [1908] издании книги даны с обычными (недолгими) гласными: *üren*-, *üredici*, а *üret*-, *üret-* «учить, обучать» встречается в двух вариантах, т.е. обычным и долгим гласным: *üret*- / *üret-*.

Восходящие дифтонги *ia*, *ua*, *ea*, *ia*, *üa* представляют собой не устойчивые звукосочетания, а лишь одну из промежуточных ступеней в развитии группы «гласный+согласный ($k > \dot{g}, h, y$) + гласный» в сторону вторичной долготы: выпадение согласного в интервокальной позиции образует стечение гласных, затем дифтонг, далее переходящий в монофтонг и во вторичную долготу [Покровская 1964: 41]. В первом [1908] издании книги слова, имеющие дифтонги *ei*, *ie*, *ai*, *oi* (*doudu*, *deil*, *niet*), по новым правилам орфографии, принятым в 1993 г., обычно переходят в долгие гласные *duudu* «родился», *diil* «не», *neet* «желание». Слово *çial*- «петь» пишется *çal*-, а слово *çaar*- «звать» встречается в двух вариантах, т.е. *çair*- и *çaar*-.

Аффикс *-madaan*, *-medään* в первом [1908] издании книги зафиксирован в виде *-madan*, т.е. с кратким гласным. Л. Покровская в «Грамматике гагаузского языка: фонетика и морфология» [1964: 244] и «Современном гагаузском языке» [1997: 163] указывает на то, что аффикс *-madan*, *-medään* обычно произносится с долгим, но это произношение не отражается в орфографии, а в «Правилах орфографии и пунктуации гагаузского языка» [1994: 36] в аффиксах *-madaan*, *-medään* рекомендованы к написанию долгие гласные.

Существуют особые правила написания гласных после *j(ж)*, *c(дж)* *ş(ш)*, *ç(ч)*.

После мягких согласных *j(ж)*, *ş(ш)*, *ç(ч)* гласные заднего ряда *a*, *o*, *u*, *i* продвигаются вперед, приближаясь по звучанию к гласным переднего ряда *ä*, *ö*, *ü*, *ï*. Однако на письме это явление не отражается, т.е. после *j(ж)*, *c(дж)* *ş(ш)*, *ç(ч)* гласные *a*, *o*, *u* (или *ä*, *ö*, *ü*, *ï*) пишутся в соответствии с законом гармонии [Покровская 1994: 32].

В первом [1908] и во втором издании [1935] книги М. Чакира в словах с гласными заднего ряда после *j(ж)*, *c(дж)* *ş(ш)*, *ç(ч)*, пишется гласный *i* (*ü*): *açik*, *kargi*, *çik*-, *çikar*-, *başı*, *baaşış*, *açil*-, *çirak*, *avci*, *kurtarici* и т.п. А в слове *yaşır*- пишется гласный *i* (*ı*) (это навеяно, скорее всего, с правилами русского языка, т.к. в русском языке после букв *ж*, *ш*, *ч* пишется *и*), в современном же гагаузском языке пишется *i* (*ı*): *açik* «открытый», *kargı* «напротив», *çik* «выходить», *çikar* «вытщиться», *başı* «его голова», *baaşış* «подарок, чаевые», *açil* «открываться», *çirak* «ученик», *avci* «охотник», *kurtarici* «спасатель», *yaşır* «удивляться» и т.п.

Явления ослабления и выпадения гласных в гагаузском языке тесно связаны со словесным ударением и с положением гласных в соседстве с согласными *u*, *c*, а также с сонорными согласными.

Ослаблению и выпадению подвергаются узкие гласные *i*, *ı*, *u*, *ü*, широкий *a* и полуширокий *e*. Выпадают только краткие гласные, но не долгие. Узкие гласные *i*, *ı*, *u*, *ü* ослабляются и выпадают в безударной позиции как в основах слов, так и на стыке основы и аффикса или двух аффиксов. При этом ослабленный гласный обычно стоит между сонорными гласными (*m*, *n*, *l*, *r*) или хотя бы рядом с одним сонорным: *yavklu* > *yavuklu* «обрученный», *brak*- > *birak*- «оставлять, бросать», *kraa* > *kırađı* «иней».

В гагаузском языке в целом ряде двусложных слов при присоединении к ним аффикса принадлежности III лица узкий гласный второго слога, став безударным, выпадает, например: *oolu* «его сын», *antı* «его лоб», *yalnız* «один».

одиноким»
öbürün «тв
[1908] и во
падает, а в

Узкий *i*
следует а
dualarmızı,
где узкий г
одно и то ж
графии сов
ется на ш
hangılarını «

В разгов
boba, но в л
ях книги М.

Особенн
ряда соглас
к увеличени
обратную –
согласных в
лее огранич
(*ı*) употребл
jurnal «жур
«авиация», *ji*

Таким об
немами мож
l, *m*, *n*, *p*, *x*, *t*

Согласны
согласные *m*
этому больш

Основной
ассимиляция
чивающихся
ражаемые на
üzüm-nâr «ви
ной», *güm-li*
nân «с невест
няется: *atlan*
и т.д. [Покро

В первом
после основ
canlar, *onlar*,
[1908] вывл
annam. По н
ши», *onnar* «
ölümün «сме

В современ
середине и к
ричных долг
ствованных
engeç «рак».

oolu «его сын» и т.д. в гагаузском языке долгие и современные написания «вырастим».

[1908] издании книги да-
iret- «учить, обучать»
м: iret- / üiret-.

собой не устойчивые
й в развитии группы
причиной долготы: вы-
стечение гласных, за-
ричную долготу [По-
д, имеющие дифтонги
ни, принятым в 1993
dil «не», neet «жела-
ь» встречается в двух

ниги зафиксирован в
рамматике гагаузско-
временном гагаузском
medân обычно произ-
ж в орфографии, а в
[1994: 36] в аффиксе
асные.

ж), с(о)ж) з(и), ç(ч).

его ряда а, о, и, т про-
среднего ряда ä, â, ü, î.

ж), с(о)ж) з(и), ç(ч)
коном гармонии [По-

акира в словах с глас-
асный i (u): açik, kargi,
з слове çayır- пишется
кого языка, т.к. в рус-
т же гагаузском языке
ходить», çikar- «выта-
«открываться», çirak
ляться» и т.п.

т языке тесно связаны
тве с согласными у, с,

д, î, и, â, широкий а и
е долгие. Узкие глас-
ни как в основах слов,
ри этом ослабленный
l, r) или хотя бы ря-
brak- > birak- «остав-

три присоединении к
рого слога, став без-
о доб», yalnız «один,

одинокий» и т.п., но есть и примеры, где безударная гласная сохраняется: *ömrüm* «твоя жизнь», *vakitinda* «во время», *akilim* «мой ум, разум». В первом [1908] и во втором [1935] издании книги в словах *oolu*, *annî* узкий гласный выпадает, а в слове *yalnız* узкий гласный второго слога не выпадает, сохраняется.

Узкий гласный может выпадать в аффиксе принадлежности, за которым следует аффиксы родительного, дательного и винительного падежей: *dualarımı, canlarımı, hangileri, üredicilerimizi*), но также выявлены примеры, где узкий гласный не выпадает: *dudaklarımı, dualarımızı, canlarımızı* и т.п., т.е. одно и то же слово встречается в двух вариантах, а по новым правилам орфографии современного гагаузского языка узкий гласный сохраняется и указывается на письме: *dualarımızı* «наши молитвы», *canlarımızı* «нашу жизнь», *hangileri* «которые», *üredicilerimizi* «наших учителей».

В разговорной речи слово «папа, отец» встречается в двух вариантах: *buba* и *boba*, но в литературном гагаузском языке принято писать *boba*. В двух изданиях книги М. Чакира [1908, 1935] употребляется *buba*.

Особенностью гагаузского консонантизма является неустойчивость целого ряда согласных. Если в ходе развития гагаузского языка наблюдается тенденция к увеличению числа гласных фонем, то в отношении согласных можно отметить обратную тенденцию – постоянное ограничение в употреблении отдельных согласных вплоть до полного их исчезновения. Так, в гагаузском языке все более ограничивается сфера употребления согласных *y, h, v*. Согласные *j (ж)* и *l (л)* употребляются довольно редко, главным образом в заимствованных словах: *jurnal* «журнал», *slujba* «служба», *masaj* «массаж», *farkulita* «вилка», *aviatiya* «авиация», *şink* «шнур» [Покровская 1994: 30; 1964: 51].

Таким образом, устойчивыми и часто употребляющимися согласными фонемами можно считать лишь четырнадцать фонем из двадцати двух: *k, g, d, z, s, t, n, p, ş, ç, ş*.

Согласная *l* в современном гагаузском языке после основ, оканчивающихся на согласные *m* и *n*, закономерно переходит в *n*, как в основах, так и в аффиксах. Поэтому большинство аффиксов, начинающихся с *l*, имеют также варианты на *n*.

Основной вид ассимиляции согласных в гагаузском языке – прогрессивная ассимиляция сонорных. Так, *l* в начале аффиксов в позиции после основ, оканчивающихся на *m, n*, переходит в *n*. Образуются сочетания *nl > nn, ml > mn*, отражаемые на письме. Например: *adam-lar > adam-nar* «мужчины», *üzüm-lär > üzüm-när* «виноград», *kum-luk > kum-nuk* «песочник», *kan-lı > kan-nı* «кравляной», *giim-li > giim-ni* «одетый», *kum-lan > kum-nan* «песком», *gelin-län > gelin-nän* «с невестой» и т.д. Во всех других случаях основной вид аффиксов сохраняется: *otlan* «травой», *taşlan* «камнями», *havaylan* «воздухом», *güllän* «розами» и т.д. [Покровская 1994: 45–46].

В первом [1908] и во втором издании [1935] книги М. Чакира согласная *l* после основ, оканчивающихся на согласные *m, n*, не переходит в *n*, например: *canlar, onlar, zenlik, sebebinnän, antımız, ölümün, hisimler* и т.д., в первом издании [1908] выявлен только один пример, где согласная *l* переходит в *n* (*nl > nn*): *annim*. По новым правилам орфографии эти слова пишутся так: *cannar* «души», *onnar* «они», *zennik* «веселье», *sebebinän* «с причиной», *antımız* «наш лоб», *ölümün* «смертью», *hisimnar* «родня».

В современном гагаузском языке фарингальный *h* часто выпадает в начале, середине и конце слов, а в ряде случаев служит почвой для образования вторичных долгот, главным образом *aa*. Употребляется преимущественно в заимствованных словах арабского и персидского происхождения: *aşçı* «повар», *şığıç* «рак», *ayva* «айва», *eer* «если», *zaamet* (< *zahmet*) «хлопоты, беспокойст-

во», *maasuz* (< *mahsus*) «нарочно, умышленно», *laana* (< *lahana*) «капуста», *anatar* (< *anahtar*) «ключ», *pelivan* (< *pehlivan*) «сильный человек, богатырь», *sabaa* (< *sabah*) «утро», *günaa* (< *günah*) «грех» и т.п. В некоторых словах фарингальный *h* сохраняется и отражается на письме: *hava* «погода», *hızlı* «быстро», *hayvan* «зверь», *horoz* «петух», *harman* «зуборка хлеба», *haylaz* «лентяй», *hardal* «горчица», *tamah* «алчность, жадность», *silah* «оружие» и т.п. [Покровская 1994: 40–41].

В первом [1908] и во втором издании [1935] книги «*Kısa Dua Kitabı*» М. Чакира в примерах *hani*, *hangıları*, *hangısı*, *rahmet*, *tamah*, *sabahla* фарингальный *h* отражается на письме, а по новым правилам орфографии *h* не употребляется, т.е. *anı* «что», *anguları* «которые», *angısı* «который», *rahmet* «сострадание; милость божья», *tamaa* «алчность, жадность», *sabaala* «не спать до утра».

Согласный *y* по своей природе неустойчив. В гагаузском языке неустойчивость согласного *y* проявляется очень ярко: в сочетании с гласными переднего ряда, а также с гласным *y* он имеет тенденцию к полному исчезновению и в ряде случаев служит почвой для образования вторичных долгот. Он может употребляться в двух позициях: перед гласными *a*, *i*, *o*, *u* (*ya*, *yi*, *yo*, *yu*) и в интервокальной позиции, т.е. между двумя гласными. По новым правилам орфографии буква «*y*» пишется в начале слов с гласными заднего ряда, за исключением *yâr* и *yârim* «любимый, возлюбленный». Например, *yardıım* «помощь», *yumirta* «яйцо», *yaarım* «завтра» и т.п. Перед гласными переднего ряда буква «*y*» не пишется, т.к. в гагаузском языке начальные гласные переднего ряда произносятся йотированно, но на письме «*y*» не отражается: *ev* «дом», *em* «корм», *ilik* «доброта», *ilaç* «лекарство», *ökçâ* «каблук; пятка», *üülen* «обед», *üzük* «кольцо» и т.п. [Покровская 1994: 41, 1997: 66].

Однако в первом издании «*Kısa Dua Kitabı*» [1908] наблюдается тенденция выпадения начального «*y*» и перехода следующего за ним *i* в *ı*. Например: *ika-ıldız*, *ik-* буква «*y*» в начале слова не пишется, эти же слова в современном гагаузском языке употребляются не с гласными переднего ряда, а с гласными заднего ряда, и поэтому буква «*y*» в начале слова отражается на письме: *yıka-* «мыть, стирать», *yıldız* «звезда», *yık-* «разрушать». В середине слов сочетание *yi* переходит в *ı* (*yi* > *ı*). Например: *hairla-*, *bair*, по новым правилам орфографии *hayırla-* «благословить», *bayır* «возвышенность, холм».

В первом [1908] и во втором издании [1935] книги «*Kısa Dua Kitabı*» буква «*y*» не пишется, если корневое слово оканчивается на гласную и к нему присоединяется аффикс, начинающийся с гласной. Например: *sabahlaım*, *alaim*, *yaraim*, *yumaim*, *duaı*, *korucuı*, *baaılaır*, *baaılaır*, *yollaır* и т.п. Также писалось и после принятия правил орфографии в 1958 г., по новым же правилам, принятыми в 1993 г., буква «*y*» в таких случаях, т.е. между двумя гласными пишется: *sabahlayım* «не буду спать до утра», *alayım* «возьму», *yarayım* «сделаю», *yumayım* «не буду спать», *duaı* «молитву», *korucuı* «защитающий, охраняющий», *baaılayır* «простив», *yollaıır* «отправив».

В современном написании слова *ii* «хорошо» и *ilik* «добро» в первом [1908] издании книги передаются с «*y*»: *eyi* и *eyilik*, а во втором издании [1935] без «*y*»: *ei* и *eilik* (*eilik*).

Оглушение звонкого *z* в конце слов и перед глухими согласными в середине слова (обычно перед *s*, *c*) на письме не отражается, т.е. произносится *z*, а пишется *z*. Например, произносится *kis*, *tuzsus*, *bileriz*, но пишется *kiz* «девушка», *tuzsuz* «без соли», *bileriz* «знаем» и т.д. На письме конечное *z* также сохраняется в глагольных и предиктивных формах: *gidieriz* «идём», *alaceız* «возьмём», *kismetliyz* «мы счастливы», *almaz* «невозможно; нельзя» и т.д. [Покровская

1994: 39;

В пер-
конечного
письме. В
времени,
конце нег-

а) в гл

bilme-

zma-ê

baar-i

hristia

б) в аи

встречает

imiz «наш

вом издае

-mis: İmde

и) в аф

ся чаще: İ

ниха», İekâ

грешный».

г) в кон

И в пе-

maasus [19

через z, т.е

В перв-

ной норм-

формы, ка-

но. Напри-

İlmi/ dınsız

гагаузском

ayozsım «т

слово bas

В перв-

нению с со-

а там нас

gecâyaris:

her kerâ «к

с завистью

чьей-л. вол

По пр-

был приня

фикса был

ние e посл

узского яз

Перед с

a (-y)acek)

пишется e

шется посл

«найдег», e

/ -yecek -

sakli-yecek

(< *lahana*) «капуста»,
ий человек, богатырь»,
некоторых словах фа-
«погода», *hizf* «быст-
«ба», *haylaz* «лентяй»,
ужие» и т.п. [Покров-

Kısa Dua Kitabı» М. Ча-
bahla-фарингальный *h*
и *h* не употребляется,
met «сострадание; ми-
пать до утра».

ском языке неустойчи-
с гласными переднего
у исчезновению и в ря-
дот. Он может упот-
у), уо, уи) и в интерво-
правилам орфографии
и, за исключением *yâr* и
мощь», *yurtıa* «яйцо»,
сва «у» не пишется, т.к.
произносятся йотиро-
корм), *ıilik* «доброта»,
ık «кольцо» и т.п. [По-

наблюдается тенденция
им *i* в *i*. Например: *ıka-*
на в современном гага-
да, а с гласными задне-
на письме: *yıka-* «мыть,
слов сочетание *ıy* пере-
правилам орфографии

Kısa Dua Kitabı буква «у»
ую и к нему присоеди-
ıbahlaım, *alaim*, *yarıım*.
Также писалось и после
правилам, принятыми в
мя гласными пишется:
у), *yarıım* «сделаю»,
ı «защищающий, охра-

«добро» в первом [1908]
издании [1935] без «у»:

согласными в середине
произносится *s*, а пишется
пишется *kız* «девушка»,
ное *z* также сохраняется
ım, *alaceuz* «возьмём»,
ля» и т.д. [Покровская

1994: 39; 68].

В первом [1908] и во втором издании [1935] книги наблюдается оглушение конечного *z* (> *s*) как в конце слов, также и в аффиксах, и это отражается на письме. Это явление в основном встречается: а) в I лице мн. числа настоящего времени, б) в аффиксе принадлежности I лица мн. числа, в) в аффиксе *-sız* и г) в конце некоторых слов, например:

а) в глаголе I лица мн. числа настоящего времени:

bılme-er-is – *yarıér-is* – *bılme-er-iz* «мы не знаем», «делаем»

sına-ér-is – *ıanıér-is* – *sınér-iz* «мы прибегаем к защите, находим кров»

baar-ér-is – *kalkiér-is* – *baarér-iz* «мы кричим»

hristian-is – *hristian-iz* «мы христиане»;

б) в аффиксе принадлежности I лица мн. числа в изданиях 1908 и 1935 гг. встречается обычно в виде *-(I)mız / -(U)mız*: *Allah-ımız* «наш Господь», *gınahlar-ımız* «наши грехи», *kurtulma-ımız* «наше спасение», *Baba-ımız* «наш отец»; в первом издании в одном примере аффиксе принадлежности встречается в форме *-mız*: *ımdatı-mız* «наш спаситель»;

в) в аффиксе *-sız*, который встречается в виде *-sız / -sis*, форма *-sis* встречается чаще: *hıtkı-sis* «бесконечный», *kusur-sız* «без недостатка», *gıvee-sis* «без жёнка», *ıeke-sis* «без пятна», *dın-sız* «не верующий», *hır-sız* «вор», *gınah-sız* «безгрешный», *ölüm-sız* «бессмертный» и т.п.;

г) в конце некоторых слов:

И в первом и во втором издании книги отмечены примеры *gındız* [1908] и *maasız* [1935]. По новым правилам орфографии эти примеры следует писать через *z*, т.е. *gındız* «днём», *maasız* «нарочно, специально».

В первом [1908] и во втором издании [1935] книги *Kısa Dua Kitabı* нет единой нормы слитного или раздельного написания аффиксов. Выявлены словоформы, которые встречаются в двух вариантах, т.е. пишутся и слитно и раздельно. Например: *başır- / başır*, *her bir herbir*, *bu gün bugün*, *var dir / vardır*, *dinsiz lımı dinsizlımı*, *ayoz sin ayozım* по новым правилам орфографии все аффиксы в гагаузском языке пишутся слитно: *vardır* «есть», *dinsizlımı* «моё безбожие», *ayozım* «ты ангел», слова *herbir* «каждый», *bugün* «сегодня» пишутся слитно, а слово *başır-* «обратиться» раздельно.

В первых изданиях книги выявлены некоторые примеры обратного по сравнению с современным написанием: по новым правилам орфографии раздельно, а там наоборот – *hiçbir*, *herkerä*, *hiç birkerä*, *gözdik*, *karsıgel-*, *çinsabaa*, *gecâyarıs*: *her zet*, в современном гагаузском языке пишутся *hiç bir* «ни один», *her kerä* «каждый раз», *hiç bir kerä* «ни разу», *göz dik-* «зариться на что, смотреть с завистью», *çin sabaa* «до самого утра», *her zet* «всё», *karsıgel-* «идти против чьей-л. воли», *gecâyarıs* «полночь».

По правилам орфографии 1957 г. аффиксе будущего определенного времени был принят в форме *-(y)acek / -(y)ecek*, но по новым правилам правописание аффикса было пересмотрено и рекомендовано после *s* писать букву *e*, т.к. написание *e* после *s* отражает реальное произношение данной формы в диалекте гагаузского языка [Покровская 1994: 15].

Перед *s* в формах, образованных от основ с гласными заднего ряда, пишется *a* (*-(y)acek*), а если аффиксе присоединяется к основе с гласными переднего ряда пишется *e* (*-(y)ecek*). Аффиксе будущего определенного времени *-acek / -ecek* пишется после основ, оканчивающихся на согласный: *al-acek* «возмёт», *bul-acek* «найдёт», *dön-ecek* «вернётся», *gel-ecek* «придёт», а йотированный вариант *-acek / -ecek* – после основ на гласный: *başla-yacek* «начнёт», *çürü-yecek* «стниёт», *taklı-yacek* «спрячет», *sesle-yecek* «послушает», кроме долгих *ıı*, *ıı*: *kıı-acek*

«прогонит», *tu-acek* «быстро исчез» [Покровская 1994: 60].

В обоих изданиях «*Kısa Dua Kitabı*» аффикс будущего определенного времени встречается в следующих вариантах *-acak / -acek / -ecek, -cak / -cek, -ca / -ce: açıl-acaklar, bulacaklar, koy-acaklar, ol-acak, kiıaceklar, olma-y-acek, sevin-ecek, gel-ecek, yıka-y-can, söläme-y-cäm, verme-y-cäm sevin-ceklär*. Варианты форм с неполными аффиксами (*-cak / -cek, -ca / -ce*) представляют собой стилистическую разновидность парадигмы и принадлежат разговорному стилю речи. Эти словоформы в современном гагаузском языке пишутся *açıl-aceklar* «откроются», *bulaceklar* «найдут», *koy-aceklar* «поставят», *ol-acek* «будет», *kiıaceklar* «выгонят», *olma-y-acek* «не будет», *sevin-ecek* «будет радоваться», *gel-ecek* «придет», *yıka-y-acan* «помоешь», *söläme-y-ecäm* «не скажу», *verme-y-ecäm* «не дам», *sevin-eceklär* «будут радоваться».

Будущее неопределенное время образуется при помощи аффиксов *-r, -yar, -yär, -ir / -ir, -ur / -ür*, причем, как правило, употребляются обе формы – с широким и узким гласным: *alarım/alırım* «возьму», *bilärim/bilirim* «знаю», *görürüm/görürüm* «вижу», *tutar/tutur* «держит», *ölür/ölür* «умрёт», *taş-ır* «носит, тащит», *kurur* «высохнет», *seslä-r* «слушает» [Покровская 1994: 63].

В первом [1908] издании аффикс будущего неопределенного времени встречается только с узким гласным (*-r, ir, -ir, -ur, -ür*): *baar-ırdı, yat-ırkan, salverirsın*, а в третьем [2001] издании в этом аффиксе предпочитается широкий гласный: *baar-ardı* «кричал», *yat-arkan* «в то время, когда лежал», *salverersin* «отпускаешь», только в одном примере употреблен аффикс в форме *-ir: geçir-* «пройти, проводить».

В современном гагаузском языке правописание сложных и составных глаголов с вспомогательной частью *et-* и *ol-* регулируется так:

а) слитно в глаголах, именная основа которых уже слилась с вспомогательной частью: *lafetmäđ* «разговаривать», *siretmäđ* «смотреть», *yoketmäđ* «уничтожать» и т.п.;

б) отдельно от вспомогательной части пишется именная основа составных глаголов: *betva etmäđ* «проклинать», *ciıvar etmäđ* «отвечать», *kayı olmaa* «соглашаться», *şen olmaa* «быть весёлым» и т.п. [Покровская 1994: 57].

В обоих изданиях *Kısa Dua Kitabı* составные глаголы с вспомогательной частью *et-* и *ol-* написаны слитно, а *duaet-// dua et-, günahet-// günah et-, kabulet-// kabul et-, umutet-// umut et-* встречаются в двух вариантах. Данные ниже примеры в современном гагаузском языке пишутся раздельно: *günahet-* «грешить», *kabulet-* «соглашаться, принимать», *izmetet-* «служить», *umutet-* «надеяться», *yardımet-* «помогать», *gözet-* «следить, выслеживать», *şüküret-* «благодарить (Аллаха)», *vaptızol-* «креститься», *şenol-* «быть весёлым», *yokol-* «погибать, исчезать».

В современном гагаузском языке все послелогии пишутся отдельно. В первом издании книги послелогии *sonra* и *da* написаны слитно: *gördüküansora kalkuktansora, neda, hemda, bizäda, sända*, во издании [1935] послелог *sonra* пишется отдельно, а *da* только слитно, хотя и редко встречаются примеры, где послелог пишется отдельно: *imektän sora, bitirdiktän sora, hemda/ hem da*.

Послелог *için* обычно пишется отдельно, но в одном примере в первом издании книги встречается в слитном варианте: *biıanıiçin* [1908: 36].

Арабо-персидские, славянские и романские заимствования пишутся в соответствии с их фонетической адаптацией в гагаузском языке: *imdat* «помощь», *peıııvan* «сильный человек, богатырь», *raat* «покой, спокойствие», *raametli* «покойный», *vaktı* «время», *ciıvar* «ответ» и т.д. [Покровская 1994: 38–39]; ср. в первом издании книги написание *kitab-larin*, а также *vakkıt – vaktı* «время», *cenet – cennet* «рай», *subbota – subota* «суббота».

В итоге орфографии единой норм представлял ных выше п разного напи

Проведен графики и оу ние ста с ли му для изуче Если же буде сомненно, пр

Для повы вития требве возможна то: туры и образ нizationsн.

И
Ашам ду

Ей Слаби, лахымыть, не нахсетійсам бу лань, шильны иетлянь, афь бирь ейлинькы. Иксансевань г хемь шамата-с баашла бана, С лини кору-джу ки ёрть-сонь х синь бени херь лыктагы: зері б бизямь джанла хемь повод Коруджусу хем кюрь юкарыёл Бубая, хемь Оо Айёзь Духа, ш хожма, хемь да даймалары-над

Банкова И.
<http://serin.su/ru>
Газета «Со
Газета «Мо
Дмитриев И
– М., 1962. – С

В итоге можно сказать, что на протяжении многих лет правила графики и орфографии гагаузского языка имеют много недостатков, т.е. до сих пор нет единой нормы написания слов. Правила орфографии, составленные в 1957 г., представляли собой первую попытку установить такие нормы, но из приведенных выше примеров видно, что не были выработаны твердые правила единообразного написания слов и не сложилась устойчивая норма в литературном языке.

Проведенные наблюдения позволяют сделать общий вывод о том, что правила графики и орфографии современного гагаузского языка, сформировавшиеся в течение ста с лишком лет, представляют собой достаточную информативную платформу для изучения процессов и закономерностей формирования современной нормы. Если же будет глубже исследована вся литература на гагаузском языке, то это, несомненно, принесет большую пользу в решении актуальных проблем.

Для повышения социально-культурного статуса гагаузского языка, его развития требуется разрешение целого ряда задач и проблем, реализация которых возможна только при условии скоординированной работы в сфере науки, культуры и образования, при поддержке органов управления и общественных организаций.

Примеры текстов из книги М. Чакурса «Kısa Dua Kitabı»
(изд. 1908, 1935 и 2001 гг.)

1908: 46

Авшам дуасы

Ей Сааби, бизимь Аллахимызы, не понахъстийсам бу гюнь, лафлякъ, шильянь хемь иетлянь, авфеть бана, бирь ебилкыли (гиби) хемь. Исансевинь гиби. Рахатлы хемь шамата-сызь уйку башла бана, Сенинь ангелини коруджуу Алла бана, итёрт-сонь хемь гёзьеть-синь бени херь бирь фяна-лыстань: зерэ Сянь синь бизимь джанлармызынь хемь поюделермизинь Коруджусу хемь Сана шю-верь юкарыёллаёр-ысь. Ыубя, хемь Оола, хемь Алёнь Духа, шюнди, хемь хююм, хемь даймаларынь даймалары-надакъ, аминь.

2001: 46

Avşam duası 2-ci

Ey, Saabi, Bizim Allahımız, ne güruh ettiysüm bu gün laflan, işlän hem neetlän, afer bana, bir ilikl (gibi) hem insansıvân gibi. Raath hem şamatasız uyku başla bana. Senin Angelini koruyucuyu yolla bana, ki örtsün hem göz etsin beni her bir fenalıktan, zeri Sänsin bizim canlarımız-ın hem güdülerimizin Koruyucusu, hem Sana şükür yukarı yolléertz, Bobaya hem Oola hem Ayoz Duha, şindi hem hojma hem daymaların daymalarınadık. Amin.

1935: 1

Dualar için

Dua lafetmeactir Allahlan zerece necan biz düsedeeris Allaha, o zaman biz söveeris Ona, bir Bubağa gibi, zorlarâmâzâ hem da ealvarâerâs Ona, versin bize ne leaazâmâdâr. Biz duaedeeris Allaha onuştan chi Allah coruer bizi uşactarânâ gibi, coruer bizim iomiuriumiuziu bir Buba gibi – verier leaazâmâclarâ, verier cârlara esamur, cii, ghiu-neş, hem hertiurliu eilic. Dualarâmâzda biz isteeris Allahtan her bir eilic, echida şüchiur edeeris Allaha verdi eiliclar için, echida şanlıcrâs Allaha Otun Chiamil işleri için.

ЛИТЕРАТУРА

- Банкова И. Гагаузский язык: этапы становления и перспективы развития // http://serin-su/publ/1_chimpoesh
Газета «Советская Молдавия» от 31.VII.1957 г.
Газета «Молдова сочиалисте» от 31.VII.1957 г.
Дмитриев Н.К. Гагаузские этюды // Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. - М., 1962. - С. 251-270.

- Дмитриев Н.К.* Долгие гласные в гагаузском языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Т. 1. – М., 1955. – С. 203–207.
- Дмитриев Н.К.* К вопросу о словарном составе гагаузского языка // Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. – М., 1962. – С. 271–293.
- Дмитриев Н.К.* Фонетика гагаузского языка // Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. – М., 1962. – С. 202–250.
- Каранфиц Г.* Чагдаш гагауз дилиндя ялифба вя орфографияи проблеми *Тюркология*, Баку, 2006.
- Каранфиц Г.* Лексика гагаузского языка. – Комрат, 2010.
- Колца Е.К.* Орфография гагаузского языка // Орфографии тюркских литературных языков СССР. – М. 1973. – С. 91–102.
- Орфографический словарь гагаузского языка / Под ред. Л.А. Покровской) Комрат, 1997.
- Покровская Л.А.* Грамматика гагаузского языка. Фонетика и Морфология М., 1964.
- Покровская Л.А.* Правила орфографии и пунктуации гагаузского языка (проект). – Комрат, 1994.
- Покровская Л.А.* Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении – М., 1977.
- Покровская Л.А.* Современный гагаузский язык (курс лекций). – Комрат, 1997.
- Чимпоеш Л.* Гагаузский язык – исторические и современные аспекты развития // http://serin.su/publ/1_chimpoesh
- Çiacı M.* Dua Chitabâ, gagauzlar için. Chişinău: Tiparul moldovenesc, 1935.
- Çiacı M.* Kısa Dua Kitabı (Slavyanca hem Gagauzça). Kişinev, 1908.
- Gaydarji, G.A., Koltza, E.K., Pokrovskaya, L.A. ve Tukan, I.P.*, Gagavuz Türkçesinin Sözlüğü. (Aktaranlar I. Kaynak, M. Doğru). Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1991.
- Kıroğlu D., Kuroğlu S., Luka N.* (Haz.) Kısa Dua Kitabı (Gagauzça): Salonik "Ortodoks kipseli" basım evi, 2001.
- Özkan N.*, Gagavuz Türkçesi Grameri. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1997.

Ozakdag Nadya. Graphical and orthographical changes in the Gagauz language (based on M. Çakir «Kısa Dua kitabı»)

Summary: In the article graphical and orthographical particularities of Gagauz language being represented in three translations of the same text, beginning from the XIXth century, where graphics on the Cyrillic and Latin basis was used, are shown.

Key words: Gagauz language, graphics, translation, rules of orthography, comparative analysis of texts.

Сведения об авторе. Озакдаг Надя (Nadya Özakdağ / Nadejda Chirli), кандидат филол. наук, университет Коджатеппе в Афионе (Турция).
E-mail.: nchirli@gmail.com

Резюме
турецкого писания» библиейс ваторским ху скую структур озного дискур привычным, + которых и сос религиозных т сводятся писа правленность только вперед нечное присут **Ключевы**
мира, дискурс

Постмодер
собственные
практик с иде
режкой слово
дальнейшее р
как текст», +
«пастищ», пр
основные по
режкие писат
бы донести д
ский комплен
Представ
Анар (родило
ского универ
преподавать
ствил в 1985
та/восхвален
пошёл, зани

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

«МУЗЫКАЛЬНЫЙ» РОМАН ИХСАНА ОКТАЯ АНАРА «МОЛЧАЛИВЫЕ»

О.В. Карева, г. Москва

Резюме. В статье на примере постмодернистского романа «Молчаливые» турецкого писателя Ихсана Октая Анара рассматривается травестия, «размыкание» библейско-коранической рамки, замена её гиперперсонажной маской – новаторским художественным приёмом, органично вписывающимся в ризоматическую структуру романа. Доказывается то, что главным в деконструкции религиозного дискурса у Анара является дискредитация, наполнение совершенно непривычным, негативным содержанием образов пророков-праведников, череда которых и составляет стержень концепции священной истории в каждой из трёх религиозных традиций. Пророки разных периодов и разных Священных Писаний сводятся писателем в одно время и в одно место, что смещает линейную направленность временного вектора, заставляет время двигаться не по прямой, только вперёд, а вращательно по кругу, активизируя в памяти читателя бесконечное присутствие «всегда вью».

Ключевые слова: турецкий нарративный постмодернизм, текстуализация мира, дискурс, гиперперсонажная маска, деконструкция.

Постмодернизм как оригинальное литературное направление, выработавшее собственные способы художественного синтеза новейших поэтологических практик с идеями постнеклассической философии, возникло и развилось в турецкой словесности в конце 80–90-х годов прошлого столетия и получило своё дальнейшее развитие в первом десятилетии нынешнего. «Мир как хаос», «мир как текст», «интертекстуальность», «пародийный модус повествования» или «плагиат», принцип «двойного кодирования», коллажность, цитатность и т.п. – основные понятия постмодернистской художественной парадигмы, которые турецкие писатели-постмодернисты реализуют в своих произведениях с тем, чтобы донести до читателей определённый (весьма своеобразный) мировоззренческий комплекс.

Представитель «второй волны» турецкого постмодернизма Ихсан Октай Анар (родился в 1960 г.) является выпускником философского факультета Эгейского университета, где впоследствии он получил докторскую степень и остался преподавать философию и турецкую литературу. Первую пробу пера он осуществил в 1985 г., опубликовав в журнале «Morköprü» рассказ «Апология (защита/восхваление) неверных/гявуров». Но в 1980-е гг. дальше этого И.О. Анар не пошёл, занимаясь в основном философскими исследованиями. Собственно как

писатель-романист он заявил о себе в середине 1990-х гг., представив на суд читающей публики романы «Атлас туманных материков» (1995), «Книга хитростей» (1996), «Рассказы Афрасиаба» (1998), «Амат» (2005), «Молчаливые» [Анар 2007]. По роману «Рассказы Афрасиаба» И.О. Анар написал пьесу, которая была переведена на английский язык и поставлена в Великобритании. Романы Анара сразу же вызвали широкий читательский интерес своими увлекательными и динамичными сюжетами, тонким юмором и едкой иронией.

Турецкая критика едино в том, что романы И.О. Анара исторические, насыщенные глубоким философским содержанием¹, что они изобилуют староосманской лексикой (идиомами и фразеологическими оборотами)², что в романистике писателя используются традиции фольклорного сказа³, что характеры его героев лишены психологической глубины и больше напоминают фигуры людей, характерные для миниатюрной живописи и лубка⁴. Однако критики расходятся в причислении писателя к тому или иному литературному течению или направлению. Например, Ахмет Октай, Йылдыз Эджевит, Семих Гюмош⁵, Осман Гюндюз, Жале Парла считают его представителем постмодернизма⁶, Айшенур Кольханлыоглу Ислам называет творчество Анара модернистским⁷, а Нукет Эсен усматривает в романах писателя «магический реализм»⁸.

Между тем романистика Анара гармонично вписывается в нарративную модификацию турецкого постмодернизма, если опираться на классификацию, представленную М.М. Репенковой в монографии «Вращающиеся зеркала. По-

¹ *Gündüz O. Cumhuriyet Dönemi Türk Romanı 1839-2000.* – Ankara, 2007, s. 406-511; *Gündüz O. Roman. 1960 sonrası // Türk Edebiyatı Tarihi.* 4 Cilt. – Ankara, 2006, s. 281-282, 370; *Esen N. Modern Türk Edebiyatı Üzerine Okumalar.* – İstanbul, 2006, s. 247-248; *Oktay A. Romanımıza Ne Oldu?* – İstanbul, 2003, s. 181-182 и др.

² *Enginun İ. Cumhuriyet Dönemi Türk Edebiyatı.* – İstanbul, 2006, s. 380; *Esen N. Modern Türk Edebiyatı Üzerine Okumalar,* s. 248-249; *Ecevit Y. Türk Romanında Postmodernist Açılımlar.* – İstanbul, 2009, s. 93; *Gümüş S. Bunlar Roman, Belgesel Değil // Notos Öykü Sayı 30, Ekim-Kasım, 2011, s.20; Demiralp O. Beşibiryerde // Notos Öykü. Sayı 30, Ekim-Kasım, 2011, s. 27 и др.*

³ *Türkes A.O. Hayal, Hayat, Tarih, Hakikat // Notos Öykü, Sayı 30, Ekim-Kasım, 2011, s. 40; Demiralp O. Beşibiryerde // Notos Öykü. Sayı 30, Ekim-Kasım, 2011, s. 26; Poyraz H. Kitab'ı Hiyele Üzerine // Türk Dili, Türk Romanı Özel Sayısı. 2000, № 153-154, s. 339-340; Gündüz O. Roman. 1960 sonrası, s. 370 и др.*

⁴ *Korat G. Minyatür Ve Roman Estetiği // Notos Öykü, Sayı 30, Ekim-Kasım, 2011, s. 23-25; İnci H. Anar'ın Romanlarında Bengal Kaplanları // Notos Öykü. Sayı 30, Ekim-Kasım, 2011, s. 33 и др.*

⁵ Оговоримся, что позиция С. Гюмоша особая. Он признаёт постмодернистскими романы ранней трилогии И. Анара («Атлас туманных материков», «Книга хитростей», «Рассказы Афрасиаба»), но не видит даже признаков постмодернизма в романах писателя 2000-х гг. – «Амат» и «Молчаливые».

⁶ См.: *Oktay A. Romanımıza Ne Oldu?* s. 181-182; *Ecevit Y. Romanımızda Postmodernist Açılımlar.* – İstanbul, 2009, s. 76-77, 93; *Gümüş S. Modernizm ve Postmodernizm. Edebiyatı Dünü ve Yarını. Eleştiri.* – İstanbul, 2010, s. 111-112, 119; *Gündüz O. Roman. 1960 sonrası,* s. 281-282; *Parla J. Modernizmden Postmodernizme-Türk Romanı // Türk Edebiyatı Tarihi. 4 Cilt.* – Ankara, 2006, s. 370 и др.

⁷ *İslam A.K. Postmodern Anlatımı Deneyenler // Yeni Türk Edebiyatı (1839-2000).* – Ankara, 2007, s. 344.

⁸ *Esen N. Modern Türk Edebiyatı Üzerine Okumalar,* s. 249.

тмодерни: представ- явлении ж дений (гла стской лиг крывает от сти, характ сиях турел пользоемой схождения готовившей ляционным постнеклао структурал

И.О. Анар Кюр, Т реалистиче вально вые и т.п. Так вов/гиперм «догматиче временност обосновани тивное – п [Скоропано

Создав- кальный ром стмодернист стом-наррат зить вербал перекодиро ре – мирово «Книга путе зрак оперь»

В основе макама. Одно пейекого, и ев. Считает По другой со своими л бой. Затем о избавить мо сразу образе дой звуки дв

Роман «А звание стари

⁹ Согласно можно выдел шизоидности

т., представив на суд читателя (1995), «Книга хитроумных» (1995), «Молчаливые» [Анар написал пьесу, которая была опубликована в Великобритании. Романы написаны своими увлекательными сюжетами].

Анар исторические, насыщенные событиями романы (например, «История старого Османского государства»), что в романистике характеризует его героев как фигуры людей, хаос критики расходятся в различных направлениях. Помощь Осман Гюно-модернизма⁵, Айшенур Эрмискем⁶, а Нукут Эсим⁷.

Анар в нарративную модель на классификацию, представляющую зеркало. По-

— Ankara, 2007, s. 406, 511; — Ankara, 2006, s. 281–282; bul, 2006, s. 247–248; *Okta*

2006, s. 380; *Esen N. Modern Türk Romanında Postmodernizm Elgesel Değil // Notos Öykü. Notos Öykü. Sayı 30, Ekim-*

— Ekim-Kasım, 2011, s. 23–24; Ekim-Kasım, 2011, s. 26; *Poyraz H. 00, № 153–154, s. 339–340;*

0, Ekim-Kasım, 2011, s. 23–24; *Öykü. Sayı 30, Ekim-Kasım,*

т постмодернистскими романами, «Книга хитроумных», «Молчаливые» в романах писате-

— Romanımızda Postmodernizm ve Postmodernizm. Edebiyatın 20. Yüzyılı. 1960 sonrası, s. 1–10 // *Türk Edebiyatı Tarihi. 4*

— *Türk Edebiyatı (1839–2000). —*

постмодернизм в литературе Турции» (2010)⁸. М.М. Репенкова даёт комплексное представление о турецком литературном постмодернизме как посткультурном явлении жизни Турции рубежа XX–XXI вв. На примере прозаических произведений (главным образом романов) писателей, стоявших у истоков постмодернистской литературы (О. Памук, М. Мунган, Н. Эрай, П. Кюр, Б. Карасу) она раскрывает определяющие черты указанного направления в национальной словесности, характеризует новые модели мышления, утвердившиеся в разных модификациях турецкого постмодернизма, и особенности нового языка посткультуры, используемого турецкими авторами. Автор монографии выявляет типологические сходства и различия постмодернизма и «магического реализма» (Л. Текин), подготовившего переход турецкой литературы от традиционной образности к симуляционному знаку-обманку, и не обходит вниманием теоретические проблемы постнеклассической философии, разъясняя основные понятия сложного постструктуралистского-деконструктивистского-постмодернистского комплекса.

И.О. Анар, подобно другим турецким постмодернистам-нарративистам (Пьер-Кюр, Тахсин Юджель и др.), не отказывается от реализма. Сопригая коды реалистического искусства с натурализмом, он трагически снижает их, карнально высмеивает, выдвигая в плане эстетики идеи релятивизма, антикаллизма и т.п. Так он вносит свой вклад в разрушение лиотаровских метанарративов/типифигов современности, которые, по мнению французского философа, «догматически претворяют в жизнь “идеи истинного знания”». «Нарративы современности, указывает Лиотар, похожи на мифы. Но если мифологическое обоснование построено по классическому “правилу”, по “прецеденту”, то нарративное – по принципу “истинная идея обязательно должна осуществиться”» [Скоропанова 2007: 52].

Создавая свой новый художественный проект – постмодернистский «музыкальный роман» несомненно, под влиянием творческого опыта европейских постмодернистов конца XX-го и начала XXI-го вв., Анар, являясь постмодернистом-нарративистом, стоит на позиции того, что всё, даже музыку, можно выразить вербально, через рассказ/нарратив. В романе «Молчаливые» цитируются в перекодированном виде разнообразные произведения мировой литературы (шире – мировой культуры): Библия, сказки «Тысяча и одна ночь», мифы Геродота, «Книга путешествий» Эвлии Челеби, «Декамерон» Джованни Боккаччо, «Призраки оперы» Гастона Леру, бестселлеры Дэна Брауна и др.

В основе музыки исламского мира лежит удивительная форма под названием макам. Одновременно и лад, кардинально отличный от темперированного европейского, и принцип музцирования, и последовательность мелодичных звеньев. Считается, что число первоначальных макамов равнялось числу пророков. По другой легенде все макамы произошли от пророка Мусы. Однажды он шёл со своими людьми по берегу Нила и, увидев камень, приказал забрать его с собой. Затем они добрались до пустыни, где Муса обратился к Аллаху с просьбой избавить людей от жажды. Всевышний приказал ударить посохом по камню – сразу образовалась дюжина отверстий, откуда потекли вместе с родниковой водой звуки двенадцати макамов [Карен Агекян].

Роман «Молчаливые» состоит из трёх частей, каждая из которых носит название старинного восточного макама: Йегях, Дюгях, Сегях. Благодаря этому

⁸ Согласно классификации, разработанной М.М. Репенковой, в турецкой литературе можно выделить следующие модификации постмодернизма: нарративный, лирический, эпифаналитический, ностальгическо-меланхолический.

автор с одной стороны подчеркивает превращение музыки в текст/нарратив (шире в музыкальный дискурс), а с другой, трагически снижает значение музыкального кода за счёт его «сращивания» с кодами «низовой» словесности (турецкого фольклора – волшебных сказок, жанров массовой литературы – историко-авантюрного, детективного, «розового/любовного»).

Следуя нормам постмодернистской эстетики и подтверждая идею о равноправном сосуществовании сакрального и профанного в современном пространстве массмедиа, И.О. Анар соединяет в романе «Молчаливые» мирское и религиозное, фантастическое и реальное, мелодию Божественного дуновения как прарасу человеческого бытия и музыку, звучащую в музыкальных кофейнях и трактирах. В одном из своих интервью писатель на вопрос о том, какое место занимает музыка в его жизни как писателя и как обыкновенного человека, отвечает следующее: «Я бы посвятил свою жизнь музыке, если бы 30 лет назад у меня были бы такие возможности и разум». Анар, рассматривающий музыку как важную составляющую духовной жизни человека, относит музыку к особому виду коммуникации, способного вернуть воспринимающего музыку индивида к первичным элементам человеческого опыта и целостности внутреннего мира. Эпиграфом к роману являются строки из поэмы Маснави-йи Манави Мевляна Джеляледдина Руми: «Если уши способны постичь истину – это те же глаза».

Все его романские персонажи являются музыкантами, играющими на восточных музыкальных инструментах – кануне, уде, кеманче, сангуре, домбаке и др. Господин Нейзен Батын [в переводе с турецкого: нейзен – играющий на нее; батын – внутренний дух, сокровище, тайное], намекающий на Святого Духа, играет на тростниковой флейте – нее¹⁰, а его сын Захир Эфенди, аллюзивный на Иисуса Христа, выдающийся певец. Персонажи романа – Кадим Муса, Ибрахим Деде, Давуд, аллюзивные на Святых пророках (носителей Божественного откровения) играют на барабане, флейте и уде. Двенадцать товарищей Захира Эфенди, аллюзивные на двенадцать Святых апостолов – учеников и последователей Иисуса Христа, составляют музыкальный инструментальный ансамбль. Божественное Слово/откровение превращается в романе в божественную мелодию. Господин Нейзен Батын и его сын Захир Эфенди, романские персонажи, аллюзивные на пророков трёх мировых монотеистических религий (христианство, ислам, иудаизм), и лучшие исполнители восточных макамов города Константинополь ведут между собой и со своими противниками, приспешниками Тагута (дьявола), непримиримую войну. Уродливый карлик – Джудже эфенди, один из верных слуг Тагута, венецианец по происхождению, был у себя на родине музыкантом № 1 в игре на цимбалах. Сам же путь постижения Истины/Божественного откровения превращается в примитивную детективную историю: погоню преступников за лучшими городскими музыкантами, способными воспроизвести божественную мелодию; убийства музыкантов; разоблачение и наказание убийц.

Нарративный характер произведения проявляется в том, что роман содержит огромное количество рассказов разных персонажей, которые представляют собой персонажные маски. Рассказы-дискурсы, составляющие ткань романа, слов-

¹⁰ Знаменитый ученый X в. аль-Фараби отдавал предпочтение человеческому голосу, считая его самым благородным из всех инструментов. Ближе всего по тембру к голосу подходит ней, потому он и считался самым благородным из духовых инструментов. Это довольно простая флейта с шестью отверстиями на лицевой стороне и одним сзади. Из-за простоты конструкции из нее легко извлечь правильный тон. Делают ней из камыша, дерева, латуни и меди. Древние писали, что на камышовом нее можно сыграть только некоторые из макамов, а на деревянном – всё, что угодно [Карен Агеян].

но паути
ведение,
добивает

По м
на Барта,
тературис
создавая
нас, а для
ный кодо
курс со с
265]. Инь
было бы з
низующее
романном
жителей т
бул, пере
чик-нарра
но ссылая
специфич
представл
устного п
гиперперс
симуляко
имени кот
вергается.

Приё
турецкий
маска, од
нична для
произведе
ной текуч
менателю,
нажной м
семьи тур
Мусе и ег
манчисте
двух вну
пророка п
щённое п
зированной

Вооб
рующие г
коннотиру
Муса озни
сейн) и о
сто цитат
ставляют
ние стари
знаки эти
восходит

музыки в текст/нарратив
о снижает значение му-
словесности (ту-
литературы – исто-
).

тверждая идею о равно-
современном простран-
линные» мирское и рели-
венового дуновения как
музыкальных кофейнях и
прос о том, какое место
овенного человека, отве-
ли бы 30 лет назад у ме-
стривающий музыку как
осит музыку к особому
цего музыку индивида к
ости внутреннего мира.
ави-йи Манави Мевляна
ну – это те же глаза».

а, играющими на восточ-
сантуре, домбаке и др.
н – играющий на нее; ба-
на Святого Духа, играет
аллюзивный на Иисуса
ли Муса, Ибрахим Деде,
жественного откровения)
ей Захира Эфенди, аллю-
последователей Иисуса
ансамбль. Божественное
ную мелодию. Господин
конажи, аллюзивные на
етнианство, ислам, нуда-
да Костантинийе ведут
ми Тагута (дьявола), не-
ци, один из верных слуг
эдине музыкантом № 1 в
жественного откровения
гоноию преступников за
кнзвести божественную
не убийц.

гом, что роман содержит
торые представляют со-
щие ткань романа, слов-

ние человеческому голосу,
е всего по тембру к голосу
уховых инструментов. Это
стороне и одним сзади. Из-
м. Делают ней из камыша,
нее можно сыграть только
ев Атекюи].

но паутина опутывают кодами «уже виденного», «уже слышанного» всё произ-
ведение, не позволяя даже точно определить: «Кто говорит?». Этого как раз и
добивается автор, заставляя, таким образом, заговорить сам дискурс.

По мнению известного французского литературоведа-постмодерниста Рола-
на Барта, разрабатывавшего постфилософские положения применительно к ли-
тературному тексту: «Персонажи и дискурс являются сообщниками... Дискурс,
создавая персонажи, делает это не для того, чтобы они играли между собой для
нас, а для того, чтобы добиться от них сообщества, обеспечивающего непрерыв-
ный кодовый обмен. Персонажи – это всего лишь особые типы дискурса, а дис-
курс со своей стороны, – это персонаж, подобный всем другим». [Барт 2009:
265]. Иными словами, рассказ-наррация толкует лишь о самом себе. Поэтому
было бы неверно искать какую-либо иерархию в частях романа. И всё же орга-
низирующее начало децентрированного, хаоснизированного постмодернистского
романного текста И.О. Анара, в котором бесконечное число рассказов/нарратий
жителей турецкого средневекового города Костантинийе, намекающего на Стам-
бул, переходит друг в друга, имеется. Таковым является безымянный рассказ-
чик-нарративист, который собирает и воспроизводит все эти рассказы, постоянно
ссылаясь на источники сообщений. Его присутствие в тексте проявляется и в
специфических разговорных словечках, типа: «ну и ну», «вот это да», «и вот
представляешь», «и смотри, что вышло» и т.д., создающих к тому же эффект
устного повествования. иначе говоря, Анар обращается к постмодернистской
гиперперсонажной маске, которая «предполагает конструирование посредством
симуляков “мерцающего” гибридно-цитатного образа “героя-рассказчика”, от
имени которого осуществляется повествование. При этом созданный образ под-
верзется иронизированию, пародированию» [Скоропанова 2001: 44].

Приём гиперперсонажной маски, впервые введенный именно И.О. Анаром в
турецкий постмодернизм, характерен практически для всех его романов. Такая
маска, одновременно множась и собирающаяся воедино, чрезвычайно органи-
чна для ризоматической (структурной/аструктурной) организации анаровских
произведений. Кроме того она являет собой и образец реализации множествен-
ной текучей Истины, не сводимой к какому-либо одному центрирующему зна-
менателю, и репрезентацией многоликости Истины. С помощью гиперперсо-
нажной маски Анар в романе «Молчаливые» рассказывает о трёх поколениях
семьи турецких музыкантов: дед – барабанщик янычарского оркестра Калын
Муса и его родном брате Мухаййер Хусейне-эфенди, о сыне Калын Муса – ке-
манчисте Вейселе, за которым угадывается известный ашык Вейсель, и о его
двух внуках – близнецах Давуде, аллюзивном на библейско-коранического царя-
пророка псалмопевца, и Эфлатуне. «Эфлатун» в турецком языке означает обо-
щённое понятие «философ». Но в то же время это ещё и имя собственное, араби-
зированной форма имени «Платон».

Вообще, практически все имена в романе «говорящие», предельно абстраги-
рующие повествование. В основном они являются либо гибридно-цитатными,
коннотирующими представление о библейско-кораническом дискурсе (Калын
Муса означает «Богатый Муса»; Мухаййер Хусейн/Вольный в своём выборе Ху-
сейн) и о дискурсе античной мифологии (курица Феникс/Анка и т.п.), либо про-
сто цитатными именами пророков (Давуд, Иахья). Часто романские имена пред-
ставляют собой некие абстрактные понятия (Нева/Мелодия/ музыкальное назва-
ние старинного макама, Захир/Явность/Данность/Явленное) и доминантные при-
знаки этих понятий, т.е. те признаки, по которым они функционируют (Его Пре-
восходительство Нейзен Батын/«Его Превосходительство Внутренний дух, иг-

рающий на тростниковой флейте-нейе/ Его Превосходительство Сокрытое, играющее на флейте). Встречаются имена, обозначающие род занятий персонажа (Сторож, Торговец, Прорицатель и т.п.).

Среди рассказчиков, фигуры которых наиболее отчётливо «мерцют» в гиперперсонажной маске, выделяются музыканты – слепой кеманчист Багдасар и хромой Киркор, играющий на кануне. Багдасар и Киркор поведали Давуду страшную историю об известном в городе Костантинии музыканте Асыме. Асым прославился тем, что сочинил необыкновенный макам для кануна, исполнение которого было по силам лишь музыкантам высочайшего класса. Мелодия этого макама распадалась на две отдельные мелодии и исполнялась всеми десятью пальцами на кануне. Макам, который сочинил Асым для своей возлюбленной по имени Нева [в переводе «нева» – мелодия; название старинного макама] был прекрасен, звуки его мелодии несли гармонию, добро, любовь. Однако после создания своего музыкального шедевра Асым был найден мёртвым (с перерезанным горлом) в собственной постели, а мелодия макама была украдена безобразным уродцем – шестипалым карликом Перевели Искендером-эфенди Джудже-эфенди [«джудже» – карлик], как прозвали этого уродца в Костантинии, наполнил мелодию Асыма иным звучанием, исполненным ненависти и злобы. При этом сыграть макам до конца было невозможно. И с тех пор по Костантинии поползли слухи о появлении призрака Асыма, жаждущего отомстить тому, кто разрушил прекрасную гармонию его мелодии. Призрак Асыма являлся к тому, кто пытался играть «сломанную» мелодию сочиненного им макама. Рассказ Багдасара и Киркора о призраке музыканта Асыма органично вплетается в сюжетную ткань романа и служит мостиком к рассказу о том, как внук Калыи Мусы Давуд, тоже влюблённый в красавицу Неву, пытается восстановить гармонию в «сломанном» макаме.

Другой романский рассказчик – дервиш из Тебриза (аллюзивный на Шема Тебризи), который не называет своего имени – в своей исповеди шейху ордена Мевлеви Ибрахиму-деде, в котором он не узнал своего старого друга, поведал историю об ужасном садисте не то по имени, не то по кличке Фиравун (в переводе турецкого «фиравун» – фараон). Фиравун напал на него и его друга по несчастью, когда они возвращались в святую обитель ордена после посещения кладбища, эточил обоих в своём доме, известном в Костантинии как дом Рафаэля, оскорблял и избивал их три дня подряд, посыпая их раны солью. Затем Фиравун продал друзей на невольничьем рынке в Ускударе. Дервиш был продан торговцу из Ирака, который увёз его в Тебриз, а его друг, играющий на нее, был продан в Дамаск. Ненависть к Фиравуну омрачала жизнь несчастного дервиша на протяжении 2 лет. Та же ненависть и жажда убить жестокого Фиравуна привели дервиша из Тебриза обратно в Костантинию. Здесь рассказ дервиша прервал его слушатель Ибрахим-деде и поведал ему о дальнейшей судьбе жестокого садиста Фиравуна. Оказывается, он в конце концов раскаялся в совершённых преступлениях, вступил на путь духовных поисков и даже стал впоследствии шейхом того самого дервишеского ордена Мевлеви, в который теперь и пришёл дервиш. Фиравун получил обители дервишей ордена Мевлеви имя – святой Нувариф Бурсеви. Нувариф Бурсеви тихо скончался и был с почестями похоронен на кладбище «Сускунлар» [перевод с турецкого «сускунлар» – молчаливые], расположенном во внутреннем дворе обители ордена Мевлеви в Галате. Оказывается, именно в тот день, когда дервиш вошёл в Костантинию, и состоялись похороны Фиравуна/шейха Нувариф Бурсеви. В рассказе дервиша из Тебриза, который не имеет прямого отношения к семье музыкантов, наиболее отчётливо проявляется идея постмодернистской

ры: переход
стями дру
переходит
ждает пост
ской индив

В романе
замешая дру
мана. «Молч
обители дер
койников п
стирая тем
ем/тишиной.
всю свою ж
кальном инс

Централь
Его дед Кал
ли мальчика
Калыи Муса
дома, находя
сколько лет
ственный зву
тун в поисках
которая оказ
тинийе. Пови
гаясь в поис
ка с неприят
вому торгов
того в соболя
его зовёт, с п
ленивого ни
ру, который н
тогокого пала
дажанами и г
дочника, кото
нёню в Галат
ливого офице
посещающего
Эфлятун, из
дервишей Ме

И.О. Анар
него поверит
спасение.

«Шейх об
красной от кр
дервишам ост
растерянно. Э
ил этих людей
ка дервиша М

– Простит
Это вы сказал

ры: переходе противоположных начал друг в друга, замещения противоположностями друг друга, переворачивания бинарных оппозиций. То есть святой легко переходит в разряд убийц, а убийца становится святым дервишем. Что и подтверждает постфилософскую/постмодернистскую идею о незакреплённой человеческой индивидуальности.

В романе Анара стороны бинарной оппозиции постоянно меняются местами, замещая друг друга. Об этом свидетельствует прежде всего и само название романа. «Молчаливые» (тур. Suskular) является названием небольшого кладбища в обители дервишей ордена Мевлеви в Галате. Кладбищенское «молчание» покойников переносится писателем на жизнь семьи музыкантов/живых людей, стирая тем самым грань между жизнью и смертью, музыкой и молчанием/тишиной. Неслучайно самым талантливым музыкантом в романе становится всю свою жизнь молчаливый персонаж, не умеющий играть ни на одном музыкальном инструменте Эфлятун, второй внук барабанщика Калын Мусы.

Центральный персонаж романа, Эфлятун, с раннего детства убежал из дома. Его дед Калын Муса и его родной дядя Мухаййер Хусейн эфенди часто находили мальчика на кладбище у могилы его матери. Опасаясь за жизнь своего внука, Калын Муса попросту закрыл Эфлятун в одной из комнат на втором этаже их дома, находящегося в квартале Софуаййаш. В этой комнате мальчик провел несколько лет в полном молчании. Однажды Эфлятун вдруг начал слышать таинственный звук – не то голос, зовущий его, не то мелодию/дуновение неяс. Эфлятун в поисках источника этого таинственного звука выходит из своей комнаты, которая оказалась незапертой, и устремляется в путешествие по улицам Константины. Повинуясь странному голосу/звуку, Эфлятун выходит на улицу и, двигаясь в поиске источника этого звука, встречает на своем пути злого бакалейщика с неприятным лицом, который постоянно завидует своему соседу – приветливому торговцу, принимающему покупателей с улыбкой; высокомерного, раздетого в соболь (несмотря на жару) юношу, который на вопрос Эфлятун, не он ли его зовёт, с презрением отвечает, что он лучше бы позвал своих собак, чем его; ленивого нищего, преуспевающего в искусстве попрошайничества; мерзкого обжору, который не в состоянии уйти из харчевни; прохаживающихся по рынку жестокого палача и его помощника, держащего в одной руке корзину с луком, баклажанами и перцем, а в другой отрубленную человеческую голову; алчного лодочника, который перевёз бедного юношу через Золотой Рог из квартала Эминёво в Галату за серебряный амулет, подаренный Эфлятуну его дедом; похотливого офицера янычарского полка, считающего себя честным семьянином и посещающего при этом дом терпимости. После долгого пути по Константины Эфлятун, избитый и испуганный, в окровавленной рубашке, приходит в обитель дервишей Мевлеви, где его ждёт добрый приём.

И.О. Анар намеренно расставляет ловушки для читателя, заставляя последнего поверить в то, что обитель и шейх обители для Эфлятун – это благо, это спасение.

«Шейх обители Мевлеви, увидев босого Эфлятун, рубашка которого была красной от крови, капавшей к тому же и с его лица, поднял руку с требованием к дервишам остановиться. Некоторые из дервишей, прервав радение, выглядели растерянно. Эфлятун, которому стало стыдно от мысли о том, что он побеспокоил этих людей, смущённо обратился к шейху в чалме, обмотанной вокруг колпака дервиша Мевлеви:

– Простите меня, господин. Возможно, это ошибка, но это вы меня звали? Это вы сказали мне: “Приди”?

Шейх, оглядевший Эфлатуна с ног до головы, дал ему такой ответ:

– Мы те, кто говорит людям: “Приди”. Ты правильно сделал, что пришёл сюда.

Эфлатун, охваченный радостью, спросил шейха, который улыбался ему:

– Хорошо, а зачем вы позвали меня? Вы хотели меня о чём-то попросить, что-то приказать?

Шейх, глаза которого светились радостью, прежде, чем встать, поклонился, как того требовал порядок, и сказал: “Да. Нам нужно твоё чистое сердце. Есть те, кто приходят сюда и обретают душевный покой, а есть такие, кто приходят сюда и приносят нам душевный покой” [Анар 2007: 122–123].

Однако очень скоро становится ясно, что спасение Эфлатуна в обители происходит в весьма странной форме. Во-первых, сумасшедший юноша глохнет и немеет. Это происходит тогда когда Эфлатун, уединившись с шейхом Ибрахимом-деде в келье, впервые в жизни берёт в руки ней – ту самую флейту, на которой играет Нейзен Батын, и понимает, что звук нейя и есть тот таинственный звук, который он слышал на протяжении долгих лет. Каким-то чудесным образом юноша, который никогда не умел играть ни на одном музыкальном инструменте, сыграл на флейте сначала макамы раст, хюсейни, аджем, герданийе, а затем ту самую Божественную мелодию, которую «вдунул» в человека Создатель. После чего Эфлатун навсегда погружается в тишину и безмолвие. Во-вторых, теперь после выяснения его блестящих музыкальных способностей ему в обители грозит смертельная опасность, потому что карлик со своими людьми убивают всех лучших музыкантов города и в конечном итоге добирается и до него. Иными словами, спасение Эфлатуна оборачивается его гибелью, его погружением в пустоту и превращением в пустоту/симулякр.

Роман «Молчаливые» построен по рамочному принципу. Однако за счёт гиперперсонажной маски его рамочная конструкция несколько размыта. Нарушается и линейность повествования путём вкрапления в исторический дискурс (события в романе разворачиваются в период после правления султана Ахмеда I (1691–1695)) дискурса «необычайного» и таинственного. В «Молчаливых» на первый план выходит временная и пространственная неопределённость. Действие в романе, вызывающее сказочные аллюзии, разворачивается во времена правления вымышленного османского султана – Его Высочества Падишаха Верра-дрань, который правил в Османской империи когда-то после Ахмеда II. Любое событие в «Молчаливых» соотносится лишь с появлением в Константиинье Захира, сына Великого музыканта Нейзена Батына. В контексте пародийного цитирования в романе сюжетов из Евангелия (мессиянство Захира, воскресение Захиром Лазаря, Тайная Вечера и предательство Захира одним из его сподвижников, избивание толпой Захира, его арест и распятие) подобные временные отсылки коннотируют представление о христианском летоисчислении (до и после Рождества Христова), а сами персонажи – библейско-евангелистские образы Иисуса Христа и Святого Духа.

В то же время Захир и Нейзен Батын имеют в романе и другие коннотации. Имя «Захир» созвучно с именем библейско-коранического пророка Захрии/Закарии – отцом пророка Йахьи (библ. Иоанна Крестителя). Не случайно поэтому травестийная связь в «Молчаливых» Захира с банщиком Йяхьей, отмывающим Захира в бане после прихода последнего в Константиинье (постмодернистская перекодировка библейско-коранического предания о крещении Иисуса/Исы Иоанном Крестителем/Йяхьей в водах реки Иордан/или озера Тиверда). Имя «Нейзен Батын» аллюзивно отсылает не только к Святому Духу, но и

Господу Захира. И переводящейся на суфийском языке Батыне и оплакивая

Время и раньше время, в Священном Иса правлении ском ряду стороны, «Сращён приводит дах, и кот

В романе трагедия ведущих к Священ Богом на добных, I средств п Ибрахим ма¹¹, при дишах Ве Бога. Поч лем того менте Эфл торую Соз лятун ста опасность

Стремительный бы произведе он называ

¹¹ В Коране то монотеи рейской. Зв вает пророк ха», «благо к Ибрахиму мив «друг поду. В Ко «религии И лигии стали

Господу Богу, поскольку в романе неоднократно подчёркивается, что он – отец Захира. И поскольку в более широком смысле слово «нейзен», которое можно переводить и как «сокрытый», отсылает вообще к высшей сокрытой силе, творящей дольний мир. В именах Нейзен/Сокрытый и Захир/Явный присутствуют и суфийские коннотации (соотношение тайного и явного в суфизме). В Нейзен Батыне есть и намёк на Иблиса, который в суфийской притче, играя на флейте, оплакивает бренность мира.

Временная неопределённость усиливается к тому же приёмом, который уже и раньше неоднократно использовался писателем – сведением в одно и то же время, в одном и том же месте пророков разных исторических периодов и разных Священных писаний (Муса/Моисей, Давуд/Давид, Йахья/Иоанн Креститель, Иса/Иисус Христос и др.). Последнее помогает Анару сместить однонаправленность линейного исторического времени, представленного в пророческом ряду ведущих мировых религий, заставить его вектор двигаться в разные стороны, активизируя в памяти читателя бесконечное присутствие «дежа вю». «Сращённость» реально-исторического и нереально-таинственного в романе приводит к тому, что его герои оказываются в неких трансгрессивных переходах, в которых они никак не могут обрести себя, свою истинную сущность.

В романе «Молчаливые» над многочисленными цитатными слоями доминирует травестийная перекодировка сюжетов и образов из Священных Писаний ведущих монотеистических религий: иудаизма, христианства и ислама. Подходя к Священным Книгам как к проводникам догматической Истины, рождённой не Богом на небесах, а обычным человеческим разумом для подавления себе подобных, И.О. Анар обрушивается на Священные Писания со всей облоймой средств постмодернистской иронии и сарказма. Так, романтический персонаж шейх Ибрахим Деде, намекая на коранического Ибрахима и библейского Авраама¹¹, призван продемонстрировать, что в городе, где правит Его Высочество Падшах Вера-Дрян, всех подданных, даже святых шейхов, отличает неверие в Бога Почтенного шейха ордена Мевлеви Ибрахима-Деде, явившегося свидетелем того чуда, когда не игравший никогда ни на одном музыкальном инструменте Эфлятун сыграл на деревянном нее ту самую Божественную мелодию, которую Создатель «вдунул» во всё сущее, охватил страх – ведь теперь, когда Эфлятун стал лучшим музыкантом среди всех, ему может грозить смертельная опасность в городе, где продолжают жуткие убийства лучших музыкантов.

Стремясь уберечь Эфлятуну от грозящей ему опасности, Ибрахим Деде, который был и прекрасным музыкантом, и собирателем рукописей музыкальных произведений выдающихся музыкантов города, решает отказаться от того, что он называл «своим автографом» – играя на нее, он всегда допускал какую-либо

¹¹ В Коране встречается немало упоминаний имени Ибрахима как основателя истинного монотеизма и прародителя целого поколения пророков как арабской ветви, так и еврейской. Здесь Ибрахим предстаёт как установитель религии Аллаха. Коран часто называет пророка Ибрахима «ханифом», что означает «истинно верующий в единого Аллаха», «благочестивый человек, исповедующий правильное единобожие». Применительно к Ибрахиму в Писании употреблён ставший впоследствии устойчивым прозвищем термин «друг Аллаха», потому что пророк усердствовал в повиновении и поклонении Господу. В Коране неоднократно говорится об истинном, изначальном монотеизме как о «религии Ибрахима». Ибрахим был первым, кто предался Богу, а последователей его религии стали называть ханифатами и мусульманами [см.: Гайнутдинова 2009: 145, 158].

ошибку, маркируя своё присутствие в «музыкальном пространстве» своеобразными музыкальными промахами.

«Когда Ибрахим Деде брал в руки свой ней, прикладывался к нему губами, все, кто находился в обители радовались, а при первых звуках ней их охватывало вдохновение и они пьянели от нахлынувших чувств. Но, к сожалению, этот шейх, играя на нее, сознательно допускал обязательно какую-нибудь ошибку – сыграет либо слишком высоко, либо слишком низко, либо нарушит музыкальный размер. Тем, кто говорил ему: «Святой шейх, вы сыграли чересчур резко!» или «Похоже, во второй части вступления вы нарушили размер!», он отвечал следующим образом: «Эта небрежность – мой автограф» [Анар 2007: 140–141]. Теперь, демонстрируя безупречную игру на нее, Ибрахим Деде добивается того, что слава о нём как о великом музыканте распространяется по всему Константинолю. И он, вместо Эфлятуна, становится следующей жертвой жестоких убийств (травестия библейско-коранических сюжетов об истинно верующем в единого Бога Ибрахиме/Аврааме).

Следует отметить, что дискредитация образов священных пророков в романе занимает особое место в деконструкции библейско-коранического дискурса – основной повествовательной стратегии писателя. Образы пророков обыгрываются, наполняются совершенно непривычным, негативным содержанием, что особенно проявляется в отце странного семейства музыкантов Калын Мусе – барабанщике янычарского оркестра Хызыр-паша. Анаровский Муса, коннотирующий представление об одной из центральной фигур пророческого ряда, чьё значение в библейско-коранической истории сопоставимо лишь с Иисусом и Мухаммедом, является воплощением многих человеческих пороков – жадности, жестокости, сквернословия, обмана и нечистоты на руку. Другой романский персонаж Захир-эфенди сын Нейзена Батьяна, претендующий на роль Мессии, также обнаруживает свою полную несостоятельность. Его проповеди, облечённые в форму бессмысленных песен, и «мудеса», которые он совершает, носят травестийный характер.

Цитатная сущность романа Ихсана Анара не позволяет забывать, что перед нами не жизнь, а постмодернистский дискурс, в котором всё к чему-либо отсылает, уводит в разные стороны, не даёт возможности утвердиться в однозначности. Так, одним из ключевых персонажей романа является Рафазль. Народ называет его то «похоронщиком Рафазлем», то «аптекарем», то «алхимиком». Он не способен поставить ни одного правильного диагноза, кроме смерти, в связи с чем все больные у него умирают. В персонаже Рафазля И.О. Анар пародийно обыгрывает архангела-целителя Рафаила (бука. «помощник, исцеление Божие» или «Бог исцелит»), который почитается христианской Церковью как покровитель врачей. Архангел Рафаил – один из семи архангелов, предстоящих перед Престолом Всевышнего.

В постмодернистской парадигме писателя Рафазль/Рафаил из целителя превращается в свою противоположность – в губителя людских душ, в лжелекаря, не способного никого вылечить. Однако в лжелекаре Рафазле можно усмотреть и другие коннотативные значения. Анаровский Рафазль «работающий» над познанием человеческого тела с помощью «врачебных» опытов, аллюзивен на великого художника эпохи Возрождения Рафазля Санги, также посвятившего всю свою жизнь изучению духовной и физической гармонии человеческого тела и прославлению земного бытия человека, что нашло выражение в росписях станц Ватиканского дворца.

Травест Анар делае фазль из р чёске. Всё, та его креи держанием покосивше на все оши должнае стс

В этом ря, который держится и лечит. Нао зультате оп кишечником любознатели шелька, заш Лазарь долж Рафазля при пороге дома стианского с

Таким об писателя, пр ликой, всег камн/симуля целостность держанием, а

Следует писателем-пс коранически постфилософ казывает, что

Гайнутди
книга». 2009.

Ильин И.Л.
Инграда, 199

Карева О.
радиуме Ихс
3.

Карен Аге
Репенкова
– М.: Вост. л
Репенкова
Октяя Анара
Скоротан
новый язык.

странстве» своеобраз-

ывался к нему губами, в
ках неа их охватывало
ю, к сожалению, этот
кую-нибудь ошибку –
бо нарушит музыкаль-
стали чересчур резко!»
размер!», он отвечал
[Анар 2007: 140–141].

Деде добивается того,
ся по всему Константи-
ртовой жестоких убийц
о верующем в единого

ных пророков в романе
нического дискурса –
а пророков обыгрыва-
ным содержанием, что
нтов Калын Мусе – ба-
ский Муса, конноти-
пророческого ряда, чьё
имо лишь с Иисусом и
их пороков – жадности,
Другой романый пер-
на роль Мессии, также
поведи, облечённые в
першаает, носят траве-

ет забывать, что перед
всё к чему-либо отсы-
рдиться в однознач-
Рафаэль. Народ назы-
о «алхимиком». Он не
оме смерти, в связи с
И.О. Анар пародийно
нк, исцеление Божие»
ерковью как покрови-
на, предстоящих пере-

фант из целителя пре-
ких душ, в джелекаря,
азле можно усмотреть
«работающий» над по-
пов, аллюзивен на ве-
ске посвятившего всю
человеческого тела и
зние в росписях станц

Травестийно снижая образ гения Рафаэля, дружившего с кардиналами, И.О. Анар делает его грязным, неухоженным типом, «спутавшимся с джиннами». Рафаэль из романа «Молчаливые» уделяет внимание исключительно своей причёске. Всё, что ниже головы, а именно тело Рафаэля, не моется годами с момента его крещения. Он режет тела горожан-музыкантов на части, интересуясь содержанием внутренностей, но не знает, как их зашить. Он живёт в «проклятом, покосившемся доме» (самом отаратительном месте города), который «несмотря на все ошибки в архитектурных расчётах, вопреки всем законам природы продолжает стоять».

В этом «проклятом доме» Рафаэль принимается «лечить» несчастного Лазаря, который на свою беду соглашается проводить Тагута к «лекарю». У Тагута держится и не спадает высокая температура. Но Рафаэль даже и не пытается его лечить. Наоборот, он устремил свои анатомические изыскания на Лазаря. В результате операций Рафаэля Лазарь остался с ополовиненным в прямом смысле кишечником, разрезанными печенью, желчным пузырём и желудком. Мало того, лобозательный хирург решил использовать желудок Лазаря в качестве кошелка, зашив в него 1030 египетских золотых. Казалось, после таких операций Лазарь должен был бы давно скончаться, но он живым-живёхонек. Когда к дому Рафаэля приходит Захир со своими друзьями и кричит: «Лазарь, выходи!», на пороге дома появляется румяный и весёлый Лазарь (травестия знаменитого христианского сюжета о воскрешении Иисусом Христом Лазаря).

Таким образом, роман «Молчаливые» реализует постмодернистские взгляды писателя, представляя мир как текст/нарратив. Истину множественной и многоликой, всегда оборачивающейся своей противоположностью, а творец обманками/симулякрами. Писатель «рассказывая» музыку, разрушает её гармонию, целостность и завершенность, наполняет турецкий макам не музыкальным содержанием, а постфилософским/постмодернистским.

Следует отметить, что Ихсан Октай Анар является единственным турецким писателем-постмодернистом, который столь интенсивно использует библейско-коранические сюжеты для их травестийной перекодировки, так как согласно постфилософским идеям любое монотеистическое учение заводит в тупик и показывает, что вера в единую истину является рациональной и несёт в себе зло.

ЛИТЕРАТУРА

- Гайнутдинова А.Р. Истории пророков в Коране. – М.: Изд-во «Исламская книга», 2009.
- Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996.
- Карева О.В. Травестия архетипической целостности в постмодернистской парадигме Ихсана Октай Анара // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 2011. № 3.
- Карен Агегли. Страсть, замкнутая в сфере // www.sufism.ru/music/read07.htm
- Репенкова М.М. Вращающиеся зеркала. Постмодернизм в литературе Турции. – М.: Вост. лит., 2010.
- Репенкова М.М. Религиозный дискурс в постмодернистском романе Ихсана Октай Анара // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 2010. № 4.
- Скоротанова И.С. Русская постмодернистская литература. Новая философия, новый язык. – СПб, 2001.

Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. – М: Флинта, Наука, 2007.

Тяценок С.В. Основные мотивы интерпретации *Ин* // Канонические Евангелия. – М: Наука, 1993.

Anar I.O. Suskunlar. – Istanbul: İletişim, 2007;
Notos Öykü. Sayı 30, Ekim-Kasım, 2011, ss. 19-56.

**Kareva Ol'ga. İHSAN OKTAY ANAR'S «MUSICAL»
ROMAN «THOSE WHO ARE SILENT»**

Summary. With a postmodern novel by İhsan Oktay Anar "The Silent" (2007) the article deliberates on the literary devices of travesty, "breaking" Biblical-Quranic frameworks, its replacement with hyper-personality mask which is innovative artistic device fitting into rhizomatic structure of the novel. The main statement of the article is that the primary means of the religious discourse deconstruction used by İO Anar is discreditation which involves filling the saints and prophets characters composing the core of the Sacred History in each of the three religious traditions with unusual negative content. The prophets belonging to different periods and different Holy Scriptures are placed by the author at one place at one time which shifts the linear vector of Time making the time go not straight forward but turn around in circles provoking "déjà vu" effect in readers' memory.

Key words: turkish narrative post-modernism, textualization of the world, discourse, hyper-personality mask, deconstruction

Сведения об авторе: Карева Ольга Викторовна, доцент кафедры теоретической филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: kov_60@mail.ru

***

Резюме
литературы, который не зировал в о новые для ключевых с из главных
Ключевые
стмодерниз ка, «Сад ум

Литерат гих других пично евро эксперимен рецковязьек абсолютно романа мас куую почву. вида роман например, с купности н ского роман XXI ва. бог менную евр ге Карасу.

Бильге Е тель, филос отделение следние год жет-тепе. Х ваяние иде под власти с выбор, – ид новная част манере.

Книга «б дет речь в н Рядовой чит перевод, в к

«УСКОЛЬЗАЮЩАЯ КРАСОТА» СКАЗОК БИЛЬГЕ КАРАСУ

А.С. Акрушина, г. Санкт-Петербург

Резюме. Данная статья посвящена творчеству культовой фигуры турецкой литературы XX в., писателю, философу, публицисту Бильге Карасу. Писатель, который не раз объявлял себя любителем и учеником Фолкнера, умело синтезировал в своих произведениях традиции классической восточной литературы и новые для своего времени европейские веяния, став в результате одной из ключевых фигур турецкого постмодернизма. Данная статья рассматривает одно из главных произведений Б. Карасу, роман-сказку «Сад умерших котов».

Ключевые слова: Бильге Карасу, Уильям Фолкнер, экзистенциализм, постмодернизм, турецкий роман, классическая литература мусульманского Востока, «Сад умерших котов», герой-двойник

Литература Турции, развивающаяся более самообытно, чем литературы многих других ближневосточных мусульманских стран, еще в XIX в. присвоив типично европейский жанр романа и освоив его, в наши дни не перестает с ним экспериментировать. Начиная с появления в 1876 г. первого авантюриного турецкоязычного романа Намыка Кемала «Приключения Али-бея», написанного абсолютно по-европейски, пусть и на османском языке, традиции европейского романа мастерски копировались, точнее, мастерски адаптировались на турецкую почву. Хотя в Турции не возникло ни одного нового, типично турецкого вида романа (что наблюдается в современной эстрадной турецкой музыке, где, например, синтез анатолийских песнопений и европейского рока дал в совокупности новый самообытный жанр «анатолийский рок»), адаптации европейского романтизма, реализма, модернизма и постмодернизма принесли в XX и XXI вв. богатые плоды. Одним из наиболее самообытно воспринявших современную европейскую литературу писателей является турецкий романист Бильге Карасу.

Бильге Карасу (1930–1995) – культовая фигура турецкой литературы, писатель, философ, публицист [Репенкова 2010: 188]. Он закончил философское отделение филологического факультета Стамбульского университета, а в последние годы жизни преподавал философию в анкарском университете Хаджет-тепе. Хотя в ранних произведениях Бильге Карасу отчетливо читалось влияние идей экзистенциализма – невозможность для человека вырваться из-под власти слепой силы случая, роковых обстоятельств и совершить свободный выбор, – идей, в целом, не новых для литератур мусульманского Востока – основная часть произведений Б. Карасу исполнена в яркой постмодернистской манере.

Книга «Сад умерших котов» (*Gözmüş Kediler Bahçesi*, 1979), о которой пойдет речь в настоящей статье, была переведена в России в 2010 г. [Карасу 2010]. Рядовой читатель, особенно читатель-иностранец, получающий литературный перевод, в котором по объективным причинам ускользает некоторые языковые

прелести и детали, либо безоговорочно принимает Карасу, либо безоговорочно отвергает, и российская судьба книги складывалась неоднозначно, несмотря на появление серии положительных рецензий.¹ Однако чем дальше в прошлое уходит творчество Б. Карасу, тем яснее видна уникальность положения писателя в контексте как турецкой литературы XX в., так и литературы мировой. «Сад умерших котов» (1980) – пожалуй, самое уникальное произведение писателя.

Сюжет «Сада умерших котов», романа-притчи, романа-сказки, и необычен, и традиционен одновременно. Роман, как поясняет в заключении сам автор, состоит из сказок-притч, содержание которых позволяет располагать их по принципу циферблата. Циферблат как бы состоит из этих сказок, которые начинают рассказывать в час дня, а заканчивают в полночь – в полночь будто бы кончается волшебство, «обрывается последняя сказка» [Karasu 2006: 211]. По мере того как стрелки часов движутся к вечеру, мрачней и сказки, зато, когда близится полночь, начало нового дня, сказки тоже становятся светлее, наполняются светом и надеждой. Объединяет все сказки обрамляющая новелла, которая и составляет главный сюжет романа, правда, с трагическим финалом. Эта сказка о писателе и его загадочном двойнике, и главные герои этой сказки в финале меняются местами так, что трудно разобрать, кто есть кто. Как и во многих других романах Б. Карасу, например, в романе «Проводник» (Kıyuz, 1991), действие главной, обрамляющей новеллы, происходит в одном из маленьких городков на побережье Средиземного моря. Вследствие многочисленных разрозненных деталей (например, город знаменит старинной сладостью – колечками, похожими, как отмечает автор, по вкусу на лукум и на пахлаву) совершенно невозможно понять, где находится городок – в Турции или в Европе. Впрочем, понять это хочется только в начале романа, а затем становится ясно, что это невозможно, так как Средиземное море в романе – часть вымысла, совсем как штат Миссисипи у Фолкнера («Yoknapatawpha County, located in northwestern Mississippi with its seat the town of Jefferson»). Кстати, Уильям Фолкер, будучи одним из любимых авторов Бильге Карасу, оказал влияние на многие его произведения, и ниже мы еще не раз упомянем об этих параллелях.

В городе существует старинная средневековая игра. Раз в десять лет жители собираются у дворца градоправителя, чтобы поиграть в шахматы, фигурами в которых являются живые люди. Одна команда составляется из местных жителей (Лиловые), а вторая – из чужаков-приезжих, бывших лесных скитальцев (Зеленые). Писатель случайно приезжает в этот городок, но ему тоже предстоит участвовать в этой игре. Выясняется, что игра не всегда была безобидным развлечением: в древности проигравших или плененных убивали, а если проигрывали хозяева, им приходилось уступить город пришельцам, а самим переселиться в леса.

Как уже упоминалось выше, главный герой романа, писатель, и его двойник в финале меняются местами. В начале романа писатель сообщает, что он – лишь приезжий (не иностранец), говорит с жителями на одном языке, только его выговор отличается от выговора обитателей города. В финале романа внезапно выясняется, что говорит он с окружающими на иностранном языке, причем настолько хорошо, что его принимают за своего, при этом в игре он участвует на стороне местных жителей, пешкой в команде Лиловых. В начале романа встречается эпизод, где автор гадает над турецким переводом одной фразы, однако само упоми-

¹ См., напр., <http://krupaspb.ru/piterbook/recenzii.html?nn=991#.UEJXdnuH0zIw>, доступ: 04.09.2012, 13:03.

наше тур
ка, шутка
воздейств
Таинств
(немец, а
незнаком
фигуры –
герои гово
как остав
переведен

Проза
арабо-пере
литература
ской литер
ным полот
увлечении
и сам авто
untiliverdig
имеет значи
делать то-т
– «А как э
новый рас
талкивает
высказывае
водник», от
пародийная
вализация с

Кроме с
рассказы о
о премудро
у Карасу. «
ламандра»,
ные мотивы
рассвет дар
рассказыва
рует надеж
только оди
была съедоб
вание, созд

Несмотр
романе Кар
вне времени
том самом м
ние. Мотив
появившего
ведении Дю
го проблема
музы, любви
романе «Сад
романов, то с

 pdfelement

вание турецкого языка в таком контексте воспринимается как намеренная ошибка, шутка, пародия. Загадочный двойник писателя – прекрасный незнакомец, под воздействием которого тот совершает ряд роковых поступков, ведущих к гибели. Таинственный человек тоже на первый взгляд чужеземец, приехавший, северинин (немец, австриец, скандинав? – гадает автор), однако вскоре становится ясно, что незнакомец вовсе не чужой в городке, хотя в игре получает роль ферзя – главной фигуры – в команде лесных скитальцев, Зеленых. В тексте мелькает намек, что герои говорят друг с другом по-английски. Но автор тут же сбивает читателя, так как оставляет единственную английскую фразу, произнесенную двойником, непереведенной, инородной в тексте.

Прозаическая композиция романа, – с обрамляющей новеллой, – типична для арабо-персидской мусульманской литературы, однако заимствована она была литературами мусульманских стран Востока из древнеиранской и древнеиндийской литератур. Вязь сказок в романе «Сад умерших котов» тянется непрерывным полотном, напоминая знаменитый цикл сказок «Тысяча и одной ночи». Об увлечении восточной формой, когда история развивается одна из другой, говорит и сам автор в заключительной части «Там, где рвется и сказка» (Masalıp da uylüiverdigi yer). Однако в «Сказках тысяча и одной ночи» обрамляющая новелла имеет зачин, когда, например, рассказчик-моралист объявляет: «Ты не должен делать то-то и то-то, иначе с тобой случится то, что случилось с тем-то и тем-то». – «А как это было?» – обычно спрашивает собеседник, после чего начинается новый рассказ-притча. В «Саду умерших котов» подобных зачинов нет, что наталкивает на подозрения о задуманной автором пародии. Подобную же мысль высказывает и М.М. Репенкова, которая, исследуя роман того же автора «Проводник», отмечает, что творчеству Б. Карасу в целом свойственна пародийность, пародийная подача материала, игра с авторской маской и театризация, карнаваллизация образов и сюжетных линий [Репенкова 2010: 195–197].

Кроме обрамления к индийскому слогу «Тысячи и одной ночи» относятся рассказы о благочестивых и святых людях, сказки о животных, цикл рассказов о премудром Синдбаде и женском коварстве. Похожие мотивы мы встречаем и у Карасу. «Похвала храброму ежику», «Дервиш из Средневековья», «Алая саламандра», «Человек в пещере» – все эти притчи несут в себе все перечисленные мотивы. Однако Шахразада рассказывала свои сказки ночью до рассвета, и рассвет дарит ей надежду на жизнь, а в «Саду умерших котов», которые также рассказываются вечером и ночью, сама последовательность сказок символизирует надежду. Сам автор напоследок замечает: «За всю свою жизнь я видел только один случай, когда оптимизм волшебной сказки, ее близость к мечтам была съедобна и удобоварима» [Karasu 2006: 215], чем как бы рушит все очарование, создавая еще один намек на пародию.

Несмотря на явную связь с часами, с циферблатом и со временем, время в романе Карасу представляет собой некую метакатегорию. Все сказки как бы вне времени, они существуют над временем и над пространством, вероятно, в том самом мгновении, где времени нет – когда стрелка часов совершает движение. Мотив романа в целом напоминает мотивы знаменитого западного романа, появившегося лишь два года спустя после «Котов»: речь идет о великом произведении Джона Фаулза «Мантисса» (John Fowles. Mantissa, 1982), посвященном проблемам творчества, жанру романа, взаимоотношениям художника и его музы, любящего и возлюбленного. Именно эти вопросы являются главными в романе «Сад умерших котов». И если бы не различие в датах создания обоих романов, то едва ли пришлось бы говорить о случайном совпадении идей.

Говоря о творчестве Карасу, невозможно не упомянуть о творчестве Уильяма Фолкнера, одного из любимейших писателей Карасу, оказавшего на него огромное влияние. Мелодический прием, использованный автором в «Саду умерших котлов», был применен Фолкнером в «Шуме и ярости», ведь при чтении романа важны не столько слова знаменитого монолога шекспировского «Макбета» – монолога о бессмысленности бытия («Жизнь – это история, рассказанная идиотом, наполненная шумом и яростью и не значащая ничего», – акт 5, сцена 5), сколько мелодия текста. Однако если фолкнеровский текст ритмичен и мелодичен в той степени, в какой может быть ритмична и мелодична какофония, дисгармония, вызванная пустотой бытия и яростью от бессилия, отрицающей современное, постмодернистское сознание человека без бога, без веры, лицом к лицу с миром, который представляется, по выражению Т.С. Элиота «гигантской панорамой тицеты и анархии» (цит. по: Палиевская 1989: 279), то постмодернистский текст Карасу ритмичен и мелодичен настолько, насколько может быть мелодична прекрасная музыка, заставляющая напрочь забыть о реальном мире. Может быть, столь же чарующим было пение дельфинов, услышав которое моряки теряли ориентир и разбивались о скалы. Столь же губительной оказывается для главного героя чрезмерно прекрасная мелодия сказки: сознавая опасность, он все же поддается сказке, что приводит его к трагическому финалу.

Отношение Карасу ко времени является абсолютно фолкнеровским. Стремясь составить истинную картину протекшего, Фолкнер вводит по несколько рассказчиков: в «Шуме и ярости» их четыре и, соответственно, четыре взгляда на жизнь, а в романе «Когда я умираю» (As I Lay Dying, 1930) их уже пятнадцать. Однако Фолкнеру этого оказывается мало и чтобы охватить сложность жизни, в каждом мгновении жизни героя, он стремится выразить не только сиюминутность, но и прошлое, и даже будущее. У Карасу этот прием применяется более сложно: в сказках действие передается не глазами разных героев, а как бы с разных точек пространства и из разных состояний пространства и времени: «*Bizlerse, uydurduğumuz bir zamanla övünürken, her işimizi, her sözümüzü o zamanın akışı içinde ötede, ileride, gelecekte varılacak, bir noktaya varmak üzere yapıyoruz yada söyleniyor görürken, yapmakta, söylemekte olduğumuz şeyi unutmuyoruz. Bir ereğe yönelerek, bir erek düşünce kapılarak giderken, sonraları – biz göçtüğümüzden sonra – yaşamımız, daha da ileri vararak, yazgımız adı verilecek bir dizi anın her birinin biricikliği, değişimezliğini, yerine konmazlığını şuncacık olsun farketmiyoruz. (Bu yaşamın bölük pörçük birkaç anısı bir iki yakınımızın belleğinde kalabilir ya bunların bir süreklilik, bir anlamlılık taşıması olabileceklerini bilebilecek tek kişi – kendimiz – yokluğa karışmış gitmiştir artık)*» – «...мы, хвастаясь временем, которое сами придумали, и, глядя, как каждое наше дело, каждое наше слово делается или говорится для того, чтобы попасть в будущее, чтобы достичь определенной точки впереди, вне времени, мы тут же забываем, что делаем сейчас и о чем сейчас говорим. Направляясь к определенной цели, мечтая о ней, мы никогда не замечаем, что каждое из мгновений в цепочке, называемой жизнью, а впоследствии, когда мы уходим из этого мира судьбой, – единственно, неизменно и незаменимо. (Несколько обрывочных воспоминаний о нашей жизни может: сохраниться в памяти пары-тройки наших знакомых, но единственный человек, который знает, что они были последовательно и нести смысл – мы сами – уже ушли в небытие)» [Karasu 2006: 213]. Для Фолкнера человек – порождение собственного прошлого, о чем он не раз пишет «...Прошлое фактически не существует как некое «было», оно перешло в «есть»

Прошлое предки момент. ляет со 280]

Разве включит герой со менным Хамди Т стройки перед во ше, как Османсис мана Б. I преподав

Пруст решкой л «Новая д вить, даж у Танпын в медлен перемен нежеди со

«Уско ми, част Это – ска прерываю иногда – р они напис ние. Несм выстроен, ге Карасу, биография умерших в теля «Сад тановить г 2006: 12].

В ком движения- татель, кот личные пр останавлен ле обонх п упорядочен рядку был умерших в дальше, но как есть. Х своей роман

Прошлое – в каждом мужчине, в каждой женщине, в каждом моменте. Все предки человека, все его окружение присутствуют в нем в каждый отдельный момент. И потому человек, герой в повествовании в любой момент действия является собой все то, что сделало его именно таким» [Цит. по: Палневская 1989: 280].

Развернутые предложения и Фолкнера, и Карасу в этом смысле – попытка включить все прошлое, а, возможно, и будущее, в тот единичный момент, когда герой совершает действие. В теме времени, теме часов, в экспериментах с временным планом у Бильге Карасу чувствуется отсылка к творчеству Ахмеда Хамди Танпынара, который в романах «Покой» и особенно «Институт настройки часов» экспериментируя со временем, ставит своих героев и читателя перед вопросом, перед необходимостью выбора: какое время, какая эпоха лучше, какая Турция – настоящая, современная, европеизированная, либо великая Османская. Явной отсылкой к роману «Покой» Танпынара являются герои романа Б. Карасу «Проводник» – Ихсан-бей и Мюмтаз-бей, у Танпынара – оба преподаватели, ученые, историки [Репенкова 2010: 198].

Прустовская тема «В поисках утраченного времени» в целом важна для турецкой литературы XX в. В творчестве Орхана Памука, в частности, в романе «Новая жизнь», тема часов, тема времени, ход которого невозможно остановить, даже если собирать, как главный герой, часы разных марок, так же, как и у Танпынара, является аллегорической иллюстрацией процесса, происходящего в медленно, но верно меняющей уклад стране. При сходе деталей, процесс перемен у Б.Карасу носит, скорее, глубоко личностный, более прустовский, нежели социальный, чеховский характер.

«Ускользящие сказки» Карасу в какой-то степени кажутся незаконченными, часто у них нет начала, середины или определенного и привычного конца. Это – сказки-пробы, сказки-наброски, сказки-черновики. Часто эти наброски прерываются, «перебиваются» друг друга, иногда они представлены списком, иногда – разным шрифтом, иногда – разным форматом на странице. В том, как они написаны, составлены, также, вероятно, чувствуется фолкнеровское влияние. Несмотря на какофонию голосов, «Шум и ярость» Фолкнера тщательно выстроен, в нем продумано каждое слово, каждая запятая, как и в романе Бильге Карасу, который на первый взгляд романом не кажется, и в многочисленных биографиях и работах, посвященных творчеству Б. Карасу романом «Сад умерших котов» никогда никто не называет. Как и в романе Фолкнера, у читателя «Сада умерших котов» первостепенная задача состоит не в том, чтобы установить последовательность событий, либо узреть какую-либо цель [Делазари 2006: 12].

В композиции романа «Сад умерших котов» заложена идея непрерывного движения – непрерывного хода времени. Сказки следуют одна за другой, и читатель, которому на пути, как и фолкнеровскому читателю, встречаются различные препятствия и ситуации, должен помнить, что нельзя нигде и ни на чем останавливаться. Тема движения весьма схожим образом раскрывается в финале обоих произведений: в «Шуме и ярости» ближе к финалу ощущается больше упорядоченности, однако в финальной сцене оказывается, что движение к порядку было иллюзорным. Подобная же ситуация происходит и в финале «Сада умерших котов»: казалось бы, прошла ночь, наступил день, нужно двигаться дальше, но автор как бы напоминает нам: ничто не изменилось, все осталось, как есть. Характерная деталь: Фолкнер всю жизнь называл себя неудачником, свой роман «Шум и Ярость» называл своей самой блестящей неудачей, а если

кто-то принимался назойливо расспрашивать его о писательстве, часто отвечал: «Я, в общем-то, не писатель, а простой фермер». Такой же мотив проскальзывает и у Карасу, и в заключительной части романа, где читатель с удовольствием вкушает авторские выводы и наблюдения, насколько они вообще возможны в таком произведении, он неожиданно замечает: «*Yazamı boyunca ufak tefek bir iki şeye becerebilmiş, buna karşılık, en önemli sandığı işlerden birinde başarısızlıktan başarısızlığa gitmekten başka bir şey yapamamış bir yazar, bir peri masalı yazmağa niye özenmesin?*» – «Почему бы писателю, которому и удалась-то в жизни пара-тройка мелочей, который только и смог, что перескакивать от неуспеха к успеху в деле, которое считал самым важным для себя, – почему бы такому писателю не написать волшебную сказку?» [Karasu 2006: 219]

Отдельного внимания заслуживает название романа. В монографии М.М. Репенковой название книги «*Göçmüş kediler bahçesi*» было переведено как «Сад сбежавших кошек». Однако нам представляется, что подобный вариант перевода грешит буквализмом. Согласно словарю А.Н. Баскакова, глагол *göçmek* может переводиться как: 1) переселиться, перекочевывать; 2) мигрировать, перемещаться; 3) обрушиваться, разрушаться; 4) переселиться в мир иной, скончаться, умереть. Слово *göçme* обыгрывается на протяжении всего романа, при этом, как представляется переводчику данного романа и автору настоящей статьи, обыгрывается два значения: 1) переселиться – мигрировать – бродить и 2) переселиться в мир иной, умирать. В тексте это слово впервые употребляется уже на десятой странице: «*Göçmüşler Bahçesinde Bir Yazlık Sevi*». В русском переводе эта фраза была передана нами как «Летняя страсть в Саду Бродячих Котов», что явилось со стороны переводчика стремлением подчеркнуть «кошачью» тему, хотя эту фразу вполне можно переводить как «Летняя страсть в саду усопших», что и было первоначальным нашим вариантом. При дальнейшем чтении текста при переводе этого слова нам представилось верным выбрать тему смерти, переселения в мир иной, и последующие упоминания этого слова в турецком тексте подтверждает правильность этого выбора. На стр. 56 речь идет о средневековой игре в шахматы, где вместо фигур играли люди, переходя из клетки в клетку, как фигуры при шахматной игре, однако, согласно первоначальным правилам этой старинной игры, пленных и проигравших убивали. В данном месте эта игра называется *göçme oyunu*, что было переведено сначала как «игра в переход», «игра в умирание», однако в редакции был оставлен вариант «игра в бродячих котом». В турецком тексте на стр. 129 описывается появление в кульминационный, определяющий момент игры бродячего уличного кота, и на страницах 156–157 автор сам подводит итог всем возможным значениям этого слова: «*Göçme oyunu sözünü o da açıklamamıştı ama Göçme oyunu oynadığı bahçeye Göçmüşler Bahçesi adını bilerek verebilirdim ama o sözü, daha hiçbir şey bilmezken uydurmuştum. Sonra başka bir şey geldi usuma o ara. Burası göçmüşlerin bahçesi değildi, göçecek kedilerin çekilip gözden irak ölmeğe baktıkları yeriydi herhalde bu kentin; Göçmüş Kediler Bahçesiydi bu*» – «Он так и не объяснил мне, что означает название «игра в бродячих котом». Сад, где проводилась игра, можно было бы назвать «Садом бродячих котом», но я придумал это выражение гораздо раньше, еще ни о чем не зная. А потом меня осенило. Мы не в саду бродячих котом. Мы в городе, куда бродячие коты приходят умирать – подальше от глаз. Здесь «Сад умерших котом». На этой же странице вновь упоминается бродячий кот: «*Ağaçların arasına dönmeden önce bacaklarını sürünen kediyeye bile bakamadım. Kedi geçti gitti. Açtı, yorgundu belki. Ölmüşü şimdiki. Göçmüştür bu bahçede.*» – «Я даже не смотрел на кота, который терся мне

об ноги. По
А может ст
В пос
жизни и с
рать». «Biz
zamanın ak
yapılıyor y
imtuveriyom
biz göçtükte
dizi anın he
olsun farket
belleğinde k
hilebilecek t
льсь време
наше слово
достичь опр
делаем сейч
тая о ней, м
вваемой жи
единственно
о нашей жи
единственн
нести смыс
через некото
брасывается
безымянного
бродячему к
В целом,
писателя, кот
бителем кош
с темой само
рассуждения
котом», и в не
о единственн
ных ни на с
benzeyebileydi
lyicene farkını
oradan uzaklı
gün seyrettikle
katılınabildiği
kalkmağa işe
katındalarsa.
övünürken, her
varılacak bir
söylemekte ola
sevdiğimizizi
В последние г
мин, в котором
отвлечь и заст
дело в знакоме

об ноги. Потом опять ушел к своему тополи. Кот был голоден. А может, устал. А может статься, бродяга-кот уже умер? Вероятно, умер. В этом саду».

В последней главе, которая является итогом всей книги, автор, рассуждая о жизни и смерти, вновь употребляет тот же глагол *göçmek* в значении «умирать». «*Bizlerse, uydurduğumuz bir zamanla övünürken, her işimizi, her sözümüzü o zamanın akışı içinde ötede, ileride, gelecekte varılacak, bir noktaya varmak üzere yapıyor yada söyleniyor görürken, yapmakta, söylemekte olduğumuz şeyi unutup veriyoruz. Bir ereğe yönelerek, bir erek düşünce kapılarak giderken, sonraları – biz göçtüğümüzden sonra – yaşamımız, daha da ileri vararak, yazgımız adı verilecek bir dizi annin her birinin biricikliğini, değiştiremezliğini, yerine konmazlığını şuncacık olsun farketmiyoruz. (Bu yaşamın bölük pörçük birkaç anısı bir iki yakınımızın belleğinde kalabilir yay bunların bir süreklilik, bir anlamlılık taşıması olabileceklerini bilebilecek tek kişi – kendimiz – yokluğa karışmış gülmüştür artık)*» – «...мы, хвастаясь временем, которое сами придумали, и, глядя, как каждое наше дело, каждое наше слово делается или говорится для того, чтобы попасть в будущее, чтобы достичь определенной точки впереди, вне времени, мы тут же забываем, что делаем сейчас и о чем сейчас говорим. Направляясь к определенной цели, мечтая о ней, мы никогда не замечаем, что каждое из мгновений в цепочке, называемой жизнью, а впоследствии, когда мы уходим из этого мира, судьбой, – единственно, неизменно и незаменимо. (Несколько обрывочных воспоминаний о нашей жизни может сохраниться в памяти пары-тройки наших знакомых, но единственный человек, который знает, что они были последовательностью и нести смысл – мы сами – уже ушли в небытие)» Главный герой и сам погибает через некоторое время в том же саду, когда на него, за поражение в игре, набрасывается яростная толпа, и читателю непременно хочется утешить его, безмянного странника, случайно попавшего в этот старинный сад, тому же бродячему коту.

В целом, «кошачья» тема занимает довольно интересное место в творчестве писателя, который, как вспоминают его друзья и знакомые, был страстным любителем кошек. Эта тема довольно замысловато связана также с темой любви и с темой самопожертвования, перерастая в такой совокупности в интереснейшие рассуждения о человеческой природе, жизни и о любви. И в «Саду умерших котов», и в новелле «Ни без книги, ни без кошки», автор говорит о кошках как о единственных существах, способных жить только настоящим, но не способных ни на самопожертвование, ни на истинную привязанность. «*Kedilere benzeyebileydik keşke. Öyle diyesim geliyor sık sık, bu son yıllarda. Yaşadıkları annin üsüne farkındalar gibi. Bir şey bekliyorsa bir deliğin başında, onları oyalayıp oradan uzaklaştırmak pek güç. Bildikleri bir yerde bildikleri bir iş görürken, her gün seyrettikleri, kendilerince katıldıkları (anlayamadığımız, bakarak da bir işe katılabildiğidir) o işe sanki ilk kez bakacakmış gibi, uyuklamakta oldukları yerden kalkmağa üşenmeden, gidip seyredeler yapılanları... Uykularının hangi katındalarsa, o katın uykusunu yaşarlar. Bizlerse, uydurduğumuz bir zamanla övünürken, her işimizi, her sözümüzü o zamanın akışı içinde ötede, ileride, gelecekte varılacak, bir noktaya varmak üzere yapıyor yada söyleniyor görürken, yapmakta, söylemekte olduğumuz şeyi unutup veriyoruz... Ama kedi sever gibi sevmemeliyiz sevdiğimizimizi» [Karasu 2006: 212–213] – «Вот бы быть нам похожими на кошек. В последние годы мне часто хочется этого. Кошки, кажется, видят, замечают нас, в котором живут. Если они ждут кого-то у чьей-то норки, их очень сложно отвлечь и заставить покинуть свой пост. Когда кто-то совершает привычное дело в знакомом им месте, кошки идут и следят за тем, что происходит, не ле-*

нясь, оставляют подстилку, где дремлют, и разглядывают то, что они наблюдают каждый день и в чем ежедневно участвуют сами, так, будто видят это впервые в жизни. (Мы, люди, никак не можем понять, что, наблюдая за каким-то делом, в нем тоже можно принять участие). На каком бы уровне сна кошки ни находились, на таком уровне сна они и живут. А мы, хвастаясь временем, которое сами придумали, и глядя, как каждое наше дело, каждое наше слово делается или говорится для того, чтобы попасть в будущее, чтобы достичь определенной точки впереди, вне времени, мы тут же забываем, что делаем сейчас и о чем сейчас говорим.... Но мы не должны любить как коты!

Автор, рассуждая о возможности и необходимости самопожертвования в любви, помещает на «шифреблат» свою первую сказку – историю о рыбе, которая съела руку любившего ее рыбака. В этой сказке не ощущаются ближневосточные мотивы, отсутствует сюжет, типичный для литератур мусульманских стран. Наоборот, эта сказка навеивает воспоминания о сюжете буддийского трактата «Сутра золотого блеска» («Суварнапрабхаса»), где юный принц, увидев во время прогулки по лесу умирающих от голода тигрят, от любви к ним решает спасти их от голодной смерти, накормив их собственным телом. Также вспоминается библейская Тайная Вечеря и христианское таинство причастия: сын Бога, Иисус Христос от любви к людям жертвует им свое тело.

Еще одна тема бросается в глаза при изучении творчества Карасу, однако эта тема связана не столько с глобальными проблемами человечества, не с литературными влияниями, сколько с глубоко личными переживаниями автора. Во многих сказках странным образом обыгрывается тема рака: и как болезнь, и как земноводного; более того, автор странным образом играет словами, употребляемыми в просторечии, в диалектах. Слова *incitmeveni* и *dokittabata* означают раковую опухоль, но дословно переводятся как «не делай мне больно», «не трогай меня», «не беспокояй меня». На момент работы над переводом романа «Сад умерших котов» автору настоящей статьи было известно немного о Б. Карасу – скудные биографии сообщали, что он был преподавателем философии в университете и умер в 1995 г. от тяжелой болезни. Над рассматриваемым романом он закончил работать задолго до смерти и после нее успел написать несколько романов. Однако тема рака столь настойчиво муссировалась в тексте, что ясно было: мысли об этой болезни никак не покидали автора и даже, как видно из текста, вызвали некий душевный разлад. Спустя некоторое время автору данной статьи довелось пообщаться с молодым турецким писателем, бывшим учеником Бильге Карасу по философскому факультету анкарского университета Хаджет-тепе, Тюркером Арманером, чьи произведения издает в Турции то же издательство, что и произведения Карасу. Этот молодой человек в свое время близко знал автора и был свидетелем последних лет его жизни. Он подтвердил, что, действительно, несколько близких друзей автора, а в конце концов, и он сам умер именно от этой болезни. Так что его книга, написанная за несколько лет до смерти, поведала об этом. О подобных эпизодах – когда в процессе работы над переводом произведения того или иного автора, переводчик, погрузившись в текст, узнает некоторые скрытые подробности биографии автора, – сообщает Умберто Эко в монографии, посвященной художественному переводу. Он пишет о том, что многие его переводчицы «были готовы вжиться в текст», отождествляя себя с ним [Эко 2005: 5–8]. Это состояние – полное погружение, проникновение в текст, помогает добиться высокой точности при переводе, с учетом того, что иногда для понимания текста Карасу знаний классического турецкого словаря недостаточно: автору свойственен распростра-

ненный в с
мысливание с
Льюис Кэр

Еще о
ной для ли
двойника и
на рассказч
ратуре и не
XX в. Исто
ся, вовсе не
роведении,
тическая ли
могла выра
того либо с
щее чувство
етье; чувств
ется как вол
Руми и Шам
сивом чело
Платона, ко
даже в «Ил
культурную
водят некото
ется образ А
сения, мирал
вушки). Вз
мана Орхана
двоюродным
и Мюмтаз в
на автора ви
Раиф-эфенди
главного геро
да Хамди Та
мане Б. Карас
испытывает с
ступков, кото
жеземец, как
тов», продолжи
сто погибшей
Согласно
рассказывает
Халмана «Лу
Сказки Карасу
них не страши
пускает. Поче
ру эксперимен
Вряд ли Карас
от реальности.
езная книга, к
винят в глупос

то они наблюда-
ют видят это впер-
одая за каким-то
не сна кошки ни
временем, кото-
ше слово делает-
достичь опреде-
делаем сейчас и о

пожертвования в
рию о рыбе, кото-
даются ближнево-
р мусульманских
жете буддийского
оний принц, уви-
т, от любви к ним
ным телом. Также
инство причастия:
тело.

ва Карасу, однако
овечества, не с ли-
живаниями автора.
са: и как болезни, и
ает словами, упот-
«dokunmabana» оз-
делай мне больно»,
ад переводом рома-
ственно немного о Б.
рателем философии
смаатриваемым ро-
успел написать не-
пропалась в тексте,
автора и даже, как
я некоторое время
рецим писателем,
льдету анкарского
изведения издает в
т молодой человек
лет его жизни. Он
автора, а в конце
книга, написанная
эпизодах – когда в
эго автора, перево-
обности биографии
й художественному
или готовы вкитться
ояние – полное по-
окой точности при
Карасу знаний клас-
твенен распростра-

ненный в европейской литературе нового и новейшего времени приём – выдумывание собственных новых слов. Эти приемом в свое время пользовался и Льюис Керролл, и Джеймс Джойс, и Уильям Фолкнер.

Еще одна тема, затронутая в романе «Сад умерших котлов», является типичной для литератур мусульманского Востока. Это тема двойника автора, подчас двойника и возлюбленного в одном лице, человека, который фатально влияет на рассказчика. Подобные сюжеты очень популярны в ближневосточной литературе и невероятно любимы в литературе османской и турецкой – литературе XX в. Истоки этой традиции довольно стары и берут начало, как представляется, вовсе не в европейской литературе, что принято в отечественном литературоведении, а в суфийской духовной практике и в суфийской поэзии, когда мистическая любовь к Аллаху приобретала различные реализации, в частности, могла выражаться в форме любви к красивому юному человеку, неважно, другого либо своего же пола. Такая любовь обычно представляется как подавляющее чувство, ограничивающее, мучительное и одновременно приносящее счастье; чувство, которым наслаждаются ради него самого и которое воспринимается как воля судьбы, как рок. Здесь невозможно не вспомнить Джалаладдина Руми и Шамса Тебризи, Лейлу и Меджнуна. Любовь такого типа, когда в красивом человеке видится отражение абсолютной красоты бога, близка к теории Платона, которую он развил в диалогах «Пир» и «Федр», схожий мотив есть даже в «Илиаде» Гомера, хотя устанавливать в данном случае историко-культурную преемственность специалисты не считают возможным. Часто приводят некоторые мнимые изречения Пророка Мухаммеда, в которых упоминается образ Аллаха, которого Пророк, якобы, лицезрел в ночь небесного вознесения, мираджа, в облике прекрасного юноши (по некоторым источникам – девушки). Взаимозависимые двойники – это помнявшиеся местами в финале романа Орхана Памука «Белая крепость» Ходжа и Раб. Галип, ставший погибшим двоюродным братом Джелялем в романе того же автора «Черная книга», Ихсан и Миомтаз в «Покое» Ахмеда Хамди Танпынара, человек, абсолютно похожий на автора внутренне и потому оказывающий сильное воздействие на него, – Раиф-эфенди в «Мадонне в меховом манто» Сабахаттина Али. Двойственность главного героя – это романы Сабахаттина Али, Решата Нури Гюнтекина, Ахмеда Хамди Танпынара, рассказы Омера Сейфеттина, пьесы Ализа Несина. В романе Б. Карасу именно двойник, прекрасный чужеземец, к которому рассказчик испытывает смешанные чувства, вынуждает его совершить цепь роковых поступков, которые, в конце концов, приводят автора к гибели. Именно этот чужеземец, как оказывается, двойник автора, в финале романа «Сад умерших котлов», продолжая повествование и рассказывая о гибели писателя, занимает место погибшего.

Согласно теории литературы, у каждой книги есть тема, а есть идея. Карасу рассказывает читателю страшную сказку – в эпиграф вынесены слова Т.С. Халмана «Лучшая сказка – та, которую трудно понять и от которой страшно». Сказки Карасу не прямолинейны, а от того не всегда понятны, хотя читателю от них не страшно, а грустно – их смертельная и загадочная красота долго не отпускает. Почему Карасу выбирает сказку, когда многие из его собратьев по перу экспериментируют с романом, предпочитая сказке – магический реализм? Вред ли Карасу выбрал жанр сказки только потому, что это необходимый побег от реальности. Сказка наивно, по-детски, показывает то, чего не покажет серьезная книга, которую за наивность и сентиментальность в наши дни тут же обвинят в глупости. Карасу – постмодернист, но, выбирая сказку, внутренне по-

стмодерну он изменяет, хотя внешне придерживается его канонов. Главные вопросы искусства, почти утратившие важность в наши дни: отношения музы и творца, любящего и любимого, охотника и жертвы, создателя и его творения, – во все времена были главной темой сказок (не важно, народных или авторских), которые, в отличие от многих образов современного жанра романа, живут вечно. «Сад умерших котов» – книга по-прежнему современная, хотя написана она почти тридцать лет назад, и невероятно востребованная.

ЛИТЕРАТУРА

Делазари И. Многомирие Уильяма Фолкнера. Кэдди и ее братья // У. Фолкнер. Шум и ярость. – СПб., 2006.

Карасу Б. Сад умерших котов / Пер. с турецк. А.С. Аврутиной. – СПб.: Изд-во Амфора, 2010. – 316 с.

Палевская Ю. Хозяин и владелец Йокнапатоф // У. Фолкнер. Шум и ярость. Свет в августе. – М., 1989.

Эко У. Сказать почти то же самое. – М.: Симпозиум, 2005.

Karasi B. Göçmüş Kediler Bahçesi. – İstanbul: Metis Yayınları, 2006.

Avrutina Apollinariya S. The Slipping Beauty of Bilge Karasu's Fairy-tales

Summary. The article is dedicated to the creative work of the cult figure of the Turkish Literature of the XXth century, a writer of fiction and non-fiction, a philosopher Bilge Karasu. The writer, who many times announced himself to be a follower of W. Faulkner, skillfully synthesized in his works the traditions of classical Middle Eastern literature and European trends, which were particularly new for his time, and finally became one of the main figures of Turkish post-modernism. The target of this article is the analysis of the most prominent novel of Karasu, «The Garden of Departed Cats», which is the best demonstration of the uniqueness of Karasu's fiction for the Turkish and the world's literature.

Key words: Bilge Karasu, William Faulkner, existentialism, post-modernism, Turkish novel, classical literature of the Islamic East, «The Garden of Departed Cats», twin of the main character.

Сведения об авторе. Аврутина Аполливария Сергеевна, канд. филол. наук, доцент Факультета свободных искусств и наук СПб.ГУ, член Союза писателей Санкт-Петербурга, литературный переводчик с турецкого языка.

E-mail: apollinaria1@yandex.ru

Резюме
Э.А. Грунина
РАН
Ключевые
наука, вузо

В 1961
занное с
ливших «И
рех частях;
тора и как
Необыч
ний» («Сие
демически
[там же: 16
внем «Нео
временном
тогда труд
авторов –
дан был те
скую диссе
он оставил
для препод
Забегая
Эльвиры А
дованиях о
из Институ
после "Ис
туркских я
Грунина в
академичес
туркских я

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

*Памяти Э.А. Груниной*УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ВОСТОКОВЕД Э.А. ГРУНИНА
В ТВОРЧЕСКИХ КОНТАКТАХ
С АКАДЕМИЧЕСКОЙ ТЮРКОЛОГИЕЙ*Г. Ф. Благова, Д. М. Насилов, г. Москва*

Резюме. В статье характеризуется научная деятельность профессора МГУ Э.А. Груниной, нашедшая отражение в научных разработках Института языкознания РАН.

Ключевые слова: тюркология, османистика, история языка, академическая наука, вузовская наука.

В 1961 г. в академической тюркологии произошло необычное событие, связанное с плановой работой сотрудников Института языкознания АН, подготовивших «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков» в четырех частях: труд этот осуществлялся под руководством Н.К. Дмитриева – как автора и как редактора.

Необычность ситуации состояла в следующем. В третьей части «Исследований» («Синтаксис») наряду с соответствующими очерками таких известных академических ученых, как Н.А. Баскаков [СИГТЯ, 3: 222–230] и Н.З. Гаджиева [там же: 167–221], была помещена работа Э.А. Груниной под скромным заглавием «Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке» [там же: 135–163]. При известных тогда трудностях и небольших возможностях – для публикации работ молодых авторов – в те годы такой успех Э.А. Груниной был поразительным. Он оправдан был тем, что по этой тематике она в 1953 г. блестяще защитила кандидатскую диссертацию, которую очень высоко оценил Н.К. Дмитриев; ведь недаром он оставил Э.А. на своей кафедре тюркских языков в Московском университете для преподавания.

Забегая вперед, следует отметить другое обстоятельство в творческой судьбе Эльвиры Александровны, свидетельствующее, что в своих последующих исследованиях она никоим образом не отставала от научных разработок тюркологов из Института языкознания АН. «Известно, что в планы Н.К. Дмитриева входило после «Исследований» создание <...> сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» [Тенишев, Дыбо 2001: 14]. Прошло более 40 лет, и вновь Э.А. Грунина выступает в числе авторов столь же ответственного, фундаментального академического издания, а именно «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции» [СИГТЯ 2002], как автор одно-

го из крупных разделов «Огузская группа» («Глаголь») [СИГТЯ 2002: 157–215]. Участие Э.А. в этом томе СИГТЯ финансировалось, с одной стороны, ее докторской диссертацией «Индикатив в турецком языке (в сравнительно-историческом освещении)» (1975 г.) и ее «Исторической грамматикой турецкого языка (1991 г.), а с другой – многочисленными статьями разных лет по обозначенной тематике в области тюркского глагола.

Но прежде нельзя не упомянуть еще об одном, раннем участии Э.А. Груниной в подготовке к печати в академической «Главной редакции Восточной литературы» такого сложного и своеобразного памятника письменности, как «Документы на половецком языке XVI в.: Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины» [Документы 1967].

Дешифровку армянографических половецких документов в группе акад. А.Е. Крымского на Украине предпринял Т.И. Грунин и завершил работу в 1934 г. (в 1934 г. Тюркологическая комиссия – единственный очаг востоковедения на Украине в тот период – прекратила свое существование). Переехав в Москву в конце 30-х гг., Т.И. Грунин подготавливает работу «Половецкие документы Киевского Центрального архива древних актов» (М., 1944), которую защитил в качестве кандидатской диссертации в МГУ.

Летом 2011 г. Э.А. Грунина вспоминала: «В 50-х годах к армяно-кыпчакской проблеме возник интерес в европейской тюркологии, и Т.И. Грунину было предложено издать его работу. К тому времени в результате неудачной операции он ослеп. Так я оказалась вовлеченной в новую для меня область, к тому же, исходные тексты были даны в транскрипции (оригиналы пропали в Киеве во время войны) и в переводе на украинский язык. <...> Автор с трудом воспринимал всякие замечания; мне удалось отстоять только собственную грамматическую концепцию. <...> Работа заняла много времени (около пяти лет)»; см.: [Документы 1967]. Об этом почти пятилетнем труде (не считая чтения корректур и работы с издательским редактором) никогда и нигде не упоминалось, см. только [Самойлович 2008: 352, примеч. 2].

Другой, не менее трудоемкой, работой подобного рода, осуществленной Э.А. Груниной, явилось редактирование академического издания «Мухаббат-наме», подготовленного Э.Н. Наджимом [Хорезми 1961]. Она же помогала Э.Н. Наджиму в составлении его «Историко-сравнительного словаря тюркских языков XIV в.»; см.: [Наджип 1979].

Вместе с тем Э.А. Грунина профессионально продолжала свою педагогическую деятельность в Московском государственном университете: преподаватель филологического факультета МГУ с февраля 1953 г. и ИСАА при МГУ с 1956 г., профессор (1979 г.), заведующий кафедрой тюркской филологии ИСАА, заслуженный профессор Московского университета (1998 г.).

И всё же Эльвира Александровна вспоминала, как Н.К. Дмитриев, определив будущее трудоустройство нового кандидата наук, спросил, где бы она хотела работать. Ответ был мгновенным: в Академии наук, напомнив нелицеприятное высказывание легендарного Фед. Ив. Буслая об этом учреждении, Н.К. Дмитриев, сам в то время один из руководителей отечественной науки в системе Академии наук, оставил Эльвиру Александровну в МГУ, на кафедре тюркской филологии, тем самым определив для нее педагогическую работу как главную составляющую ее профессиональной жизни – без малого на 60 лет. Определяющим в дальнейшей научной судьбе Э.А., как она полагала, все же стало сотрудничество с Сектором тюркских языков Института языкознания АН (в настоящее

время С

А в

Грунин

но ново

знаком

годы эт

история

тика ру

тюрколог

впервые

спецкур

никам т

ных язык

нистики

препода

сандрава

его макс

иллюстр

Разра

владения

недаром

являлась

просы яз

менного.

благодар

она говор

педагогич

сала нем

Ее на

стране. В

ее исслед

рической

тации и п

Грунина

этом смы

книге [На

де «приу

новления

Хазан [На

Можн

на 1966б]

названной

стремлени

бокова).

Стрем

Эльвирой

языкознав

привлечен

тов в диа

время Отдел урало-алтайских языков).

А вместе с тем нельзя не признать, что именно стараниями и трудом Э.А. Груниной в университетское преподавание тюркского языкознания было внесено новое живое содержание. За годы преподавания в МГУ она с молодым энтузиазмом создала практически все курсы по тюркскому языкознанию. В первые годы это были курсы, связанные с узбекским языком: теоретическая грамматика, история узбекского языка, узбекская диалектология, сопоставительная грамматика русского и узбекского языков. В дальнейшем она читала курсы введения в тюркологию, введения в турецкую диалектологию и турецкую диалектологию; впервые ею были поставлены курсы истории турецкого языка и лексикологии, спецкурсы по сравнительной грамматике огузских языков, письменным памятникам турецкого и «староузбекского» языков XIV–XV вв. и теории литературных языков. Э.А. Грунина обеспечила возрождение прерванной традиции османистики московской востоковедческой школы, поставив на кафедре постоянное преподавание османско-турецкого языка. Лекционным курсам Эльвиры Александровны были свойственны широта и глубина охвата языкового материала, его максимальная концентрация и ясность изложения, обеспеченная обилием иллюстративного материала и фундаментальностью научной базы.

Разработка всех указанных курсов была бы неосуществима, во-первых, без владения как теорией тюркского языкознания, так и историей тюркских языков; недаром же из всех известных нам тюркологов-лингвистов одна Э.А. Грунина являлась постоянным, многолетним подписчиком теоретического журнала «Вопросы языкознания»: она была в курсе всех новейших веяний в теории современного языкознания. Во-вторых, реализовать все задуманное стало возможным благодаря ее неиссякаемой работоспособности и целеустремленности. О себе она говорила: «могу "копать" до изнеможения»; из-за колоссальной перегрузки педагогической и общественной деятельностью Эльвира Александровна «написала немного <!>, в основном в летние каникулы».

Ее научные работы известны и получили высокую оценку не только в нашей стране. В зарубежной литературе отмечается не только важность проблематики ее исследований, но и методологическое новаторство в изучении проблем исторической грамматики [Handbuch 1990: 53, 77, 80–81]. Уже в докторской диссертации и публикациях, с нею связанных, при анализе глагольных категорий Э.А. Грунина стремилась применить принципы системно-структурного подхода, и в этом смысле неслучайно Л. Юхансон в своем разделе "Historische Grammatik" в книге [Handbuch 1990] назвал Эльвиру Александровну "Vorbereiter" (что-то вроде «приготовителя», «провозвестника») и «новатором методологического обновления в области исторической грамматики турецкого языка»; см. также Г. Хазан [Handbuch 1990: 77].

Можно считать, что этими работами Э.А. Груниной [Грунина 1966а; Грунина 1966б] было положено начало применению системно-структурного подхода в названной области тюркского языкознания; в отечественной тюркологии это стремление ученого, однако, замечено немногими (в числе которых Н.Н. Широкова).

Стремление доискаться до самой сути изучаемого объекта ставило перед Эльвирой Александровной новые исследовательские задачи как в тюркском языкознании, так и в ее педагогической деятельности. Использование опыта и привлечение приемов функционально-семантического изучения языковых фактов в диахронической перспективе позволило ей обратиться к проблеме функ-

ционального развития других категорий глагола, в частности категорий накло- нения и залога в истории турецкого и других тюркских языков. Для историко- грамматических исследований, которые проводились Груниной, характерным было выявление глубоких корней изучаемых феноменов в масштабе сравни- тельно-исторической грамматики тюркских языков.

В свое время на страницах журнала «Советская тюркология» (1988 г., №3) интенсивно обсуждались принципы составления исторических грамматик и исто- рий литературных тюркских языков, соотношения «история литературного языка и историческая грамматика» — при исследовании средневекового памят- ника, в том числе аспекты источниковой базы истории литературного языка, ме- тоды составления истории литературного языка и вопросы периодизации исто- рии литературного языка.

Однако делом — составлением исторических грамматик отдельных языков — на это обсуждение фактически удалось откликнуться только двум выдаю- щимся последователям Н.К. Дмитриева — Эльвире Александровне Груниной и Нинели Зейналовне Гаджиевой.

«Историческая грамматика турецкого языка» Э.А. Груниной [Грунина 1991], первая в своем роде, вышла в свет в 1991 г. (подписана к печати 28.12.1990 г.). По странным обстоятельствам большая часть 500-экземплярного тиража до на- стоящего времени хранилась в архиве автора. Трагична судьба «Исторической грамматики азербайджанского языка (морфология, синтаксис)» Н.З. Гаджиевой (04.12.1926—28.10.1991). Эта, последняя в ее жизни, монография, плановая, бы- ла досрочно закончена в авторском исполнении, первый экземпляр машинопи- сной копии был считан автором, отрецензирован и утвержден к печати Ученым советом Института языкознания АН СССР в середине октября 1991 г. В силу целой цепочки трагических сложившихся обстоятельств подготовленная к печати монография впоследствии была утрачена. К этой тематике — уже на новом эта- пе, после выхода «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» — возвратились башкирские ученики Э. Р. Тенишева, работающие над «Истори- ческой грамматикой башкирского языка».

В «Исторической грамматике турецкого языка» Э.А. Грунина впервые в исто- рии отечественной тюркологии комплексно рассматривает процесс развития турецкого языка — включая как его предьсторию, так и структурно- функциональное развертывание категорий на протяжении обозреваемого слож- ного периода.

В целом же, тесные творческие контакты Э.А. Груниной с коллективом тюр- кологов Института языкознания РАН прошли через всю ее научную деятель- ность. Она являлась одним из рецензентов «Сравнительно-исторической грамма- тики тюркских языков (Морфология)» [СИГТЯ 1989] и «Сравнительно- исторической грамматики тюркских языков (Лексика)» [СИГТЯ 2000], создан- ных в ИЯз РАН этим коллективом. С 1997 г. Эльвира Александровна не раз со- вместно с Э. Р. Тенишевым выступала рецензентом томов другого фундамен- тального труда коллектива ИЯз РАН — «Этимологического словаря тюркских языков» — двух выпусков на буквы «К» и «Қ» [ЭСТЯ 1997; ЭСТЯ 2000], тома на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» [ЭСТЯ 2003].

С благодарностью вспоминаем мы многолетнюю бессменную работу Эльви- ры Александровны в Диссертационном совете Д-002.006.01 по защите диссер- таций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Институте языкознания РАН и безотказное оппонирование по защищаемым здесь диссер-

тациям (С- понентом

В сви- ченно и- всего, в л- граммати- решком яз- Груниной- рия стано- го языка- венность- огузских п- тюркских- претемпор-

Поиско- как и её м- своего род- ными. В ко- как научны- ская статья- го, редколл- «за большу- требовала з-

Исследо- как; см., к- ком языке»

Умение- Азии, котор- Наджипа, п- ся в обсужд- вых письме- их последу- ская черта: - дически при- скому средс- ным хроног- разным жан- следования- ткая пробл- жиева 1985]

В акаде- лению со ди- его учителя, том, что им- общего язык- и казанской- вой семьи в-

Сотрудни- последнее деся-

тациям (Э.А. Грунина оказала честь также пишущим эти строки, выступив оппонентом на защите наших диссертаций).

В свое время, занявшись турецким языком, Э.А. Грунина обратилась к изучению исторического развития морфологических категорий этого языка. Прежде всего, в центре внимания ученого оказались категории глагола в аспекте их грамматической эволюции. Фундаментальное исследование «Индикатив в турецком языке (в сравнительно-историческом освещении)» было защищено Э.А. Груниной в 1975 г. как докторская диссертация. В этом труде прослежена история становления категории (начиная с ранних периодов формирования турецкого языка на территории Малой Азии), а также показана историческая преемственность грамматических форм от предшествующего периода существования огузских племенных языков в их контактировании с другими группами древних тюркских диалектов; см. также более позднюю статью «К истории тюркской претемпоральной системы» [Грунина 1996а].

Поисковый поход Э.А. Груниной осветить предысторию турецкого языка, как и её мысли о длительном существовании устной литературной традиции, своего рода наддиалектного языка раннеогузского типа, не остались незамеченными. В коллективном труде ИЯ РАН «Языки мира: Тюркские языки», носящем как научный, так и справочный характер, Э.А. Груниной принадлежит новаторская статья «Огузский язык X—XI вв.» [Языки мира 1997: 81—89]. Помимо того, редколлегия тома «Тюркские языки» выразила ей искреннюю благодарность «за большую помощь в доработке ряда статей тома» [там же: 6], эта доработка требовала знаний материала и огромной эрудиции.

Исследования Э.А. Груниной часто публиковались в институтских сборниках; см., к примеру, ее статью «К истории указательных местоимений в турецком языке» [Грунина 1971].

Умение работать с письменными арабграфичными памятниками Средней Азии, которое было приобретено в студенческие годы на спецсеминарах Э.Н. Надкина, позволило Эльвире Александровне не только полемически включиться в обсуждение принципиально важных вопросов «смешанности» средневековых письменных языков, но и внести существенные уточнения и дополнения в их последующую разработку. По ее мнению, «смешанность» как типологическая черта языка межплеменного общения уступает «смешанности» как спорадически проявляющемуся влиянию речевой среды автора или как стилистическому средству в организации текста. Соотношение указанных явлений по разным хронологическим периодам в развитии литературного языка, а также по разным жанрам внутри хронологического среза составляет важную задачу исследования истории тюркских литературных языков, в частности турецкого, где такая проблема практически не ставилась» [Грунина 1997: 19]; ср. статью [Гаджиева 1985].

В академическом сборнике «Николай Константинович Дмитриев: К 100-летию со дня рождения» Э.А. Грунина, касаясь грамматической концепции своего учителя, усматривает его заслугу в истории отечественной тюркологии «в том, что именно он ввел современную тюркологическую лингвистику в руло общего языкознания своего времени, опираясь на идеи прежде всего московской и казанской лингвистических школ и осуществляя это на базе тюркской языковой семьи в целом» [Дмитриев 2001: 46].

Сотрудничество с Институтом языкознания сильно активизировалось в последнее десятилетие, когда в Секторе тюркских и монгольских языков разраба-

тывалась близкая Э.А. Груниной тематика в пятом томе «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков: Региональные реконструкции», где ею был разработан большой раздел «Глагол» («Огузская группа») [СИГТЯ 2002: 157—215].

Работая наравне с членами Сектора, без всякой «скидки», Э.А. как ведущий специалист по турецкому языку взяла на себя написание объемистого раздела о диалектах турецкого языка в коллективной работе «Диалекты тюркских языков» [Грунина 2010а: 385—489], составляющей часть фундаментальных «Основ тюркского языкознания».

На необходимость изучения турецких диалектов в их полном объеме в середине 30-х гг. указывал еще А. Н. Самойлович. Тогда он возлагал на Н.К. Дмитриева «обязанность организовать как следует изучение в СССР анатолийско-турецкого языка во всем его обширном объеме» [Самойлович 2008: 460]. В ту пору эти планы не могли быть осуществлены.

Через 70 лет эту ответственной задачу приняла на себя Э.А. Грунина, продолжатель дела Николая Константиновича; в этой ее работе дается представление о диалектном пространстве современной Турции [Грунина 2010а]. В неоднократных научных поездках в Турцию осваивая многочисленные публикации турецких диалектологов (зачастую выполненные по разным методикам), она стремилась систематизировать этот сложный материал для своих диалектологических работ.

Она была увлечена решением поставленных ею же задач: а) увязать языковое состояние островных говоров с теми этноисторическими условиями, в которых существуют эти говоры [Грунина 2009а]; б) углубить вопрос о кавказском субстрате в отдельных говорах [Грунина 2009б: 153—155; Грунина 2010б: 1350—1361].

Ее разработками по этой части заинтересовались этнографы из Института этнологии и антропологии РАН. В тесном контакте с этими специалистами Э.А. Грунина продолжала увлеченно развивать, углублять и уточнять свои мысли о формировании турецкой диалектной системы, — и это буквально в предпоследние месяцы своей жизни.

Первое десятилетие XXI в. в жизни Эльвиры Александровны — наряду с изучением диалектов турецкого языка — было посвящено созданию объемистого учебника «Туркменский язык» [Грунина 2005], насыщенного богатым лексическим и грамматическим материалом, точными фонетическими и лексикологическими наблюдениями, интересными текстами и продуманными упражнениями. Это одно из ярких достижений ученого-исследователя, одновременно — преподавателя-практика — стабильно обеспечивать изучение еще одного из огузских языков («второго») в ИСАА при МГУ. Своим учебником Э.А. продолжила традиции научного фронтального изучения туркменского языка, заложенную российскими учеными А. Н. Самойловичем и А. П. Поцелуевским [Грунина и др. 2004].

С 2006 г. Э.А. Грунина состояла в должности профессора-консультанта, преподавала османский язык, работала над вторым, дополненным изданием своего учебника «Туркменский язык». Вместе с тем, она помогала аспирантам и магистрантам-лингвистам ИСАА вникать в теорию и практику разрабатываемой тематики. В течение осени 2011 г. — весны 2012 г. она посильно принимала участие в создании галереи портретов старших и младших современников — в журнале «Урало-алтайские исследования», «Российская тюркология», «Восток (Oriens)».

И все
стойкий
ная при
жить, чт
Напос
начале и
Майск
жили в д
большой
были! (не
Эльвиры
вича она
кошка жде
Запада Мо

Грунина
литература
1952.

Грунина
жения в со
нительной
135—163.

Грунина
XIII—XIV

Грунина
Структура

Грунина
вещении) /

Грунина
тория. Куль

Грунина
пись). — М.

Грунина
А.Н. Конов

Грунина
С. 3—15.

Грунина
Грунина

Грунина
Шелкового

Грунина
тюркской ф

Грунина
Turcologicae

109—117.

Грунина
Баскакову: Н

И все это делалось на преодолении усиливавшегося нездоровья... Сказывался стойкий характер Эльвиры Александровны, многими десятилетиями выработанная привычка работать систематически и без скидки на плохое самочувствие; жить, чтобы принести как можно больше пользы любимой ею тюркологии.

Напоследок – рассказ, услышанный от Эльвиры Александровны (наверное, в начале июня 2012 г., в один из последних наших разговоров).

Майская надежда, что в Чкаловской (там они с Юрием Михайловичем прежде жили в летние каникулы) будет «легче дышать», не оправдалась; уже лекачей больной Эльвира Александровна вернулась в Москву. И тут осенило: кошку забыли! (не попала на глаза в сумятице переезда). И тогда по слезной просьбе Эльвиры Александровны вызвали такси, усадили её, с помощью Юрия Михайловича она отправилась в 100-километровый путь (туда и обратно). Приехали, «а кошка идет – сидит около дома». И опять – далекий путь от Чкаловской до Юго-Запада Москвы. В последний раз...

ЛИТЕРАТУРА

Грунина Э.А. Сложноподчиненное предложение в современном узбекском литературном языке / Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. – М., 1952.

Грунина Э.А. Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 3. Синтаксис. – М., 1961. – С. 135–163.

Грунина Э.А. К вопросу о письменной традиции в анатолийских памятниках XIII–XIV вв. // Советская тюркология. 1971, 4. – С. 98–104.

Грунина Э.А. Указательные местоимения в истории турецкого языка // Структура и история тюркских языков. – М., 1971. – С. 223–237.

Грунина Э.А. Индикатив в турецком языке (в сравнительно-историческом освещении) / Дис. на соискание ученой степени докт. филол. наук. – М., 1975.

Грунина Э.А. О языке ранних турецких хроник // Средневековый Восток: История. Культура. Источниковедение. – М., 1980. – С. 112–119.

Грунина Э.А. Пособие по переводу с русского языка на турецкий (машинотпись). – М., 1985.

Грунина Э.А. О синтаксическом времени // Turcologica. К 80-летию акад. А.Н. Кононова. – Л., 1986. – С. 85–95.

Грунина Э.А. К теории тюркского залога // Советская тюркология. 1987, 2. – С. 3–15.

Грунина Э.А. Учебное пособие по османско-турецкому языку. – М., 1988.

Грунина Э.А. Историческая грамматика турецкого языка. – М., 1991.

Грунина Э.А. У истоков // Вопросы тюркской филологии. Вып. 2. Вестник Шелкового пути. – М., 1993. – С. 47–51.

Грунина Э.А. К истории тюркского залога: Рефлексив, пассив // Вопросы тюркской филологии. Вып. 2. Вестник Шелкового пути. – М., 1993. – С. 16–37.

Грунина Э.А. К истории тюркской претемпоральной системы // Symbolae Turcologicae. Festschrift in honour of Lars Johanson. Vol. 6. – Stockholm, 1996. – S. 109–117.

Грунина Э.А. К вопросу о посессивной парадигме спряжения // 90 лет Н. А. Баскакову: Н. А. Баскакову от коллег и учеников. – М., 1996. – С. 68–72.

Грунина Э.А. О «смешанном» характере языка письменных памятников, или проблема *olga-bolga* // Вопросы тюркской филологии. Вып. 3. Материалы Дмитриевских чтений. – М., 1997. С. 12–21.

Грунина Э.А. Огузский язык X–XI вв. // Языки мира: Тюркские языки. – М., 1997. – С. 81–89.

Грунина Э.А. Огузская группа: Глагол // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Ред. Тенишев Э. Р. – М., 2002. – С. 157–215.

Грунина Э.А., Поцедуевский Е. А., Благова Г. Ф. Александр Петрович Поцедуевский (1894–1948) // Восток. Orient. 2004, 5. – С. 122–135.

Грунина Э.А. Туркменский язык. – М., 2005.

Грунина Э.А. К вопросу о диалектной картине современной Турции (говоря терекеме) // Вопросы тюркской филологии. Вып. 8. Материалы Дмитриевских чтений. – М., 2009. – С. 86–123.

Грунина Э.А. К истории формирования анатолийских турецких говоров // Сравнительно-историческое языкознание: Алтаистика. Тюркология. Материалы конференции: К юбилею чл.-корр. РАН А. В. Дыбо. – М., 2009. – С. 153–155.

Грунина Э.А. Турецкий язык // Диалекты тюркских языков. – М., 2010. – С. 385–489.

Grumina E. A. Anadolu Ağız Tipleri üzerine // Turkish Studies: International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. 2010, 5 (3). – P. 1350–1361.

Виноградов В. В. О языке художественной прозы. – М., 1980.

Гафизова Н. Э. Критерии выделения кыпчакских элементов в огузских языках // Тюркское языкознание. – Ташкент, 1985. – С. 45–50.

Николай Константинович Дмитриев. К 100-летию со дня рождения. – М., 2001.

Документы на подольском языке XVI в.: Судебные акты Каменей-Подольской армянской общины / Транскр., пер., предисл., введ., грамм. комм. и глоссарий Грунина Т. И. / Ред. Севортян Э. В. – М., 1967.

Набжип Э. Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV в. (на материале «Хосрау и Ширин» Кутба). Кн. 1. – М., 1979.

Насилов Д. М., Сахатова Г. Рецензия на: Грунина Э.А. Туркменский язык. М., 2005 // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2008, 1. – С. 114–116.

Насилов Д. М., Шека Ю. В. 50 лет педагогической и научной деятельности Э.А. Груниной // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2004, 2. – С. 99–107.

Александр Николаевич Самойлович: Научная переписка. Биография / Сост. Благова Г. Ф. – М., 2008.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / Ред. Тенишев Э. Р. – М., 1989.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. 2-е изд. / Ред. Тенишев Э. Р. – М., 2001.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Ред. Тенишев Э. Р. – М., 2002.

Тенишев Э. Р., Дыбо А. В. Николай Константинович Дмитриев // Николай Константинович Дмитриев: К 100-летию со дня рождения. – М.: «Наука», 2001. – С. 7–24.

Хорезми
жита. – М.,
Этимоло
основы на б
Этимоло
основы на бу
Этимоло
основы на бу
Handbuch
Budapest, 199
Hazai G.
1978.

Blagova G
her creative li

Summary:
Moscow State
linguistical stud
Key words
university scien

Сведения о
учн. сотр. Инст
Насилов Д.
и Африки МГУ

Хорезми. Мухаббат-наме / Изд. текста, транскрип., пер. и исслед. Э. Н. Набжита. – М., 1961.

Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / Ред. Левитская Л. С. – М., 1997.

Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «К» / Ред. Левитская Л. С. – М., 2000.

Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Ред. Левитская Л. С. – М., 2003.

Handbuch der türkischen Sprachwissenschaft. T. 1 / Hrsg. von Hazai G. – Budapest, 1990.

Hazai G. Kurze Einführung in das Studium der türkischen Sprache. – Budapest, 1978.

Blagova Galina F., Nasilov Dmitry M. E. A. Grunina — university orientalist: her creative links with the academic turcology

Summary: In the article the research activity of E. A. Grunina, professor of the Moscow State university, is characterized as reflected in publications of the Institute of Linguistical studies (RAS).

Key words: turcology, Osmanli studies, history of language, academy science, university science

Сведения об авторах. Благова Галина Федоровна, докт. филол. наук, гл. науч. сотр. Института языкознания РАН. Тел.: 8-(495) – 691-63-06.

Насилов Дмитрий Михайлович, докт. филол. наук, проф., Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: nadi1803@mail.ru

***

О КОЛЛЕКЦИИ МАЛОИЗВЕСТНЫХ ДОВОЕННЫХ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ В РУМЫНИИ

М.В. Миреев, г. Симферополь

Резюме. Периодическая печать сыграла важную роль в становлении литератур тюркоязычных общин Румынии. В работе рассматриваются малоизвестные периодические издания турецкой и крымскотатарской диаспоры Румынии, хранящиеся в коллекциях муниципальной библиотеки г. Констанца (Biblioteca Județeană 'I.N.Roman' Constanta) и библиотеки Академии наук Румынии (Biblioteca Academiei Române) в г. Бухаресте.

Ключевые слова: периодическая тюркоязычная пресса, довоенная крымскотатарская литература

В течении многих лет Румыния была пристанищем для поколений турок и крымских татар, многие из которых переселились в провинцию Добруджа после присоединения Крыма к России в 1783 г. и событий Крымской войны 1853–1856 гг. До конца XIX в. литература тюрков, проживавших на территории Румынии, не имела положительных предпосылок к развитию в регионе, разрываемом войнами и социально-экономическими катаклизмами. Существующее положение изменилось в конце XIX в. с появлением периодической печати. Становление прессы оказало большое влияние на развитие художественных литератур крымскотатарской и турецкой диаспоры Румынии в конце XIX – первой половине XX вв. Фактически пресса оставалась едва ли не единственным пространством, где художественная литература турок и крымских татар Румынии могла полноценно существовать и развиваться. По мнению турецкого исследователя Али Аксу, периодические издания, несмотря на нерегулярность и короткий период издания, сделали возможным зарождение и дальнейшее развитие литературы крымскотатарской диаспоры в Румынии [Аксу 2005: 13].

Возникновению тюркоязычной периодической прессы способствовало несколько важных факторов. Во-первых, появление газеты «Терджиман» (Переводчик) в Крыму в 1883 г. оказало значительное влияние на развитие литературы не только среди крымских татар, но и среди других тюркских народов. «Терджиман» стал первой подлинно общетюркской газетой и способствовал росту интереса к периодической печати в тюркоязычном мире. Уже спустя пять лет после выхода в свет газеты «Терджиман» в Румынии появляется первое периодическое издание ориентированное на местных тюрков, «Dobruca Gazetesi» (Газета Добруджи). Газета просуществовала вплоть до 1894 г., однако до сих пор неизвестно о существовании хотя бы одного сохранившегося номера газеты.

Во-вторых, важное значение для развития периодической прессы имело движение младотурков-реформистов в соседней Турции в конце XIX – начале XX вв. Появление в Добрудже таких активистов младотурецкого движения, как Ибраим Темо и Али Риза Кырымзаде, способствовало политизации и росту общественной активности в среде тюркских диаспор Румынии [Кангиева 2007: 8].

Бежавши
Али Риза
тельно
74]. Ибр
ных публ
gazetu «
числа к
политиче
четыре го
стро пре

Следу
люции 19
условия
кой пров
Румынии
водством
«Teşvik»
[Ağuışeno
красно ос
вития тюр
как средст
фия мусу
155–156].
определен
ных связей
усугубляет
тельно вы
ские издан
скотатарск
ты и журн
периодиче

Наибол
в Румынии
выпускатьс
(Добруджа
полтора д
нии. Интер
которых бы
иногда и че
щественно
была Турци
метрополи
населения 2

Предме
турок и кр
нится в
'I.N.Roman'
(Biblioteca
поры в сил

2012

О ВОЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ В РУМЫНИИ

роль в становлении
оте рассматриваются
мскотатарской диаспор
блиотеки г. Констанца
отеки Академии наук
я пресса, довоенная

для поколений турок и
движению Добруджа после
ной Крымской войны и
сбивавших на территории
внутри в регионе, разди-
измами. Существующее
периодической печати
тние художественных ли-
ни в конце XIX – первой
и не единственным про-
рымских татар Румынии
вию турецкого исследо-
нерегулярность и корот-
дальнейшее развитие ли-
2005: 13].

есем способствовало не-
ты «Терджиман» (Перевод-
на развитие литературы
юркских народов. «Терд-
способствовал росту ин-
Уже спустя пять лет по-
является первое периоди-
Dobruca Gazetesii» (Газета
», однако до сих пор нам
егося номера газеты.

одической прессы имело
ни в конце XIX – начале
отурецкого движения, как
политизации и росту со-
вации [Кангиева 2007: 42].

Бежавшие от политического преследования из самой Турции, Ибраим Темо и Али Риза Кырымзаде начали принимать активное участие в издательской деятельности с целью формирования тайных ячеек своих сторонников [Volker 2009: 74]. Ибраим Темо, албанец по происхождению, стал одним из наиболее активных публицистов в среде румынских тюрков. В частности, он начал выпускать газету «Hareket» (Действие) в 1896 г. [Edip 1992: 144]. Али Риза, выходец из числа крымских татар, стал основателем и редактором общественно-политической газеты «Sedaqat» (Верность), которая издавалась в 1897 г. Спустя четыре года он создает газету «Dobruca» (Добруджа), которая, однако, очень быстро прекратила свое существование [Edip 1992: 144].

Следующий виток развития периодической печати происходит после революции 1908 г. в Турции. Отказ от абсолютной монархии создал благоприятные условия для распространения либеральных идей на территории бывшей турецкой провинции. Знаковой фигурой в периодической печати и литературе тюрков Румынии становится крымскотатарский просветитель Мемет Ниязи, под руководством которого начинают выходить такие периодические издания, как «Teşvik» (Поощрение), «Işık» (Свет), «Mekteb ve Aile» (Школа и семья) [Ağaçenoğlu 2004: 6–7]. Будучи прежде всего просветителем, Мемет Ниязи прекрасно осознавал необходимость развития печатного слова для культурного развития тюрков Румынии: «Нетрудно понять, насколько поздно появилась пресса как средство объединения интеллигенции, ведь до 1895 года газеты и полиграфия мусульманам Добруджи были совершенно неизвестны» [Ülküsal 1987, 155–156]. Одной из главных проблем для современного исследователя остается определение этнической аудитории печатных изданий того времени в силу тесных связей турецкой и крымскотатарской общин Румынии. Это обстоятельство усугубляется еще и тем фактом, что многие крымскотатарские авторы сознательно выбирали турецкий язык в качестве литературного. Многие периодические издания позволяли использовать турецкий язык в равной степени с крымскотатарским. Именно поэтому, на наш взгляд, имеет смысл рассматривать газеты и журналы крымских татар и тюрков в комплексе именно как тюркоязычную периодическую прессу Румынии.

Наиболее плодотворный этап развития периодической тюркоязычной прессы в Румынии наступает после окончания Первой мировой войны, когда начинают выпускаться такие газеты, как «Dobruca Sozi» (Слово Добруджи), «Dobruca» (Добруджа) и др. Всего в период с 1919 по 1940 гг. в Румынии выходило около полутора десятка газет, читательской аудиторией которых были тюрки Румынии. Интересно то обстоятельство, что большинство газет, целевой аудиторией которых были крымские татары и турки, выходило в этот период на двух, трех, а иногда и четырех языках. Это обстоятельство можно объяснить борьбой за общественное мнение тюркской части населения Добруджи. С одной стороны, это была Турция, активно агитировавшая тюрков Румынии эмигрировать в бывшую метрополию. С другой стороны, у новых румынских властей и тюркоязычного населения Добруджи была необходимость наладить контакт через прессу.

Предметом нашего внимания является коллекция периодических изданий тюрков и крымских татар напечатанных в Румынии в 1897–1940 гг., которая хранится в муниципальной библиотеке г. Констанца (Biblioteca Județeană 'I.N.Roman' Constanta) и библиотеке Академии наук Румынии в г. Бухаресте (Biblioteca Academiei Române). Периодическая пресса крымскотатарской диаспоры в силу политических обстоятельств до сих пор оставалась закрытой темой

и не получила должного освещения в научных изданиях. Современные читатели и исследователи имеют возможность ознакомиться только с двумя периодическими изданиями – «Enele» (Устремление) [Yüksel 1980] и «Mektep ve Aile» (Школа и семья) [Ülgen 2003], которые были транслитерированы на латинскую графику и опубликованы в виде отдельных книг. В данной статье вводятся в научный оборот периодические издания Румынии, хранящиеся в фондах обеих библиотек, которые были незаслуженно обделены вниманием исследователей. В этой работе приводятся некоторые выходные данные периодических изданий, их направление и ориентированность, краткое описание содержания, язык изданий, номера описи (для библиотеки Академии наук Румынии).

Коллекция, представленная в муниципальной библиотеке г. Констанца, включает в себя полное собрание журнала «Anuarul Seminarului Musulman al statului din Medgidia» (Ежегодник мусульманской семинарии Меджидии), издаваемого в период 1903–1904 гг. – 1915–1916 гг. и 1928–1933 гг. Издание освещало текущие дела семинарии, язык публикаций был полностью румынским. Все номера журнала оцифрованы и доступны читателям в электронном виде. (Редакция: Constanța. Количество выпусков: 13 Общее количество страниц: 178 Период издания: 1903–1904 гг. – 1915–1916 гг. и 1928–1933 гг.)

В коллекцию довоенных периодических тюркоязычных изданий в библиотеке г. Констанца также входит издание «Boga» (Буря), издаваемое в период с марта 1938 г. по июль 1939 г. Издание которое, по определению редакции, являлось «ежемесячным научным и литературным журналом», выпускалось на четырех языках, включающих румынский, османско-турецкий, современный турецкий и собственно крымскотатарский. Издание доступно для работы в данной библиотеке на микропленке. (Редактор: İrfan Fevzi Редакция: с 1 по 3 номер – Str. Plevnel, 16; с 4 по 12 номер – Str. Seulei, 5 Типография: все номера кроме № 3 – Progresul, Siliștra; номер 3 – Durostol, Siliștra. Количество выпусков: 12 Общее количество страниц: 135 Период издания: март – июль 1938)

Другим довоенным периодическим изданием, ориентированным в том числе и на балканских тюрков, является «Coasta de Argint» (Серебряный Берег), которое издавалось в 1928 г. Основными языками газеты были румынский и болгарский. Третьим языком издания являлся османско-турецкий, на котором напечатаны материалы на последних страницах в номерах с седьмого по одиннадцатый. По мнению турецкого исследователя Эдина Омера, данное издание было ориентировано на туристов [Edir 1992: 146]. В газете отсутствуют художественные произведения. Тюркоязычная часть газеты подготавливалась учителем Сулейманом Фанком. Все номера газеты наличествуют в библиотеке в электронном виде. Газета также доступна на веб-сайте библиотеки г. Констанцы, однако страницы, напечатанные на османско-турецком, там отсутствуют. (Редактор: Octavian Mișescu Редакция: Str. Mirca cel Batrân, Balçik. Количество выпусков: 12 Общее количество страниц: 48 Период издания: 2 апреля – 14 октября 1928 г.)

В фонде библиотеки г. Констанца также находится полное собрание всех номеров периодического издания «Revista Musulmanilor Dobrugei» (Журнал мусульман Добруджи), издаваемое в период с 9 ноября по 14 декабря 1928 г. Несмотря на то, что основным языком журнала является румынский (за исключением стихотворения *Khiymetli dostum* ('Дорогой друг'), которое написано и крымскотатарском) оно освещает исключительно проблемы добруджинских мусульман-переселенцев и большинство авторов газеты является тюрками. Основным поэтом, чьи стихотворения публиковались в газете, был Мурат Аблай. Данная газета также доступна в библиотеке г. Констанца в электронном виде. (Ре-

дактор: С
щее количе

Газет
электрон
ским сощ
1936–1939
татарской
мынском
риально-п
тюрор в Ту

В газе
ния тюрор
зете нет с
служивает
тья на
exotismul
экзотическ
проанализ
ских автор
крымские
(Orlu) Реда
Constanța
количество

Период
20 феврал
1939 г.)

Т
Большая
военных пе
ук Румыни
в фонде би
полтора д
турецком, с
по 1940 гг.

Самым
коллекции э
описи Р.Ш.
менее года
мера обычн
проза была
Некоторые
номерах. Та
ты. В № 16
названием «
родный ро

дактор: Crișiu Delasăliște Редакция: Str. Varnav, 59 Количество выпусков: 6 Общее количество страниц: 54 Период издания: 9 ноября – 14 декабря 1928)

Газета «Halk» (Народ) доступна в библиотеке г. Констанца в бумажном и электронном виде. Данное издание являлось ежемесячным «тюрко-румынским социальным региональным изданием» и выходило в свет на протяжении 1936–1939 гг. Данное издание получило широкую поддержку в крымскотатарской общине Добруджи [Ülküsal 1999: 211]. Материалы печатались на румынском и османско-турецком языках. Издание освещало широкий круг социально-политических проблем. Отражение в нем нашли проблемы эмиграции тюрков в Турцию, текущие события из Румынии, Крыма и Турции.

В газете опубликованы материалы, проливающие свет на историю проживания тюрков в Добрудже и их взаимоотношения с соседними народами. Хотя в газете нет собственно художественных произведений, особенного внимания заслуживает литературность на румынском языке «exotismul romănesc» (Музыкальные экзотические румыны), в котором проанализированы произведения румынских авторов, героями которых являются крымские татары. (Редактор: (Orlu) Редакция: Str. General Constanta Количество выпусков: 19 Общее количество страниц: 20)

Период издания: 20 февраля 1937 г. и 15 февраля 1939 г.)

Титульный лист журнала *Revista Musulmanilor Dobrogeni*, № 3, 1928/4

Большая и гораздо более объемная часть малоизвестных тюркоязычных довоенных периодических изданий содержится в фонде библиотеки Академии наук Румынии. Помимо уже вышеупомянутых изданий, которые также содержатся в фонде библиотеки г. Констанца, библиотека Академии наук содержит около полутора десятка других периодических изданий, выходивших на османско-турецком, современном турецком и крымскотатарском языках в период с 1897 по 1940 гг.

Самым старым периодическим тюркоязычным изданием, найденным нами в коллекции этой библиотеки, оказалась газета «Sedakat» (Верность) (под номером описи Р.Ш.З.451), которая стала выпускаться 1 июня 1897 г. и просуществовала менее года. Издание носило политический характер, и главными новостями номера обычно становились международные события. В отличие от других газет, проза была доминирующей формой художественной литературы в «Sedakat». Некоторые рассказы были значительными по размеру и печатались в нескольких номерах. Так, рассказ «Raşan» (Рахшан) был опубликован в 4–11 номерах газеты. В № 16 было напечатано прозаическое художественное произведение под названием «Bir soban kızının intikamı – milli roman» (Месть дочери пастуха – национальный роман). Языком данного периодического издания был османско-

критическая статья «Musulmanii și sulmane» и которой изведения румынских стали турки и топ: Hamdi Nusret Cernat, 20, пусков: 19 Общее

февраля 1936 г. – февраля – 1 июня

турецкий. (Редактор: Ali Riza Bey Редакция: Constanța Типография: Romana, Constanța Формат: 39 x 28 Количество выпусков: 20 Общее количество страниц: 54 Период издания: Июнь – 27 октября 1897 г.)

Наряду с «Sedakat», газета «Saday-i Millet» (Голос нации) является одним из наиболее ранних изданий найденных нами в фонде библиотеки Академии наук среди довоенных периодических изданий, рассчитанных на тюркоязычную аудиторию. Вышедшее в свет с 22 февраля по 19 апреля 1898 г. издание являлось одной из первых газет тюрков Румынии. Данное периодическое издание, выходившее еженедельно, занимало четыре страницы, из которых две занимал текст на турецком, а две – текст на румынском. Многие тексты публиковались в одном и том же номере на обоих языках.

В целом, издание литический характер и события в Румынии и в частности, Македонские тексты в газете ствуют. Единственным является вымышленной сестры со своим (Bir Muhavere. Dokuz çocuğu ve ağabegi – пятнадцатилетний деший брат; № 6, с. 2). Kocalniceanu Редакция: Neatârnaerei, 5, Bucarest ков: 9 Общее количество: 9 Общее количество: 9 Период издания: 22 февраля 1898 г.)

Типографский лист газеты Saday-i Millet, № 5, 1898

Журнал «Teşvik» (Поощрение) был издательским проектом крымскотатарского писателя и публициста Мемета Ниязи. Полное собрание выпусков журнала хранится в библиотеке Академии наук Румынии (Р.П.3.451). Как и многие другие издания того времени, «Teşvik» просуществовал недолго – первый номер вышел в свет 22 июня 1910 г., а последний появился девять месяцев спустя, 29 марта 1911 г. Языком издания был османско-турецкий. В тематическом отношении журнал достаточно широко освещает проблемы внешней и внутренней политики (в частности, политика государства в отношении мусульман Румынии), миграции и образования. В журнале были опубликованы несколько художественных рассказов (например, рассказ «Bedbaht Çiftçi» (Горюющий крестьянин), № 17, с. 4) и стихотворений в рубрике «Литературный раздел». (Редактор: Mehmed Niyazi Редакция: с 1 по 16 номер – Str. Industrie, 22, Constanța; с 17 по 30 номер – Str. Stef. Mihaileanu, 23, Constanța Типография: Constanța Формат: 39 x 28 Количество выпусков: 30 Общее количество страниц: 120 Период издания: 22 июня 1910 г. – 29 марта 1911 г.)

Газета «Tap» (Рассвет) должна была стать очень многообещающим (редакция планировала выпускать газету три раза в неделю) проектом Мемета Ниязи, однако просуществовала только два месяца – с 1 июня по 19 июля 1921 г. Языком газеты был османско-турецкий. Основное внимание в газете уделялось проблемам образования. Художественных произведений в газете немного: это рас-

носило сугубо посвящало текущие соседних регионах, ни. Художественно-практически отсутствием исключением ный диалог младшим братом on yaşındaki bir kız Один диалог. Девушка и ее стар- (Редактор: V. М. ция: Boulevardul Количество выпусков: 54 февраля – 19 ап-

сказ «Pazı»
рах с 10 п
ковано в
Mehmed
Bazargic
38 Период
Газета
Академии
в библио
политичес
Str. Mihaileanu
страниц: 4

Одним
од в Румы
дила в пер
ся в библи
османско-
политичес
художест
'Литерату
форму ху
произведе
сов: проб
проблемы
стихотвор
(Türk kız
ствуют ра
с. 2). Пом
Путешест
ция: Vaza
фия: D. S
личество

Все ч
в фонде
ноябре 19
манско-ту
хотворени
Ahmed Pe
x 40 Кол
октября

Издан
лось «газ
освещало
июнь 194
сты публ
ские стат
Academi
чество в
1937 г. –

графия: Romaņa,
личество страниц:

вляется одним из
и Академии наук
оркоязычную ау-
издание являлось
е издание, выхо-
две занимал текст
убликовались в од-

сидло сугубо по-
вещало текущие
седных регионах,
ни. Художествен-
практически отсут-
ым исключением
ый диалог млад-
аршим братом
n yazındaki bir kız
дин диалог. Де-
шка и ее стар-
Редактор: V. M.
ни: Boulevardul
личество выпус-
ство страниц: 54
ебреля – 19 ап-

ом крымскотатар-
не выпусков жур-
151). Как и многие
го – первый номер
месяцев спустя, 29
стическом отноше-
и внутренней по-
ульман Румынии),
сколько художест-
оций крестьянин),
аздел». (Редактор:
onstanța; с 17 по 30
tanța. Формат: 39 x
Период издания: 22

бещающим (редак-
том Мемета Ниязи,
июля 1921 г. Язы-
ете уделялось про-
немного: это рас-

сказ «Pazarciğin defteri» (Пазарчикский дневник), который публиковался в номе-
рах с 10 по 18 и стихотворение «Nisret» (Исход), начало которого было опубли-
ковано в № 19, с. 2, но его продолжение так и не увидело свет. (Редактор:
Mehmed Niyazi Редакция: Str. Vlad Tereș, 1, Bazargic Типография: Dobruca,
Bazargic Формат: 50 x 33 Количество выпусков: 19 Общее количество страниц:
38 Период издания: 1 июня – 19 июля 1921 г.)

Газета «Dobrugea Sözi» (Слово Добруджи), хранящаяся в фонде библиотеки
Академии наук, также просуществовала очень недолго. Оба номера, хранящиеся
в библиотеке, вышли 13 и 25 июля 1919 г. Газета носила социально-
политический характер, художественные тексты в ней отсутствуют. (Редакция:
Str. Mihail Cogălniceanu 5, Constanța Количество выпусков: 2 Общее количество
страниц: 4 Период издания: 13 июля – 25 июля 1919)

Одним из наиболее успешных изданий балканских тюрков в довоенный пери-
од в Румынии являлась газета «Dobrugea» (Добруджа) (P.IV.3502). Газета выхо-
дила в период с 1919 по 1924 гг. Полное собрание номеров газеты также хранит-
ся в библиотеке Академии наук Румынии (P.IV.5.502). Языками газеты являлись
османско-турецкий и румынский. Издание освещало широкий спектр вопросов:
политические и социальные вопросы находили особое внимание. Тем не менее,
художественные тексты также были широко представлены в газете в рубрике
'Литература'. Стихотворения представляли собой наиболее распространенную
форму художественного творчества в данной газете. Тематический диапазон
произведений был очень широк и охватывал широкий круг социальных вопро-
сов: проблемы крестьянства (Çiftçinin hayali – Мечта крестьянина № 18, с. 1),
проблемы пьянства (İçki nedir? Что такое пьянство? № 17, с. 2). Некоторые
стихотворения пронизаны духом национально-патриотического воспитания
(Türk kızına – Турецкой девушке, № 16, с. 3). В газете «Dobrugea» также присут-
ствуют рассказы, как, например, «Ayın gözleri» (Лунные глаза; № 4, с. 2-3, № 5,
с. 2). Помимо прочего, в газете печатались и путевые заметки (Tuna Seyahatları –
Путешествие по Дунаю', № 407, с. 2, № 408, с. 2). (Редактор: Salim Rasim Редак-
ция: Bazargic Str. Viitorului № 43; после № 97 – Str. Vasile Conta, № 54 Типогра-
фия: D. Smocof, Bazargic Формат: 50 x 33 Количество выпусков: 566 Общее ко-
личество страниц: 1280 Период издания: 17 декабря 1919 г. – 31 июля 1924 г.)

Все четыре номера издание «Aydınlık» (Сияние) (P.IV.43.883) представлены
в фонде библиотеки Академии наук Румынии. Газета выходила в октяб-
ре-ноябре 1933 г. и носила политический характер. В издании, которое было на ос-
манско-турецком языке, представлен только один художественный текст – сти-
хотворение «Güzel Aydınlık» (Прекрасное сияние). (Редактор: Hafuz Mustafa
Ahmed Редакция: Str. Scoalei 7, Silistra Типография: Progresul, Silistra Формат: 60
x 40 Количество выпусков: 1-4 Общее количество страниц: 8 Период издания: 15
октября 1933 – 5 ноября 1933 г.)

Издание «Çardak» (Беседка) (P.III.17.249), по определению редакции, явля-
лось «газетой турецкого (тюркского) сельского населения» и по большей части
освещало социально-политические события. Газета выходила с ноября 1937 г. по
июнь 1940 г. Основным языком издания являлся турецкий, хотя некоторые тек-
сты публиковались на румынском языке. В издании мы также находим критиче-
ские статьи и анекдоты. (Редактор: M. Muzechia Редакция: Satul Camerler, plasa
Acadanlar, jud. Durostor. 5 Типография: Progresul, Silistra Формат: 50 x 33 Ко-
личество выпусков: 46 Общее количество страниц: 88 Период издания: 5 ноября
1937 г. – 14 июня 1940 г.)

В библиотеке Академии наук также хранится полное собрание номеров газеты «*Hak Söz*» (Правое слово) (Р.Ш.10.345), которая являлась наиболее успешным издательским проектом в довоенных тюркоязычных медиа Румынии (она выходила в свет более 11 лет). Редакция газеты позиционировала ее как «независимую региональную и национальную турецкую (тюркскую) газету». В условиях, когда многие газеты не достигали и годового юбилея, «*Hak Söz*» оказалось достаточно популярным и успешным изданием, которое просуществовало с 1929 по 1940 гг. Как и многие другие издания изучаемого периода, данная газета выходила на нескольких языках. Большинство материалов печаталось на османско-турецком и современном турецком языках. Если вначале все материалы печатались на арабской графике, то со 175-ого номера тюркоязычные материалы начинают выходить и на латинице. Другим языком издания является румынский. По своему направлению газета являлась политическим изданием, освещающим текущие события в самой Румынии и Турции. Большое внимание в издании уделено теме миграции в Турцию, которая усилилась в 1930-ых гг. В издании публиковалось значительное число художественных произведений, в основном стихотворения и короткие рассказы. Национально-патриотическая тематика занимает доминирующее положение в художественных изданиях, опубликованных в газете: *Birlik* (Единство, № 54, с. 1), *Ne günlerdi?* (Какие это были дни?, № 64, с. 1), *Mustafa Kemal'e* (Мустафе Кемалю, № 117, с. 1) и др. (Редактор: *Habib Hilmi* Редакция: с 1 по 55 номер – Str. P. Nicolai, Silistra; после номера 56 – Str. București, 6; после номера 57 – Str. Ciufari, 13; после номера 175 – Str. Tarnova, 15; после номера 280 – Str. Pr. Niculae, 2 Типография: *Progresul*, Silistra Формат 48 x 31 Количество выпусков: 286 Общее количество страниц: 582 Период издания: 22 мая 1929 г. – 6 марта 1940 г.)

В коллекции библиотеки Академии наук также хранятся все номера газеты «*România*» (Румыния) (Р.Ш-IV.5834), которая выходила в свет с 1921 по 1936 г. Издание, которое официально именовалось «национальной газетой турок (порок) Румынии», печатало материалы социально-политического характера. В газете получили освещение текущие события в Румынии и мире, проблемы религии и религиозных общин Румынии, положение мусульманских женщин в Румынии, вопросы эмиграции балканских турок из страны. В газете публиковались отдельные художественные произведения, в основном стихи: *Yaralı Türküsü* (Песня раненого, № 216, с. 1), *Aşk ve Ölüm* (Страсть и смерть, № 237, с. 1), *Zafer ezanı* (Победный эзан, № 115-118, с. 2). В газете также публиковались оригинальные рассказы и переводы произведений, написанных на иных языках. Основным языком газеты был османско-турецкий, в исключительных случаях официальные документы публиковались на румынском. (Редактор: *M. Lütfü* Редакция: с 1 по 248 номер – Str. Tepeş 1 Bazargic; с 249 по 378 номер – Str. I.I. Carageale № 8, Bazargic; с 379 по 589 номер – Str. Gr. Alexandrescu, 1 Типография: с 1 по 378 номер – Tap, Bazargic; с 379 по 526 номер – Comercială, Bazargic; с 527 по 538 номер – Gutenberg, Bazargic; с 539 по 580 номер – I. Zandali, Bazargic; с 581 по 589 номер – Izvor, Bazargic Формат: 41 x 25 Количество выпусков: 589 Общее количество страниц: 1176 Период издания: 5 августа 1921 – 21 августа 1936 гг.)

В фондах библиотеки Академии наук Румынии также хранится полное собрание номеров газеты «*Tuna*» (Дунай) (Р.Ш-IV.9203), которая выходила в 1925-1938 гг. с перерывом с 5 апреля 1933 г. по 2 февраля 1936 г. В первый период издания газеты (с 6 марта 1925 г. по 6 марта 1933 г.) официальным языком газеты являлся османско-турецкий. Издание можно охарактеризовать как социаль-

но-экономический журнал
циально-политический
манско-турецкий
манско-турецкий
короткие рассказы
зете бы
ний: пр
ния пуб
'Еженед
Str. Trai
фия: Du
ство стр
Во в
зовани
акценты
эмигра
жение ж
преоблад
Типограф
количество

Газет
собрание
наук вых
1930 г. В
1934 г. п
общины
месячник

В пер
тексты в
ключени
языке. Ре
ние читат
салось те
смерти (1
муся вож
но, стих
çocukları
ya, № 5.
İzinde –
18, Bazar
ков; 87 С
1930 г.; 6

«Yıld
ческим т
коллекци
которая
ным ред
скотатар
дельных
риодичес

не номеров газет-
более успеш-
а Румынии (она
ла ее как «неза-
газету». В усло-
k Söz» оказалось
существовало с
да, данная газета
талась на осман-
се материалы печ-
ные материалы
ется румынский.
ем, освещающим
не в издании уде-
В издании пуб-
ий, в основном,
ская тематика за-
ях, опубликован-
то были дни?, №
(Редактор: Habib
е номера 56 – Str.
75 – Str. Tarnova,
I, Silistra Формат:
582 Период изда-

е номера газеты
с 1921 по 1936 гг.
етой турок (тю-
о характера. В га-
е, проблемы рели-
их женщин в Ру-
газете публикава-
ом стихи: Yaralı
смерть, № 237, с.
же публиковались
х на иных языках.
ительных случаях
ктор: M. Lütfü Pe-
8 номер – Str. I.L.
ădrescu, I Типогра-
mercială, Bazargic;
мер – I. Zandallı,
25 Количество вы-
я: 5 августа 1921 –

дится полное соб-
я выходила в 1925-
В первый период
ьным языком газе-
овать как социаль-

но-экономическое, поскольку большое внимание в газете уделяется именно социальным проблемам (просвещение, миграция, взаимопомощь внутри мусульманской общины) и экономическим вопросам (необходимость создания мусульманского банка, торговля, производство). В газете также находится место для коротких новостей из Румынии, Турции и граничащих с ними государств. В газете было опубликовано значительное количество художественных произведений: прозаических и стихотворных. Прозаические художественные произведения публиковались на регулярной основе в рубриках 'Короткие рассказы' или 'Еженедельный рассказ'. (Редактор: Ibrahim Kadri Редакция: с 1 по 204 номер – Str. Transilvania, 9, Silistra; с 111 по 204 номер – Str. Şcoalei, 5, Silistra Типография: Durostor, Silistra Формат: 50 x 33 Количество выпусков: 247 Общее количество страниц: 518 Период издания: 6 марта 1925 г. – 5 апреля 1933 г.)

Во второй период «Tuna» начинает выпускаться уже на турецком (с использованием латинской графики) и румынском. В этот период редакция смещает акценты: гораздо больше внимания уделяется внешней политике и растущей эмиграции балканских тюрков в Турцию. Отдельные материалы освещают положение женщин и состояние образования. Среди художественных произведений преобладает поэзия. (Редактор: Ismail Daut Редакция: Str. Petru Rareş, 43, Silistra Типография: Durostor, Silistra Формат: 50 x 33 Количество выпусков: 26 Общее количество страниц: 54 Период издания: 2 февраля 1936 г. – 17 февраля 1938 г.)

Газета «Türk Birliği» (Турецкое / тюркское единство) (P.III.15.154), полное собрание номеров которой также находится в собрании библиотеки Академии наук выходила дважды. Впервые она печаталась в период с 12 февраля по 19 мая 1930 г. Второй раз издание просуществовало значительно дольше – с 6 сентября 1934 г. по 16 декабря 1939 г. Газета являлась официальным органом местной общины турецкой молодежи. Несмотря на то, что она формально являлась ежемесячником, за 64 месяца издания свет увидело 87 номеров газеты.

В первый период издания газета печаталась арабицей. Начиная с 1934 г. все тексты в газете публиковались латинскими буквами на турецком языке, за исключением нескольких небольших публицистических текстов на румынском языке. Редакционная политика предполагала политико-патриотическое воспитание читателей в духе лояльности к соседней Турции. Большинство новостей касалось текущих событий в Турции. Показательно, что номер приуроченный к смерти (1938, № 6) Ататюрка на $\frac{3}{4}$ состоит из текстов посвященных скончавшемуся вождю турецкого народа. Художественные произведения (преимущественно, стихотворения) также несли национально-патриотические веяния (Atatürk çocuklarının şarkısı – Песня детей Ататюрка, № 27, с. 1; Türk ünü – Турецкая слава, № 5, с. 1; Ant – Клятва, № 43, с. 1; Cumhuriyet – Республика, № 21b, с. 1; İzinde – По его следам, № 6, с. 1). (Редактор: Ömer Aziz Редакция: Str. Rahovei, 18, Bazargic Типография: Zandallı, Bazargic Формат: 50 x 33 Количество выпусков: 87 Общее количество страниц: 202 Период издания: 12 февраля – 19 мая 1930 г.; 6 сентября 1934 – 16 декабря 1936 гг.)

«Yıldırım» (Молния) (P.IV.12.318) является еще одним довоенным периодическим тюркоязычным изданием, выпускавшемся в Румынии, и хранящемся в коллекции библиотеки Академии наук Румынии. Это была еженедельная газета, которая выходила на турецком языке с 5 марта 1932 г. по 5 января 1938 г. Главным редактором газеты являлся Мемет Нури, бывший в 1917 г. членом крымскотатарского народного парламента [Юксель 2003: 104]. За исключением отдельных текстов, опубликованных на позднем этапе существования данного периодического издания, все материалы давались арабской графикой. Публици-

стические материалы носили социально-политический характер. Многие статьи были посвящены проблемам братских тюркских народов (*Türk-Tatar öz kardaşlırlar – Тюрки и татары братья друг другу*, № 39, с. 2; *Zavalı Bulgaristan Türkleri – Несчастные болгарские турки*, № 125, с. 2; *Gagauz Devleti – Край гагаузов*, № 90–91, с. 2). В газете часто публиковались также стихотворения. Другим жанром, получившим популярность в издании, являлись путевые заметки. (Редакция: с 1 по 6 номер – Str. Regina Elisabeta, 1, Bazargic; с 7 по 37 номер – Str. Al. I. Cuza, 6, Bazargic; с 38 по 75 номер – Str. V. Carlova, 32, Bazargic; с 76 по 171 номер – Piața Concordiei, 9, Bazargic Типография: с 1 по 99 номер – Comercială, Bazargic; с 100 по 132 номер – Gutenberg, Bazargic; с 133 по 171 номер – Izvor, Bazargic Формат: 30 x 33 Количество выпусков: 171 Общее количество страниц: 314 Период издания: 5 марта 1932 г. – 5 января 1938 г.)

Коллекции тюркоязычных периодических изданий, собранные в Констанце и особенно в Бухаресте, по нашим сведениям, являются крупнейшими собраниями газет и журналов турецкой и крымскотатарской диаспор Румынии.

Научное значение собрания тюркоязычных периодических изданий, хранящихся в муниципальной библиотеке г. Констанца и библиотеке Академии Румынии в г. Бухаресте велико. Периодические издания, хранящиеся в данных фондах, содержат значимый материал для изучения истории взаимоотношений тюркских диаспор Румынии с соседними народами. Современными исследователями уделено малое внимание анализу материалов, напечатанных в довоенных периодических изданиях тюрков Румынии. Факт существования настолько объемных фондов тюркоязычной прессы Румынии выдвигает задачу изучения и публикации материалов из указанных выше периодических изданий.

Введение в научный оборот материалов из таких периодических изданий позволит проследить и проанализировать динамику взаимоотношений крымскотатарской и турецкой диаспор с Крымом, Турцией и Румынией. Изучение материалов, опубликованных в тюркоязычных газетах и журналах довоенного периода в Румынии, даст возможность поднять новый пласт до сих пор не известных публицистических и художественных произведений на крымскотатарском и турецком языках и откроет новую страницу в крымскотатарском и общетюркском литературоведении, даже позволит включить их в программу высших учебных заведений.

ЛИТЕРАТУРА

- Юксель Г.З. Кырымтатар иджрет матбуаты // Ыылдыз, 2003, № 3. – С. 103–110.
- Ağuşenoğlu H. Die Turko-Tatarische Presse der Dobrukscha 1897–1940. Annotierter Katalog. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2004. – 252 с.
- Aksu A. Romanya Türklerinde kültürel durum ve Mektep ve Aile mecmuası // Cumhuriyet Üniversitesi İlahat Fakültesi dergisi, 2005, № IX/1. – С. 11–27.
- Edip Ö. Dobruca'da Türk-Tatar Basımının Tarihçesi // Renkler – Bucureşti, 1992. – С. 143–147.
- Ülgen E., Aksu A. Mektep ve Aile mecmuası (1915-1916) – Constanta, 2003. – 208 с.
- Ülküsal M. Dobruca ve Türkler. – Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1987. – 270 с.
- Ülküsal M. Hatıralar (Kırım yolunda bir ömür) – Ankara, 1999. – 424 с.

Volker
Nationalbe
Acta Orien
Fükse
birinci cil
fakültesi t

Mireev
Romania

Summ
speaking d
Turkish and
collections
Constanta)
Române) in
Key wo

Сведени
крымскотат
педагогичес
E-mail:

Volker A. Zwischen rumänischer Heimat und dem Traum von der Krim: das Nationalbewußtsein der Dohrudschatataren von den Anfängen bis in die Gegenwart // Acta Orientalia, 2009, № 70. – С. 63–91

Yüksel Z. Romanya'da 1930-1940 yılları arasında yayınlanan Emel mecmuasının birinci cildinin yeni türk alfabesine çevrilmesi // İstanbul Üniversitesi edebiyat fakültesi türk dili ve edebiyatı bölümü mezuniyet tezi. – İstanbul, 1980. – 486 с.

Mireev Maxim. On the collection of little-known prewar Turkic periodicals in Romania

Summary. Periodicals played an important role in establishing of the Turkic-speaking diaspora literature in Romania. The article focuses on periodicals of the Turkish and Crimean Tatar diasporas living in Romania that are currently kept in the collections of the municipal library of Constanta (Biblioteca Judeteana 'I.N.Roman' Constanta) and library of the Romanian Academy of Science (Biblioteca Academiei Române) in Bucharest.

Key words: periodic Turkic press, prewar Crimean Tatar literature

Сведения об авторе. Миреев Максим Вадимович, аспирант кафедры крымскотатарской и турецкой литературы Крымского инженерно-педагогического университета (г. Симферополь, АР Крым, Украина)

E-mail: mmireyev@gmail.com

***

2003, № 3. – С.

scha 1897–1940.

Aile mecmuası //
С. 11–27.

Bucureşti, 1992. –

Constanta, 2003. –

ştırma Enstitüsü.

– 424 с.

ИЗ ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ
ПОЛИТИКИ В ЧУВАШСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ
(1920—1925 гг.)

В.Н. Клементьев, Чебоксары

Резюме: В статье на примере Чувашии показывается опыт решения языковых проблем в Советской России в 1920-е гг. Рассматриваются вопросы формирования и функционирования организационного механизма по осуществлению национально языковой политики, основные мероприятия в этой области, эффективность названной политики и причины её торможения.

Ключевые слова: национально языковая политика, политика реализации чувашского языка, РЧЯ, Комиссия по РЧЯ, языковое строительство.

В современных условиях, когда сохраняют свою актуальность дискуссии о статусе национальных языков и мерах, обеспечивающих их нормальное функционирование и сохранение, о двуязычии и о роли русского языка, весьма интересным представляется опыт решения языковых проблем в 1920-е гг. Языковое строительство тех лет являлось одним из важнейших аспектов национальной политики Советского государства, которая в указанное десятилетие имела выраженный демократический характер и реально утверждала принцип равноправия языков. В ходе такого строительства ставилась задача довести все языки народов СССР до уровня русского [Алпатов 1993: 117]; создавались условия, обеспечивающие употребление родного языка в официальной сфере, для подъема народного просвещения и культуры; расширялись общественные функции и повышалась социальная роль национальных языков, проводилась работа по созданию и развитию литературных языков; осуществлялась коренизация государственного аппарата, развивалось национальное книгоиздание [Ненароков 1990: 13].

Предметом данного исследования является опыт осуществления национально-языковой политики в условиях Чувашской автономии в первой половине 1920-х гг., получившей название политики реализации чувашского языка (РЧЯ). При этом автор не ставит перед собой задачу комплексного анализа языковой политики и языкового строительства указанного периода, а ограничивается рассмотрением вопросов формирования и функционирования организационного механизма по осуществлению политики РЧЯ, основных мероприятий в этой области, эффективности названной политики и причин ее торможения. Нужно подчеркнуть, что поставленные проблемы фактически не освещены в научной литературе. В известной монографии лингвиста Н.П. Петрова они представлены не в полной мере [Петров: 1980].

Начало политики РЧЯ фактически было положено уже в первый год установления советской власти. В отличие от царского правительства, чья политика была неприкрыто направлена на поддержание и развитие господствующей роли русского этноса и языка, партия большевиков в «Декларации прав народов России», опубликованной 2(15) ноября 1917 г., провозгласила новые принципы на-

ционально
свободное
религиозны
[Декреты:
Казанской
правили тап
лось: "Отны
дятся во все
считавшим
1574. Оп. 1.
рабочих и к
поволжским
решений 5
ском испол
полкомы уе
ское населе
демьянский,
ский, Белебе
котором дов
ственных уч
своем родно

Однако
территориал
лимых маши
правлении с
люции по де
ветов Чуваш
задача: «В це
самые чрезв
гих обществен
ному отделу
чувашский я
язык препода
ганями управ
ЧАО. 19 янва
люция об ор
областных, у
6. Л. 47—47
вопрос о ре
исполкому С
[ГАСИ ЧР: ф
чил отделу н
языка» [ГИА
был рассмот
вано Чуваш
грамма преду
народного об
предполагале
чувашских ш
подавание в :

циональной политики: равенство и суверенность народов России, их право на свободное самоопределение, отмена всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальностей [Декреты: 40]. Основываясь на них, в марте 1918 г. Совет народных комиссаров Казанской советской рабоче-крестьянской республики принял декрет «О равноправии татарского и чувашского и русского языков». В нем, в частности, говорилось: «Отныне татарский и чувашский языки в пределах Казанской губернии вводятся во все правительственные и общественные учреждения как равноправные со считавшимся до сего времени государственным русским языком» [НА РГ: Ф. 1574. Оп. 1. Д. 1. Л. 8]. 29 апреля 1918 г. Казанский губернский исполком Советов рабочих и крестьянских депутатов принял постановление «Об объявлении языков поволжских народов официальными» [Образование: 1963, 52]. Исходя из этих решений 5 июня 1918 г. комиссариат по чувашским делам при Казанском губернском исполкоме Советов рабочих и крестьянских депутатов разослал во все исполкомы уездных Советов, на территории которых компактно проживало чувашское население, – Лаишевский, Тетюшский, Цивильский, Свияжский, Козьмодемьянский, Чебоксарский, Ядринский, Спасский, Симбирский, Буинский, Уфимский, Белебеевский, Стерлитамакский, Бугурусланский – циркулярное письмо, в котором доводил «до сведения всего чувашского народа», что «во всех правительственных учреждениях могут говорить и писать свои прошения и заявления на своем родном языке» [ГИА ЧР: Ф. 499. Оп. 1. Д. 39. Л. 24–24 об.].

Однако начавшаяся Гражданская война, губернское административно-территориальное устройство не позволили развернуть работу по РЧЯ в необходимых масштабах. Только с созданием чувашской автономии меры в этом направлении стали принимать целенаправленный и системный характер. В резолюции по докладу ревкома, принятой I областным учредительным съездом Советов Чувашской автономной области (7–11 ноября 1920 г.), была поставлена задача: «В целях вовлечения чувашских масс в советское строительство принять самые чрезвычайные меры по введению родного языка в Советах, школах и других общественных учреждениях» [ГИА ЧР: Ф. 22. Оп. 1. Д. 251. Л. 9]. Областному отделу образования съезд поручил в «самом ближайшем будущем ввести чувашский язык в школах I и II ступени не только как предмет обучения, но как язык преподавания» [ГИА ЧР: Ф. 22. Оп. Д. 251. Л. 9]. В 1921 г. областными органами управления был принят ещё ряд решений, касающихся РЧЯ в пределах ЧАО. 19 января на совещании областного отдела управления утверждается резолюция об организации курсов по преподаванию чувашского языка служащим областных, уездных учреждений и волостных Советов [ГИА ЧР: Ф. 22. Оп. 1. Д. 6. Л. 47–47 об.]. 9 августа Президиум областного комитета РКП(б), заслушав вопрос о реализации чувашского языка, постановил: предложить областному исполкому Советов принять срочные меры по «реализации чувашского языка» [ГАСИ ЧР: Ф. 1. Оп. 2. Д. 20. Л. 68]. В этот же день облисполком Советов поручил отделу народного образования выработать «проект реализации чувашского языка» [ГИА ЧР: Ф. 22. Оп. 1. Д. 100. Л. 126 об.] (проект программы. – В.К.). Он был рассмотрен и одобрен II областным съездом деятелей по народному образованию Чувашской автономной области, прошедшим 1–10 декабря 1921 г. Программа предусматривала, что РЧЯ «немедленно возможна и необходима в деле народного образования, суда, управления и земельном». В области образования предполагалось провести следующие мероприятия: 1, 2, 3, 4 годы обучения в чувашских школах «должны вестись исключительно на чувашском языке»; преподавание в 5, 6, 7 классах может осуществляться на чувашском и русском язы-

ках, но история и этнография чувашей, краеведение «должны вестись обязательно на чувашском языке», на конференциях и курсах работников школ I степени преимущественное внимание следует обратить на постановку обучения в школах на чувашском языке; создать научно-методический совет, которому необходимо будет уделить самое серьезное внимание развитию чувашского языка; издать чувашский букварь и книги для изучения чувашского языка. В решении съезда подчеркивалась также «чрезвычайная важность русского языка для чуваш и их школ» [Вокруг съезда: 2].

Комплекс мер, касающихся РЧЯ в сфере судебно-следственной работы, был рассмотрен и одобрен на I съезде деятелей советской юстиции Чувашской автономной области (25—27 декабря 1921 г.), который постановил: «Признать обязательным... ввести судоговорение по делам, в которых фигурируют чуваша, на родном языке»; если в судебном процессе, кроме чувашей, участвуют не знающие чувашский язык, то судопроизводство осуществлять на чувашском языке через переводчика; написанные по-русски судебные решения «оглашать непременно на чувашском языке»; для перехода к полному судопроизводству на чувашском языке предложить отделу юстиции «приготовить формы делопроизводства на чувашском языке»; в целях подготовки судебных и следственных работников к судопроизводству на чувашском языке «установить кратковременные самокурсы с теоретическим и практическим занятиями» [ГИА ЧР: Ф. 22. Оп. 1. Д. 251. Л. 10].

Важнейшее значение для дальнейшего развертывания РЧЯ имело постановление областного исполкома Советов от 26 января 1922 г. «О реализации чувашского языка в пределах Чувашобласти». Оно декларировало: ввести чувашский язык «в качестве государственного и обязательного во всех местных государственных советских и кооперативно-общественных учреждениях»; преподавание в чувашских школах осуществлять на чувашском языке; судоговорение и судопроизводство для чувашей проводить на чувашском языке; создать возможность почтовых, телефонных и телеграфных «сношений в пределах области на чувашском языке»; практическое осуществление данного постановления начать с 1 марта 1922 г., «к каковому сроку должны быть закончены все подготовительные работы по проведению его в жизнь»; контроль за исполнением постановления возложить на отдел управления [Чувашский край: 1]. Первоначальный проект резолюции содержал и такой пункт, в котором говорилось «о привлечении к суду Ревтрибунала лиц, виновных в нарушениях постановления», но в утверждённый вариант он не вошел [ГИА ЧР: Ф. 147. Оп. 1. Д. 20. Л. 17 об.].

В развитие этого декрета 22 марта 1922 г. облисполком принял «Обязательное постановление о реализации чувашского языка», которое конкретизировало и расширяло положения резолюции от 26 января 1922 г. В нем, в частности, указывалось, что во всех государственных органах и общественных учреждениях области «разговор с гражданами чувашами должен происходить на чувашском языке»; на нем же могут быть подаваемы все официальные заявления; все учреждения обязаны принимать документы на чувашском языке; официальные материалы, предназначенные для чувашского населения, должны быть составлены на чувашском языке; в места с чувашским населением командированы исключительно лица, владеющие чувашским языком; областным и уездным органам управления предлагалось при заполнении вакансий, а также в случае сокращения штатов преимущество «давать лицам, знающим чувашский язык»; предписалось вести все делопроизводство на чувашском языке в сельских и волостных исполкомах Советов, областных и уездных отделах народного образования

управл
спешна
ства, к
необх
Комисс
языка»
нятием
дена пр
ния в в

Обр
сия по
номной
языково
решений
по РЧЯ,
отделов
принима
обществ
Н.И. Ван
Реше

г., выра
личалис
всего, не
РЧЯ. Так
было не
1. Л. 7].
шей не б
отделе и
28] Сред
70%, в ш
11. Д. 25
для внед
венных у
неподгот
вие канц
блема – в
ците был
реализаци

Мош
сторона
правление
знало неп
1922 г., гл
знающих
митет по
браться с
Ч. 1. Л. 7.
ций ведом
формы» р
ными» [Г

кны вестись обяза-
тников школ I сту-
тановку обучения в
совет, которому не-
чувашского языка;
языка. В решениях
кого языка для чу-

венной работы, был
и Чувашской авто-
вил: «Признать обя-
урируют чуваша, на
участвуют не знаю-
на чувашском языке
«оглашать непре-
производству на чу-
формы делопроиз-
и следственных ра-
овить кратковремен-
» [ГИА ЧР: Ф. 22.

ЧЧЯ имело постанов-
Д реализации чуваш-
и: ввести чувашский
и местных государст-
ных; преподавание в
оговоренные и судоп-
создать возможность
ах области на чуваш-
новления начать с I
се подготовительные
ением постановления
значательный проект
«о привлечении к су-
ния», но в утвержден-
17 об.].

и принял «Обязатель-
ное конкретизировало
нем, в частности, ука-
ленных учреждениях
ходить на чувашском
е заявления; все учре-
е; официальные мате-
ны быть составляемы
индируются исключи-
т и уездным органам
же в случае сокраще-
ский язык»; предлага-
сельских и волостных
родного образования,

управления, земельного труда, юстиции, транспорта. Постановление содержало специальные положения, касающиеся РЧЯ в сфере образования и судопроизводства, которые повторяли принятые ранее решения на этот счет. Оно признавало необходимым иметь при областном отделе управления «особую постоянную Комиссию при обязательном секретаре для успешной реализации чувашского языка» в автономной области [ГИА ЧР: Ф. 22. Оп. 1. Д. 3. Л. 11–12 об.]. С принятием декретов от 26 января и 22 марта 1922 г. под политику РЧЯ была подведена правовая база и определен организационный механизм для ее осуществления в виде Комиссии по РЧЯ.

Образованная 16 февраля 1922 г. при областном отделе управления Комиссия по проведению в жизнь реализации чувашского языка в Чувашской автономной области стала основным инструментом формирования и осуществления языковой политики [ГИА ЧР: Ф. 22. Оп. 1. Д. 251. Л. 36]. Она готовила проекты решений для вышестоящих органов и разрабатывала практические мероприятия по РЧЯ, контролировала их осуществление. Помимо руководителей областных отделов управления и народного образования, в её состав были включены либо принимали активное участие в работе Комиссии видные представители научной общественности М.П. Петров (Тинехли), Д.П. Петров (Юман), Ф.Т. Тимофеев, Н.И. Ванеркке, Ф.П. Павлов [ГИА ЧР: Ф. 22. Оп. 1. Д. 251. Л. 42].

Решения, положенные в основу постановлений от 26 января и 22 марта 1922 г., выражали стремление как можно быстрее достичь желаемого результата, отличались радикализмом и не были адекватными реальной ситуации. Прежде всего, недостаточно было самих субъектов для проведения в жизнь политики РЧЯ. Так, в 1922 г. из 112 лесных специалистов в Чувашии знающих чувашский было не более 15 чел., из 13 землемеров – 4 чел. [ГАРФ: Ф. 1318. Оп. 1. Д. 230. Ч. 1. Л. 7]. В 1923 г. в областном отделе финансов среди сотрудников было чувашей не более 20%, в уездных финотделах – 20–25%; в областном земельном отделе из 92 работников чувашей было 42 чел. [ГАСИ ЧР: Ф. 1. Оп. 4. Д. 14. Л. 28]. Среди работников образования в школах I ступени чуваша составляли 65–70%, в школах II ступени – 29%, в техникумах – 10–15% [РГАСПИ: Ф. 17. Оп. 11. Д. 252. Л. 1; ГАСИ ЧР: Ф. 1. Оп. 4. Д. 14. Л. 85]. Серьезным препятствием для внедрения чувашского языка в работу государственных органов и общественных учреждений, перевода делопроизводства на чувашский язык являлись неподготовленность работников к делопроизводству на родном языке, отсутствие канцелярской терминологии. Существовала и такая чисто техническая проблема – не было в наличии пишущих машинок с чувашским шрифтом. В дефиците была учебно-методическая литература для изучения чувашского языка [К реализации: 2; Вести: 1; Хроника: 2].

Мощным фактором блокирования политики РЧЯ было противодействие со стороны части бюрократического аппарата. Известно, что Чувашское областное правление Всероссийского земледельческого союза 6 августа 1922 г. приняло заявление, в котором призывало неприемлемым и просило отменить положение постановления от 22 марта 1922 г., гласящее: командировать в селения с чувашским населением только лиц, знающих чувашский язык. Это заявление было направлено в Федеральный комитет по земельным делам при Президиуме ВЦИК. Последний поручил разобраться с жалобой НКВД и Наркомнацу РСФСР [ГАРФ: Ф. 1318. Оп. 1. Д. 130. Ч. 1. Л. 7, 14]. По результатам ее рассмотрения и после совместных консультаций ведомства рекомендовали облисполкому Советов ЧАО: «категорические формы» резолюции от 22 марта 1922 г. «надлежит смягчить и заменить условными» [ГАРФ: Ф. 1318. Оп. 1. Д. 130. Ч. 1. Л. 7]. Изменения в этом направлении

были проведены Постановлением Президиума областного исполкома Советов от 24 января 1923 г. «О внесении корректив в обязательное постановление о реализации чувашского языка, изданного 22 марта 1922 г.»: по делам, требующим командировок в места с чувашским населением, учреждения обязываются поручать таковым по возможности (а не «исключительно», как это было первоначально. — В.К.) лицам, владеющим чувашским языком; во главе отдельных учреждений, их подотделов и секций должны стоять преимущественно (а «не должны стоять» — В.К.) лица, владеющие чувашским языком [ГИА ЧР: Ф. 125. Оп. 1. Д. 19. Л. 55].

Спротивление РЧЯ шло не только со стороны русскоязычных советских служащих. Как отмечалось в записке редактора газеты «Чувашский край» П.З. Львова, «реализация чувашского языка... встречала жесткий отпор со стороны «интернациональных коммунистов» [ГАРФ: Ф. 1318. Оп. 1. Д. 426. Ч. 2. Л. 119]. Показательно в этом отношении «дело» заведующего областным отделом юстиции П.А. Алексеева, чуваша по национальности, который занял непримиримую позицию по вопросу осуществления национально-языковой политики в Чувашии. 27 февраля 1922 г. он направил протест в наркомат юстиции РСФСР и копию в Президиум облисполкома Советов ЧАО на постановление облисполкома «О реализации чувашского языка...» от 26 января 1922 г., в котором просил наркомост войти с ходатайством в Президиум ВЦИК об отмене постановления о РЧЯ «в части, касающейся введения его в делопроизводство в государственных советских учреждениях, в судопроизводстве...» [ГАСИ ЧР: Ф. 1. Оп. 3. Д. 14. Л. 22]. Свою позицию «главный законник» Чувашии мотивировал тем, что постановление практически не может быть проведено в жизнь, «потому что ни один Наркомат, главк не даст своего согласия, т.к. им придется создавать в Чувобласти параллельные органы, ибо их работники чувашским не владеют»; в ЧАО недостаточно лиц, владеющих чувашским литературным языком и канцелярской терминологией; постановление противоречит декрету ВЦИК об образовании национальных областей и Положению о народном суде РСФСР от 31 октября 1920 г., согласно которым национальным областям и трудовым коммунам предоставлены только права губернских исполкомов «и в силу этого они не имеют прав на ломку в местных органах юстиции...» и правомочны лишь определять, «на каком языке вести судоговорение, но не судопроизводство» [ГАСИ ЧР: Ф. 1. Оп. 3. Д. 14. Л. 21—21 об.].

Однако эти взгляды П.А. Алексеева на заседании бюро обкома РКП(б) 22 марта 1922 г. были признаны не соответствующими официальным резолюциям центральных органов и органов власти Чувашской автономной области. Руководящий партийный орган принял решение исключить П.А. Алексеева из партии, предложить облисполкому Советов «в 24 час. снять с должности завобюстом и предать его суду Ревтрибунала» [ГАСИ ЧР: Ф. 1. Оп. 3. Д. 10. Л. 77].

Учитывая все названные субъективные и объективные препятствия в осуществлении политики РЧЯ, областными органами управления, Комиссией по РЧЯ разрабатывались и принимались конкретные меры по достижению поставленных целей. В кадровой политике, при приеме на работу и при сокращении штатов советских учреждений одним из главных условий выдвигалось знание чувашского языка [ГИА ЧР: Ф. 125. Оп. 2. Д. 82. Л. 17; Ф. 22. Оп. 1. Д. 251. Л. 4]. Причем соблюдения этого требования партийно-советское руководство области добивалось и в отношении тех должностей, назначение на которые являлось прерогативой Центра. К примеру, бюро обкома РКП(б), рассмотрев 1 апреля 1922 г. «Отношение Верховного Трибунала о назначении председателем обла-

трибунала
незнанием
ховного Т
шение о
командир
Денисова
должности
[ГИА ЧР:

В каче
подготовк
на чуваше
ного обра
на чуваше
трудников
1. Д. 251.
рассчитан
фии (15 ча
ного чтени
вашей (10
Н.И. Ванер
Д. 251. Л. 8

Было о
терминолог
21 февраля
кке, К.Г. Н
лось на з
Н.А. Алекс
к изданию
тических, э
поручили п
ЧР: Ф. 22. С

Новую
25 апреля
националь
ред местны
циональных
ных, знанош
проводилас
дарственный
степенного
венных раб
491]. После
ектах РСФС
ме ВЦИК со
местных яз
ориентирова
следовательно
циональных

В Чуваш
по реализаци

трибунала тов. Данилова...», признало нежелательной эту кандидатуру в связи с незнанием чувашского языка, о чем постановило «довести до сведения... Верховного Трибунала РСФСР» [ГАСИ ЧР: Ф. 1. Оп. 3. Д. 10. Л. 82]. Такое же решение обкомом партии и облисполкомом Советов было принято в отношении командированного из Москвы на должность председателя чувашского отдела ГПУ Денисова. Они вышли с ходатайством в ЦК РКП(б) об утверждении на эту должность В.В. Тюмерова, «совершенно знающего язык, быт, нравы чувашей» [ГИА ЧР: Ф. 125. Оп. 2. Д. 139. Л. 185, 186].

В качестве важнейшего направления политики РЧЯ рассматривалась также подготовка служащих государственного аппарата по ведению делопроизводства на чувашском языке. В этих целях 20 марта 1922 г. при областном отделе народного образования были открыты первые областные курсы по делопроизводству на чувашском языке, куда 15 областных учреждений направили 35 своих сотрудников, владеющих чувашским языком [К реализации: 2; ГИА ЧР: Ф. 22. Оп. 1. Д. 251. Л. 84]. Программа курсов, разработанная М.П. Петровым (Тиньхпи) и рассчитанная на 85 часов, включала изучение следующих предметов: орфографии (15 час.), морфологии (15), синтаксиса (15) чувашского языка, объяснительного чтения на чувашском языке (10 час.), делопроизводства (20), истории чувашей (10 час.). Преподавателями на курсах были определены М.П. Петров, Н.И. Ванеркке, К.М. Никишев, П.В. Лбов и Спиридонов [ГИА ЧР: Ф. 22. Оп. 1. Д. 251. Л. 85].

Было обращено внимание на создание канцелярско-делопроизводственной терминологии на чувашском языке, для чего по решению Комиссии по РЧЯ от 21 февраля 1922 г. была организована специальная группа в составе Н.И. Ванеркке, К.Г. Наумова, Ф.Д. Денисова и Кротова. Руководство ее работой возлагалось на заместителя заведующего областным отделом народного образования Н.А. Алексеева. На этом же заседании Комиссия приняла решение подготовить к изданию не позднее 1 июля 1922 г. русско-чувашский словарь научных, политических, экономических, литературных и юридических терминов. Эту работу поручили преподавателю Чебоксарского педтехникума Ф.Г. Тимофееву [ГИА ЧР: Ф. 22. Оп. 1. Д. 251. Л. 42 об.].

Новую динамику процессам РЧЯ придали решения XII съезда РКП(б) (17–25 апреля 1923 г.) и IV совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей (9–12 июня 1923 г.), которые ставили перед местными партийными и советскими органами задачу, чтобы «органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов», чтобы проводилась «систематическая и неуклонная работа по национализации государственных и партийных учреждений в республиках и областях в смысле постепенного ввода в делопроизводство местных языков с обязательством ответственных работников изучить местные языки» [КПСС в резолюциях: 2, 1970, 441, 491]. После них работа по проведению национально-языковой политики в субъектах РСФСР стала координироваться и направляться Центром. При Президиуме ВЦИК создается специальная комиссия для разработки вопроса о введении местных языков в автономных областях и республиках. Центральные органы ориентировали местные власти на планомерность, постепенность, строгую последовательность и соответствие мероприятий финансовым возможностям национальных субъектов [ГИА ЧР: Ф. 125. Оп. 2. Д. 399. Л. 2–4, 19–19 об.].

В Чувашии в связи с решениями партийных форумов был разработан план по реализации итогов работы национального совещания в автономной области,

утвержденный на заседании областного комитета бюро РКП(б) 14 декабря 1923 г. [ГАСН ЧР: Ф. 1. Оп. 4. Д. 7. Л. 259]. Он предусматривал широкий комплекс мер по дальнейшему введению чувашского языка в образовательных и государственных учреждениях: в аппаратах органов областного отдела народного образования с 1 января 1924 г.; в школах шестилетках и в восьмилетках с сентября 1924 г. в первые шесть лет ввести преподавание на чувашском языке с оставлением русского языка как предмета изучения; активизировать издание учебной литературы на чувашском языке; довести в ближайшие два года численность школьных работников чувашей в школах I ступени до 89%, в педагогические техникумы на учебу «принимать только знающих чувашский язык»; направить чувашскую молодежь в вузы СССР; состав учащихся чувашей в школах сельской местности увеличить до 95%, в городских – до 85%; широко обсуждать вопросы РЧЯ на различных совещаниях и курсах работников образовательных учреждений. Планом предполагалось ввести чувашский язык в делопроизводство с 1 января 1924 г. во всех волостных и сельских советских и партийных органах и общественных учреждениях, уездных исполкомах Советов и земельных управлений, районных отделах милиции, Президиума областного исполкома Советов, областных земельного отдела, суде и прокуратуре (судоговорение), административном отделе и совете профсоюзов; с 1 апреля 1924 г. – в уездных финотделах и милиции, областных финотделе, суде и прокуратуре (судопроизводство); с 1 октября 1924 г. – в военкоматах, статотделах, областном совете народного хозяйства и других учреждениях. Система планируемых мероприятий также включала в себя усиление коренизации государственного аппарата, создание национальных кадров рабочего класса и технических специалистов [РГАСПИ: Ф. 17. Оп. 11. Д. 252. Л. 6, 9–12].

Дополнительно к этому плану Президиум областного исполкома Советов 12 апреля 1924 г. ввел в действие Инструкцию по реализации чувашского языка в госучреждениях и госпредприятиях Автономной Чувашской области. Согласно ей, все официальные деловые бумаги на чувашском языке имели равную силу с соответствующими документами на русском языке; государственными языками всех официальных съездов и собраний являлись русский и чувашский; печати, штампы и вывески всех учреждений и предприятий, дощечки с названиями населенных пунктов и улиц должны были быть на чувашском и русском языках; все внутреннее делопроизводство в волостных исполкомах и сельских Советах; большинством чувашского населения устанавливалось на чувашском языке; все государственные органы должны были стремиться к «наибольшему привлечению на службу» лиц из чувашей или владеющих чувашским языком; во всех школах II ступени, профессионально-технических учебных заведениях, рабфаках вводилось обязательное для всех учащихся преподавание чувашского языка; областные учреждения обязывались «систематически... ставить в известность областную Комиссию по РЧЯ о работе учреждений в этой области и о всяческих затруднениях и препятствиях» [ГИА ЧР: Ф. 22. Оп. 1. Д. 280. Л. 222–223].

Масштаб поставленных задач резко повышал роль и значение Комиссии по РЧЯ как основного инструмента по разработке и проведению в жизнь политики реализации чувашского языка. Были определены правовой статус, структура и численный состав Комиссии и расширены её полномочия. Стали создаваться комиссии по РЧЯ при уездных исполкомах Советов [ГИА ЧР: Ф. 125. Оп. 2. Д. 362. Л. 108]. 20 февраля 1924 г. Президиум облисполкома Советов принял решение сформировать областную комиссию из 5-и лиц: заведующего областным административным отделом, представителей обкома РКП(б), областных отдел

народн
с предс
280. Л.
той ег
Оп. 2. Д.
20 о
котором
нять тр
Оп. 1. Д.
жение о
Д. 181.
мерного
реждени
составе
нально
РЧЯ при
нее 3-х л
ный орга
ставляю
чувашски
всех дру
всех мес
ния мате
125. Оп. 1
Прин
реля 1925
ностью на
15-и – на
28. Л. 12
вашском
циональн
служащи
вашском
ских аппа
Оп. 6. Д.
рой публ
просам РЧ
1. Д. 342.
было раз
всех уезд
«пассивна
письменн
тигнуть з
ка», устан
ственных
6. Д. 56. Л
В числ
областног
водства ге
стей при I

14 декабря 1923
рокий комплекс
льных и государ-
народного обра-
етках с сентября
языке с оставле-
издание учебной
ода численность
педагогические
зык); направлять
и в школах сель-
ко обсуждать во-
зовательных уч-
лопроизводство с
тийных органах и
земельных управ-
полкома Советов,
ние), администра-
дных финотделах
производство); с 1
ете народного хо-
ятий также вклю-
д, создание нацио-
[РГАСПИ: Ф. 17.

полкома Советов 12
чувашского языка в
ласти. Согласно
ели равную силу с
ственными языками
чувашский; печати,
с названиями на-
и русском языках;
сельских Советах с
ашском языке; все
льшему привлече-
м языком; во всех
аведениях, рабфа-
чувашского языка;
ить в известность
асти и о всяческих
[222—223].
ение Комиссии по
в жизнь политики
гатуре, структура и
Этапы создаваться
; Ф. 125. Оп. 2. Д.
етов принял реше-
ющего областным
областных отдела

народного образования и совета профсоюзов, редакции газеты «Канаш» во главе с председателем областного исполкома Советов ЧАО [ГИА ЧР: Ф. 22. Оп. 1. Д. 280. Л. 113 об.]. Вводилась должность постоянного секретаря Комиссии с оплатой его труда, которую с 1 августа 1924 г. занял М.Д. Данилов [ГИА ЧР: Ф. 125. Оп. 2. Д. 399. Л. 9].

20 октября 1924 г. Президиум облисполкома Советов вынес постановление, в котором вменил всем советским органам «в обязанность безоговорочно выполнить требования Комиссии по реализации чувашского языка» [ГИА ЧР: Ф. 125. Оп. 1. Д. 26. Л. 312]. 19 февраля 1925 г. им же было утверждено «Общее положение о Комиссиях по реализации чувашского языка» [ГИА ЧР: Ф. 147. Оп. 1. Д. 181. Л. 95]. Согласно ему, названные комиссии учреждались «в целях планомерного введения чувашского языка в деловую жизнь всех государственных учреждений и предприятий АЧО»; областная комиссия по РЧЯ образовывалась в составе не менее 3-х и не более 5-и чел. из ответственных работников, «персонально избираемых и утверждаемых» облисполкомом Советов; комиссии по РЧЯ при отделах, учреждениях и уездных исполкомах Советов в составе не менее 3-х лиц. Областная Комиссия по РЧЯ квалифицировалась как вспомогательный орган облисполкома, исполняющий распоряжения и задания, а также представляющий свои соображения и проекты на его утверждение в деле реализации чувашского языка. На неё возлагались обязанность руководить деятельностью всех других комиссий по РЧЯ, и ей давалась «вся полнота прав требовать от всех местных учреждений, предприятий (частных), кооперативов предоставления материалов по РЧЯ в возможно непродолжительное время» [ГИА ЧР: Ф. 125. Оп. 1. Д. 29. Л. 219—219 об.].

Принятые решения и меры приносили свои результаты. По данным на 1 апреля 1925 г., делопроизводство в волостных и сельских советских органах полностью на чувашском языке велось в 4 волостях, в 20-и — примерно на 30%, в 15-и — на 20%, в остальных волостях — 10% и менее [ГАСИ ЧР: Ф. 1. Оп. 6. Д. 28. Л. 122]. Для подготовки советских работников к делопроизводству на чувашском языке в волостных исполкомах Советов в Чебоксарах открылись специальные курсы. Кроме того, при 5 областных учреждениях действовали для служащих кружки по изучению чувашского языка. Было также издано на чувашском языке под редакцией Н.И. Ванерике «Руководство для низовых советских аппаратов АЧО» в двух выпусках по 3000 экземпляров [ГАСИ ЧР: Ф. 1. Оп. 6. Д. 56. Л. 123]. В газете «Канаш» открылась специальная рубрика, в которой публиковались статьи, заметки, отклики, дискуссионные материалы по вопросам РЧЯ, научным аспектам развития чувашского языка [ГИА ЧР: Ф. 22. Оп. 1. Д. 342. Л. 84—84 об.], в период с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г. здесь было размещено до 43 публикаций [ГАСИ ЧР: Ф. 1. Оп. 6. Д. 68. Л. 89 об.]. Во всех уездных, районных и областных учреждениях была введена так называемая «пассивная реализация чувашского языка», т.е. обеспечивались прием устных и письменных обращений посетителей и ответы им на чувашском языке. Но достигнуть задачи-максимум — внедрить «активную реализацию чувашского языка», установить основное делопроизводство в государственных органах и общественных учреждениях на чувашском языке — не удалось [ГАСИ ЧР: Ф. 1. Оп. 6. Д. 56. Л. 123].

В числе причин, препятствующих достижению конечной цели РЧЯ, в отчете областного исполкома Советов ЧАО о результатах в деле перевода делопроизводства госорганов на чувашский язык, представленном в Отдел национальностей при Президиуме ВЦИК (5 мая 1925 г.), назывались: нехватка специалистов

по разным отраслям управления, владеющих чувашским языком; привычка служащих советских учреждений работать на русском языке; отсутствие пишущих машинок с чувашским шрифтом; дефицит финансовых средств для проведения всех намеченных мероприятий по РЧЯ [ГИА ЧР: Ф. 125. Оп. 2. Д. 399. Л. 23].

Политика реализации чувашского языка продолжалась вплоть до середины 1930-х годов. Но наиболее активная её фаза пришлась на 20-е годы, когда была создана нормативная база, сформировался организационный механизм, и определены основные направления осуществления РЧЯ. Однако с конца 20-х годов усиливается процесс унификации языковой среды, хотя окончательный поворот в языковой политике произошел во второй половине 1930-х годов, получив закрепление в постановлении ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 13 марта 1938 гг. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» [Алпатов 1995: 89]. Этому способствовал ряд факторов. Изменилась конкретно-историческая ситуация в стране на рубеже 1920-х – 30-х гг.: произошел отказ от нэпа, который сопровождался свертыванием демократических процессов и в сфере национальных отношений, превалирующей здесь с начала 1930-х гг. стала тенденция к унификации всего национального многообразия. Но гораздо более существенную роль в смене вех в языковой политике сыграли объективные потребности в жизни страны. Следует согласиться с мнением видного исследователя процессов национального языкового строительства в СССР В.М. Алпатова о том, что в многонациональном обществе всегда взаимодействуют две противостоящие друг другу потребности: идентичности и взаимопонимания. Потребность идентичности заключается в том, что человеку хочется во всех ситуациях общения пользоваться родным языком, хорошо усвоенным в раннем детстве. Потребность взаимопонимания состоит в желании общаться без помех с любым собеседником [Алпатов 1993: 13–14]. В эпоху индустриальной модернизации хозяйственной централизации, усиления коммуникативных связей на первый план вышла потребность взаимопонимания: общения людей независимо от их этнической и языковой принадлежности на едином для всех языке. В советской стране реально им мог стать русский язык.

Названные обстоятельства в конечном итоге определили, что политика РЧЯ не была доведена до логического конца и не достигла своей конечной цели: чувашский язык не стал де-факто официальным и равным русскому языку. Тем не менее, в ходе осуществления мероприятий по РЧЯ удалось, вне всяких сомнений, достигнуть позитивных результатов. Общим их итогом стало функционирование чувашского языка в качестве регионального: расширилась сфера употребления родного языка в общественной и государственной жизни автономии; стимулировалось развитие и совершенствование его литературной разновидности, обогащение лексико-фразеологических средств и стилистических возможностей [Петров 1980: 195]. Перевод делопроизводства в органах управления и общественных организациях на чувашский язык; коренизация аппарата разрушили тот языковой барьер, который существовал при самодержавии между вверенным населением и правительственными и земскими учреждениями, являясь предпосылкой для повышения гражданской активности чувашских трудящихся, вовлечения их в сферу общественно-политической жизни. Введение родного языка как языка школьного и профессионального обучения позволило в кратчайшие сроки покончить с массовой неграмотностью и поднять культурно-образовательный уровень титульного этноса Чувашии.

Алт
ность // Е
Алта
мысль, 1
Вест
Вокр
АЧО, 192
ГАРФ
ГАСИ
публики.
ГИА
Декре
626 с.
К реал
2.
КПСС
– М., 1970
НА РТ
Нена
ветской пл
Образ
с.
Петро
РГАСИ
истории
Хроник
Чуваши

*Klemen
policy in th*

*Summa
of solving fa
The aut
mechanism
efficiency of
Key wo
RChL Com*

*Свед
вед. научн.
гуманитарн*

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов В.М.* Языковая политика в СССР в 20—30-е годы: утопии и реальность // *Восток*, 1993, №5. — С. 113—127.
- Алпатов В.М.* Языки в советском и постсоветском пространстве // *Свободная мысль*, 1995, № 4 — С. 87—98.
- Вести из уездов // *Чувашский край*, 1922, 31 мая, № 65 (166). — С. 1.
- Вокруг съезда деятелей просвещения // *Известия облисполкома и областкома АЧО*, 1921, 15 дек. № 66 (87). — С. 2.
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.
- ГАСИ ЧР — Государственный архив современной истории Чувашской Республики.
- ГИА ЧР — Государственный архив Чувашской Республики.
- Декреты советской власти. Т. 1. (25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г.). — 626 с.
- К реализации чувашского языка // *Чувашский край*, 1922, 5 мая, № 54. — С. 2.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. — М., 1970. Изд. 8-е доп. и исправл. — 543 с.
- НА РТ — Национальный архив Республики Татарстан.
- Ненароков А.П.* Из опыта национально-языковой политики первых лет советской власти // *История СССР*, 1990, №. 2. — С. 3—13.
- Образование Татарской АССР. Сб. док. и материалов. — Казань, 1963. — 503 с.
- Петров Н.П.* Чувашский язык в советскую эпоху. — Чебоксары, 1980. — 208 с.
- РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
- Хроника // *Чувашский край*, 1922, 21 июня, № 74 (175). — С. 2.
- Чувашский край*, 1922, 14 фев. № 25 (126). — С. 1.

Klementyev Vladimir N. Upon the practice of realization of national-language policy in the Chuvash autonomous region (1920—1925).

Summary: On the example of Chuvashia, the author of the article shows the way of solving language problems in Soviet Russia in 1920s.

The author considers problems of formation and functioning of organizational mechanism aimed at carrying out national-language policy, main actions in this area, efficiency of the policy and basic causes leading to its slowing down.

Key words: national-language-policy, realization of the Chuvash language policy, RChL, Commission of RChL, language construction.

Сведения об авторе. Клементьев Владимир Николаевич, канд. истор. наук, вед. научн. сотрудник отдела истории Чувашского государственного института гуманитарных наук (ГИГН), г. Чебоксары. E-mail.: Human2000@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЮРКО-ЛАТИНСКОЙ
ГРАММАТИКИ ИЕРОНИМА МЕГИЗЕРА «INSTITUTIONUM LINGUÆ
TURCICÆ LIBRI QUATUOR» (1612 г.)

Ф.Ш. Нуриева, М.М. Петрова, М.М. Сунгатуллина, г. Казань

Резюме. В статье рассматривается структура грамматики И. Мегизера «Institutionum linguæ Turcicæ libri quatuor» (1612 г.) и особенности ее перевода на татарский и русский языки.

Ключевые слова: тюркская грамматика, структура книги, принципы перевода, татарский язык, русский язык.

17–18 октября 2012 г. в Казани состоялась Международная научно-практическая конференция «Тюркоязычная книга в контексте мировой духовной культуры», приуроченная к 400-летию появления печатной тюркской грамматики Иеронима Мегизера.

К открытию конференции было подготовлено репринтное издание с переводом на татарский и русский языки труда И. Мегизера [Мегизер, 2012]. Эта книга четыре века назад послужила импульсом для изучения тюркских языков в Западной Европе. Репринтное издание вышло в свет благодаря труду тех, кто имел непосредственное отношение к выявлению, возвращению, подготовке книги к публикации: ученых Академии Наук РТ и Казанского федерального университета, сотрудников Архивного управления при Кабинете Министров РТ, соотечественников, проживающих в Германии.

Грамматика Иеронима Мегизера «Institutionum linguæ Turcicæ libri quatuor» («Основные правила тюркского языка в четырех книгах») является первой европейской печатной грамматикой тюркского языка [Megisero 1612], которая была издана в Лейпциге в 1612 г.; экземпляр её хранится ныне в библиотеке Лейпцигского университета.

Иероним Мегизер (Hieronymo Megisero) – «ученый с основательными и многосторонними знаниями и богатым опытом путешественника», так отзывался о нем его биограф Т. Эльзе [Elze 1885: 183–185].

Иероним Мегизер родился в 1554 г. в г. Штутгарте. В 1571–1577 гг. он учился в Тюбингене, работал учителем, вел частные занятия. В 1582 г. изучал право в г. Падуа. Много путешествовал, был в Италии, на Мальте, в Англии, в Голландии. Изучал также историю, занимался картографией, астрономией. С 1590 г. занимал должность историографа эрцгерцога Карла в Граце, в 1593–1601 гг. работал директором протестантской школы в Клагенфурте. После возвращения во Франкфурт занимал должность профессора Лейпцигского университета. В 1612 г. ему предложили пост директора городской библиотеки в г. Линце в Австрии. Умер Иероним Мегизер в 1619 г. в Линце.

Мегизер заявил себя в литературе как издатель исторических, географических, философских и поэтических произведений: ему мы обязаны первым немецким изданием путешествий Марко Поло, компиляций из рассказов путешественников о Сибири [Алексеев 1968: 75–282], первых карманных путеводителей, первой тюркской грамматики. Он оставил свыше 36, в большинстве случаев изданных по

несколь
тетов на

Мег
вишн
нитель
варе к
позвол
тинские
языка, сл

Грам
разу гра
сания эт
197–210]
шенных
скому фо
ному Х. П

Грам
структу
[Megisero
развернут
старого о
священн
работы. Э
для учены
точных д
факт, что л

Изучен
дит станов
тинской гр
втором – р

Первы
щается фо
сывается д
ты в соотв
латинскую
ждает о при
сматривает
ные знаки,
тюркского
четаниями,

В текст
приспособл
тюркского
рых слов т
baschka, bas
графической
различного
ских тюркск
зует следую
вы «u» (hur
(delirlük «ж
тыре», giog «

2012

несколько раз, сочинений, которые в настоящее время принадлежат к числу раритетов наших библиотек.

Мегизер знал много языков, что подтверждается его большим трудом «Сокровищница всех языков, или Многоязычный словарь» объемом 759 страниц – сравнительный словарь всех важнейших наречий старого и нового света. В этом словаре к латинским словам приведены соответствия на различных языках, насколько позволяли источники, находившиеся в распоряжении автора. Так, например, латинские слова с начальными буквами A, Ab сопровождаются примерами из 31 языка, слово *brevis* – из 19, *cavea* – из 13, *color* – из 16 [Алексеев 1968: 55–56].

Грамматика «*Institutionum linguæ Turcicæ libri quatuor*» была составлена по образцу грамматик латинского языка [Кононов 1976: 16]. В наше время первые описания этого труда принадлежат турецкому ученому А. Диличару [Dilaçar 1970: 197–210] и татарскому ученому А. Каримуллину, автору исследований, посвященных истории татарской печатной книги [Каримуллин 1992: 42–46], и татарскому фольклористу Х. Махмудову [Махмудов 2002: 175–178], немецкому ученому Х. Штайну, [Stein 1984: 55–104].

Грамматика, общий объем которой составляет 340 страниц, имеет четкую структуру. Вступительная часть «*Institutionum linguæ Turcicæ libri quatuor*» [Megisero 1612:12–26] включает титульный лист, содержание частей работы в развернутом виде и посвяtitельное послание. Послание это, согласно законам старого официального стиля, является довольно пространным, содержит как «Посвящение», так и убедительные доказательства важности и актуальности данной работы. Эта часть работы представляет интерес не только для лингвистов, но и для ученых, изучающих историю Европы XV–XVII вв., поскольку содержит ряд точных датировок некоторых исторических событий. Автор подчеркивает тот факт, что языки тоже могут воевать и спасать жизни.

Изучение грамматического материала показывает, что в тот период происходит становление сопоставительных исследований по языкам. По аналогии с латинской грамматикой, первый раздел содержит описание звукового строя, а во втором – рассматриваются части речи.

Первый раздел «*De Orthographia Turc-Arabica*» [Megisero 1612: 27–77] посвящается фонетике, дается общая характеристика арабо-тюркского алфавита. Описывается алфавит, состоящий из 31 буквы с их названиями, указываются варианты в соответствии с позицией в слове, звуковое значение букв поясняется через латинскую графику, а также приводятся образцы арабского шрифта. Автор рассуждает о приспособлении арабского алфавита к тюркской фонетике, отдельно рассматривает те буквы, которых нет в арабском алфавите и применяет дополнительные знаки, например, φ «п», ξ «ф», ζ [ц]. При обозначении шипящих звуков тюркского языка, отсутствующих в латинском языке, выражены буквенными сочетаниями, например, *fch*, *dfch*, *tfch*.

В тексте грамматики прослеживается проблема соотношения «звука и буквы», приспособление латинской графики для обозначения звуковых особенностей тюркского языка. Так, например, наблюдается вариативность в написании некоторых слов типа, *seumek*, *seufmek*, *sevmek* «любить»; *tshachsir*, *tshakfchir* «саног», *baschka*, *baschkaia* «другой», *abret*, *affaret*, *avurat* «женщина», и др.; разнообразие графической передачи звука «с»: *s*. На наш взгляд, это может быть отражением различного диалектного произношения информаторов. Для передачи специфических тюркских переднеязычных огубленных гласных звуков И. Мегизер использует следующие приемы: [ü] в большинстве случаев передается при помощи буквы «u» (*hurmet* «уважение», *iurekli* «сердечный»), очень редко через букву «ü» (*delirlük* «жизнь», *euflelük* «святость»); [ö] передается через [o] или [io] (*dort* «четыре», *giog* «небо») и др.

Большое место уделяется способу образования согласных. Автор классифицирует согласные следующим образом: лабиальные, губные и средние согласные. Также стоит отметить, что И. Мегизером правильно подмечено, что у слов, начинающихся с сочетания согласных, присоединяется в начале дополнительная гласная буква, например, *fcendere - ifcendere*. Все это говорит о тонком языковом чутье И. Мегизера и его желании более полно и точно передать читателю звучание тюркской речи.

В главах раздела приведены образцы текстов из Корана, пословицы и поговорки на арабском шрифте, их транскрипция и перевод на латинский язык для отработки особенностей арабской каллиграфии и упражнений в связной речи. Мегизер подчеркивает важность практики для усвоения правильного произношения тюркской речи.

Во втором разделе «*Isagoges Grammaticae Turcicae*» [Megisero 1612:79–181] очень подробно описаны части речи и грамматические категории: существительные, числительные, местоимения, глаголы, причастия, наречия, предлоги, союзы, междометия. Общие определения частей речи по образцу латинской грамматики не даны; существительное, прилагательное и местоимение рассматриваются в составе имени существительного, упоминается категория рода (*generis*). И. Мегизер отмечает, что грамматическая категория рода и согласование слов по этому принципу не свойственны тюркам, а изменение по падежам и числам имеет определенные аналогии с латинским языком [Megisero 1612:79–89]. Особый интерес представляет описание категории принадлежности, свойственной только тюркским языкам. Мегизер не только обратил внимание на эту своеобразную категорию, но и довольно правильно истолковал ее, выделив, однако, в особый разряд – разряд притяжательных местоимений [Megisero 1612: 96–106]. Поскольку терминология применительно к тюркским языкам не была сформирована, для обозначения окончаний И. Мегизер использует термины «частица» и «слово». В переводе на татарский язык мы их заменили современными терминами.

Описанию глагола – самой сложной части речи в тюркских языках, отводится особое место [Megisero 1612:106–159]. В частности, выделены категории числа, лица, наклонения, времени, залога, отрицательные и утвердительные формы. И. Мегизер исследует основу глагола, приводит правило для ее выделения. Среди личных глаголов рассматриваются глаголы *indicativus*, *imperativus*, *subiunctivus*. По-видимому, под субъюнктивом автор подразумевает латинское сослагательное наклонение и приводит спряжение в четырех временах. Однако в тюркском языке такого одновременного спряжения нет. При переводе на татарский язык мы придерживались передачи толкования автора, и, возможно в некоторых случаях перевод носит формальный характер.

Из личных форм глагола выделены только причастие и инфинитив, однако формы, соответствующие дееспричастию, включены в парадигму *infinitivus*.

В этом разделе дается перечень наречий с подробным делением на группы, иногда автор слишком расширительно толкует эту часть речи. Здесь же рассматриваются предлоги, союзы и междометия с привлечением иллюстративного материала.

Естественно, у автора имеются отдельные места, где мы можем с ним не согласиться. Однако нужно учитывать, что это один из первых европейских трудов по тюркскому языку, и несмотря на стереотипы, существующие у лингвистов того периода, И. Мегизеру удалось раскрыть фундаментальные основы тюркского языка и его специфику.

Третий раздел [Megisero 1612:183–226] содержит хрестоматийный материал: различные упражнения, основные положения христианской религии, две сотни пословиц и изречений, которые частично тюркского происхождения, а частично переведены на тюркский язык с латыни. Будучи полиглотом, И. Мегизер хотел

как мож
словны
ские; лат

При
старан
ности. Т
водятся
мы види
использо
случаях,
лат. досл
такой пер

В слу
ности; пер
эквивален
основу тюр
смыслово
ными сп
близкие, т
ческих ра
вестных а
латинском
ется один
системно
пользоват

После
Latinum» [1
(2460 слов
тюрко-лат

Темат
жизни. Ос
наиболее у
шое колич
мужские. Э
текстами
Ибрагим, д
фические
Названия
ко-админ
книги или

Есть в
инских на
ного мира.
ния воинст
слова, нео
принадлеж

Интер
Даны назн
циональн
Состав
теоретичес
чания мето

как можно более точно передать схожесть мыслей и поэтому привлекал также пословицы различных языков, близкие по значению: тюркские, арабские, персидские; латинские, немецкие, итальянские.

При переводе материала третьего раздела на татарский и русский языки мы старались сохранить текст автора. Однако при работе возникали некоторые сложности. Тюркская часть пословиц дана у Мегизера в одном варианте или реже приводятся их эквиваленты из арабского и персидского языков. В латинской же части мы видим разные способы передачи содержания тюркских пословиц. Чаще всего использовался эквивалент из латинского, немецкого и итальянского языков. В тех случаях, когда автор не находил эквивалента тюркским пословицам, Мегизер делал дословный перевод на латинский или немецкий языки. Иногда он дополнял такой перевод разъяснением смысла данной пословицы (напр.: № 5, 37, 190 и др.).

В случае употребления автором эквивалентов перевода у нас возникали сложности: переводить ли тюркские пословицы дословно или брать за основу авторские эквиваленты на европейских языках. При переводе на татарский язык мы брали за основу тюркские пословицы и старались придерживаться их точной лексической и смысловой передачи. Что касается перевода на русский язык, то мы поступали разными способами. Во многих случаях проблем не было, так как переводы были близкие, тюркские и латинские пословицы совпадали, не считая небольших лексических различий. Когда же содержались изречения из священных книг или из известных античных авторов при переводе на русский язык, мы давали предпочтение латинскому варианту (например, № 7, 13, 61, 88, 187 и др.) Тем более, что это является одним из допустимых способов переводов фразеологических единиц в разносистемных языках (см. любой двуязычный словарь). В отдельных случаях мы использовали дословный тюркский перевод (№ 184, 188, 189, 193 и др.).

Последний (четвертый) раздел «*Dictionarium Latino-Turcicum et Turcico-Latinum*» [Megisero 1612: 228–338] состоит из двух словарей: латинско-тюркского (2460 слов) и тюрко-латинского (2440 слов). В нашем издании приводится лишь тюрко-латинская часть словаря и его перевод на татарский и русский языки.

Тематика словаря весьма разнообразна и охватывает практически все сферы жизни. Основную массу словаря составляет лексика, обозначающая наименования наиболее употребительных понятий, явлений, предметов. Кроме того, дано большое количество имен собственных. В ряду их личные имена, почти все только мужские. Здесь представлены имена, связанные преимущественно с библейскими текстами или политическими и историческими событиями (Авраам-Абрам-Ибрагим, Александр-Искандер, Мария и др.). Особую группу составляют географические наименования. Топонимика представлена во всем своем многообразии. Названия населенных пунктов, водных объектов, особенностей рельефа, политико-административных единиц имеют отношение к событиям времени написания книги или недавнего прошлого, а также к событиям, связанным с историей.

Есть в словаре и сугубо научный материал, касающийся, как правило, медицинских наименований, а также наименование объектов растительного и животного мира. Весьма широко представлена в словаре военная лексика: наименования воинских подразделений и обустройства военного лагеря, видов доспехов, слова, необходимые для описания принадлежности конной упряжки, кухонных принадлежностей.

Интересна лексика, относящаяся к торговле, административной деятельности. Даны наименования различного рода провианта, яств, напитков, в том числе национальных тюркских блюд (например, плов, катык, шербет).

Состав словаря ни в коей мере не ограничивается иллюстрацией материала теоретической части. Широта лексического материала словаря, некоторые примечания методического характера в грамматической части, сам характер подачи это-

го материала, довольно свободная манера изложения, богатая синонимика позволяют говорить о том, что грамматика тюркского языка Мегизера, при всей ее точности и грамматической ясности, являет собою также черты самоучителя. Это несколько не умаляет ценности работы, а напротив, привлекает материалом не только лексикой общелитературной, но и большим количеством слов, обиходных выражений, восклицаний междометного характера, представляющих разговорную речь.

Словарь грамматики, также как пословицы, был ценным материалом для изучающих тюркский язык и открывал широкие перспективы для использования его самыми разными людьми.

Структура словаря довольно проста. Словарные статьи состоят из двух столбцов: первый столбец – тюркское слово, второй столбец – латинское слово. В некоторых случаях встречались технические погрешности в издании И. Мегизера: слова из одного столбика оказывались во втором, например, при указании дополнительных форм глагола и имени существительного в тюркском материале. Слова давались обычно с одним переводом, не всегда позволяющие установить правильное значение слова. На это указывал и сам Мегизер, подчеркивая, что он берет только основное значение слов: «Великая польза и множество удобства от знания сего тюркского языка происходит даже в том случае, если имеется только поверхностное знание, пусть даже только основное значение слов этого языка усваивается, – смысл же в целом будет, я уверен, вполне понятен. Твоему Величеству это все хорошо известно, поэтому не стоит тратить на объяснение много слов. Ведь как прекрасно и почетно, возвышенно и похвально, как для всех сторон человеческой жизни полезно, как, наконец, в мирное время и во время войны, дома и в военном походе – всюду необходимо как знание других иностранных языков, так, в особенности в этот наш век, знание и понимание тюркской речи». [Мегизер 2012:15–16]. Если к пословицам давались пространные объяснения, то в словаре латинская часть давалась довольно схематично, без каких-либо указаний.

Можно высказать предположение, что для людей, знающих латынь, а таковыми являлись все образованные люди того времени, такие указания были излишними. В тюркской же части привлечена дополнительная информация. Например, у глаголов указывается не только инфинитив, но и форма первого лица изъявительного наклонения. В латинской же части в одних случаях давался инфинитив, а в других форма первого лица настоящего времени. И это отразилось в наших переводах: татарский перевод основывался на подаче слова в тюркской части, а русский перевод ориентировался на латинскую часть.

К сожалению, наш первоначальный замысел подачи словаря не вполне удался. Мы предполагали разместить словарь, разделив его на пять столбиков: тюркское слово, латинское слово в современном написании, перевод на татарский язык, перевод на русский язык и примечания. Все это предполагалось сделать в виде таблиц. В связи с техническими трудностями печати, два первых столбца убрали, посчитав, что они даны в оригинале, а примечания как бы сбивали строчку, не умещались на странице, поэтому этот столбец также не был включен в издание. Это привело к определенным погрешностям в расположении материала. В некоторых случаях оказались сбитыми строчки, и иногда трудно определить, к какому слову относится перевод. Во избежание ошибок в передаче некоторых топонимических названий на татарский язык мы ограничились только подачей родового наименования.

Мы хотим высказать благодарность тем ученым, которые успели познакомиться с нашим трудом и высказать как положительные, так и критические отзывы. Это говорит о том, что наш труд вызывает интерес. Поскольку, это первый перевод грамматики Мегизера, вполне понятно, что не могло обойтись без некото-

рых погрешностей в истории языка.

Таким образом, изучение тюркского материала в попытке исторического воссоздания речи в тюркском

Алексеев Л. – Л.: Наука, 1987.

Каримуллин И. – 207 с.

Кононов Л. – 118 с.

Махмудов И. – мятниках 8–1

Мегизер И. – Нуриева, М.М. П

гариф-Вакаф, Dilaçar A.

TDAYB, 1970

Elze Th. – 183–185.

Megisero I. – Stein Heide

Academiae Sci

Nuriyeva F. – Peculiariti

Meghizer «Ins

Summary. – «Institutionum I

grammar book

Key words language, Russ

Сведения зав. кафедрой,

ный универси

Петрова М

Казанский (Пр

Сунгатулд

(Приволжский

рых погрешностей. Мы надеемся, что эта работа окажется полезной для изучения истории языка тюркских народов.

Таким образом, тюрко-латинская грамматика Иеронима Мегизера важна для изучения первоначальных попыток лингвистического осмысления тюркологического материала, для выявления тех особенностей, которые обнаруживаются при попытке использовать классический подход к исследованию тюркского языка, для воссоздания объективной картины развития и становления грамматической теории в тюркологической науке.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев М.П.* Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века. – Л.: Наука, 1968. – 155 с.
- Каримуллин А.* У истоков татарской книги. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. – 207 с.
- Копонов А.Н.* Очерк истории изучения турецкого языка. – Л.: Наука, 1976. – 118 с.
- Махмудов Х.* Слово, сказанное предками (Афоризмы в тюркско-татарских памятниках 8–17 в.). – Казань: Фикер, 2002. – 256 с. (на татарском языке).
- Мегизер И.* Основы тюркского языка / пер. с латин. и комментарии Ф.Ш. Нуриева, М.М. Петрова, М.М. Сунгатуллина / научн. ред. Д.М. Насилов. – Казань: Магариф-Вақыт, 2012. – 288 с.
- Dilaçar A.* 1612 de Auropada yayımlanan ilk türkçe grammerinin özellikleri. – TDAYB, 1970. – S. 197-210.
- Elze Th. H.* Megiser. Allgemeine. Deutsche Biographi. – Bd. XXI. 1885. – S. 183–185.
- Megisero H.* Institutionum linguæ Turcicæ libri quatuor. – Leipzig, 1612. – 340 s.
- Stein Heidi.* Eine türkische Sprichsammlung des 17. Jahrhunderts // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. Tomus XXXVIII (1–2). – Leipzig, 1984. – S. 55–104.

Nuriyeva Fanuza Sh., Petrova Margarita M., Sungatullina Mil'ausha M.
Peculiarities of the translation of the Turkic-Latin Grammar by Ieronim Meghizer «Institutionum linguæ turcicæ libri quatuor» (1612)

Summary. This article is devoted to analysis of structure of H. Megisero's book «institutionum linguæ Turcicæ libri quatuor» (1612) and peculiarities of translation of this grammar book to the Tatar and the Russian languages.

Key words: Turkic grammar, structure of book, peculiarities of translation, Tatar language, Russian language

Сведения об авторах. Нуриева Фануза Шакурровна, докт. филол. наук, проф., зав. кафедрой, Ин-т филологии и искусств, Казанский (Приволжский) федеральный университет. E-mail: fanuzanurieva@yandex.ru

Петрова Маргарита Михайловна, ст. препод., Ин-т филологии и искусств, Казанский (Приволжский) федеральный университет. E-mail: mifi kfu@mail.ru

Сунгатуллина Миляуша, аспирант, Ин-т филологии и искусств, Казанский (Приволжский) федеральный университет. E-mail: mifi kfu@mail.ru

СИСТЕМЫ СЧИСЛЕНИЯ В КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Дж. Акын, г. Афион (Турция)

Резюме. В работе рассматриваются системы счисления, существующие в литературном киргизском языке и в его диалектах, в сравнении с древнетюркскими языками, а также с другими современными тюркскими языками и диалектами.

Ключевые слова: счисление, киргизский язык, диалект, древнетюркские языки, тюркские диалекты

Следует отметить, что в современном литературном киргизском языке, а также в его диалектах и говорах наряду с системами счёта, имеющими общетюркские черты, используются системы счисления, имеющие отличия, которые находят параллели в языке тюркских памятников, включая древнетюркские, и в других тюркских языках.

Известно, что названия чисел первого десятка в древнетюркских (енисейских, орхонских и уйгурских) рунических надписях одинаковы, но в составных числительных применяются разные системы счёта. В древнетюркском языке для выражения количества сверх десяти использовали слово *artuکی* (I) 'больше, плюс, да ещё', а также принцип счёта, где впереди ставятся единицы, а затем уже десятки следующего разряда (II), т.е. «путь приближения к следующему десятку» [Gülsevin 2001]. Например:

I. *on artuکی bir* (=11, досл. 'десять да ещё один'), *yigirmi artuکی biş* (=25).

II. *altı yigirmi* (=16, досл. 'шесть единиц второго десятка'), *iki otuz* (=22).

В енисейских надписях система количественных числительных совпадает с системой, существующей в орхонских текстах, в них также имеются примеры исчисления от одного до восьмидесяти. Но в отличие от орхонских в енисейских надписях не отмечены примеры, образованные с помощью *artuکی*. Среди простых количественных числительных древнеуйгурского языка отличий не отмечено, кроме *han* '10 000' < кит. В сложных числительных также продолжает использоваться приведенная выше система, кроме этого, выступают формы, которые не встречаются в древнетюркских текстах. Например: *Tokuz sekiz on* (= 79), *yüz tört elig* (= 144), *yüz yit tokuz on* (= 187).

Здесь отмечаются также системы «приближения к следующему десятку» с *artuکی*: *Biş yüz artuکی eki otuzunç lagzın yulka* (=532); «приближения к следующему десятку» с *taki*: *üç yüz taki sekiz altmış* (=358); а также формы, образованные путём повторения числительных: *yüz yüz miñ miñ* (=10. 000 000 000), путём следования одного числа за другим: *sekiz tümen tört miñ* (=84 000), в больших числах используются форма с *ulug*: *üç miñ ulug miñ*, и обычная для современных тюркских языков система счёта, в которой сначала ставятся десятки, затем единицы: *yigirmi bir* 'двадцать один' [Kaymaz 2002: 750–753].

Что касается системы счёта в караханидском языке, то она не отличается от приведенных выше способов образования сложных числительных, в хорезмийском тюркском языке сложные числительные, например, также образованы путём использования слова *artuکی*.

Для
например
словами
tokuz (= 50 = 950)
числитель
miñ... (= 1
мы со сло
karida 'в
309', кро
тельных;
В старок
ла образу
разуется
000 000) [

В сист
диалектам
существующим
Например
узбекского
го языка)
kem 'мень
года шест
ва и др. 19

Та же
bir kem ст
семьдесят'
армии (до
tiginogu ke
матерью в
100).

В джал
скими аф

В этих
языке) с
ли'; *Ekit*
сто [Бакин

Аффик
говорах: *В*

дать семь
ту'; *Men on*
Данные аф
[Бакинова

В горо
говорах, ве

Например:

bir miñ bir

(в лит. яз
нова 1956: 1

Аффикс
щийся в ба
ском говоре

2012

Для выражения больших чисел в истории тюркских языков употреблялись, например, и такие формы: *tümen miñ* (= 10 000 x 1000), *yeti tümen* (7 x 10 000); со словами *taki* 'ещё, сверх, и': *yigirmi taki biş* (= 20 и ещё 5 = 25), *ve 'и': üç yüz ve tokuz* (= 309), и *egsük* 'недостаток, убыток, т.е. минус': *eliğ egsük miñ* (1000 минус 50 = 950), *Eliğ egsük miñ yıl da'vat kaldı*, а также употребляются формы, в которых числительные непосредственно следуют друг за другом: *yüz miñ yigirmi dört miñ...* (= 100-1000-20-4-1000 = 124 000). В чагатайском языке используются формы со словами *taki*, *dagi*: *min taki kırk* 'тысяча ещё сорок, т.е. 1040' (*tarih min taki kırkda* 'и тысяча сороковым году'), а также *ve*: *üç yüz ve tokuz* 'триста и девять, т.е. 309', кроме того имеются модели, где используются падежные формы числительных: *Bu kün tarih minde yümty birde...* 'сегодня, дня тысяча семьдесят первого'. В старокыпчакском языке так же, как и в других тюркских языках, сложные числа образуются как бы путём умножения: *iki yüz* (2 x 100 = 200). А «миллион» образуется путём повторения слова *miñ* 'тысяча': *miñ miñ* 'тысяча тысяча' (= 1 000 000) [Каумаз. 2002: 753-756].

В системах счисления современного литературного киргизского языка и в его диалектах и говорах наряду с аналогичными вышеуказанными примерами, существующими в старотюркских языках, встречаются и другие, отличные модели. Например, в джалалабадских говорах киргизского языка (под влиянием говоров узбекского, а также акеунского, хотанского и кашгарского говоров новоуйгурского языка) существует модель сложного числительного с использованием слова *kem* 'меньше, недостаточный > минус': *Biri kem altınışka kirdim* 'Мне без одного года шестьдесят'; *Üçü kem cetmişke kirdim* 'Мне без трёх лет семьдесят' [Бакинова и др. 1958: 72].

Та же конструкция отмечена в тюркском диалекте таласского говора: *Byıl bir kem seksenge çiktim go* 'В этом году мне же исполнилось без одного года семьдесят'; *Üç kem elinwince cılı balam artınışkan keldi* 'Мой ребёнок приехал из армии (дословно: без трёх лет в пятидесятом) в сорок седьмом году'; *Menin tiginoğı Kempirim ekem kem on balamın apası boldu* 'Моя спутница жизни является матерью восьмерых детей (дословно: без двух десятерых детей)' [Ахматов 1959: 100].

В джалалабадских говорах порядковые числительные образуются общетюркскими аффиксами *-ıncı/-inçı*, как и в литературном киргизском языке.

В этих говорах отмечена форма штучных числительных (как в узбекском языке) с аффиксом *-ta/-te*: *Bul ekitası oorup kapır* 'Эти двое, оказывается, заболели'; *Ekitä eläü birikse cüz bolot da* 'Если прибавить две пятидесятки получится же сто' [Бакинова и др. 1959: 71].

Аффикс *-ta/-te*, передающий значение «штука», также встречается в ошских говорах: *Bitta adamga cetüta kaptı atıp(artıp) koyso bolovu* 'Одному человеку можно дать семь посуды'; *Kırgız üy tigip koyot pitta* 'Он построит одну киргизскую юрту'; *Men on ekita balamdı eesige bergemmin* 'Я выдал замуж двенадцать дочерей'. Данные аффиксы чаще встречаются в речи киргизов, живущих близко к узбекам [Бакинова 1956: 69].

В городе Озгоруш Лейлакского района, язык которого относится к ошским говорам, выступает система счёта, которая не встречается в литературном языке. Например: *on eki cüz* (в лит. языке: *bir miñ eki cüz* = 1200), *on bir cüz* (в лит. языке *bir miñ bir cüz* = 1100), *on ceti cüz* (в лит. языке *bir miñ ceti cüz* = 1700), *stırma cüz* (в лит. языке *eki miñ* = 2000), *on üç cüz* (в лит. языке *bir miñ üç cüz* = 1300) [Бакинова 1956: 67-68].

Аффикс приблизительного счёта, выступающий в форме *-LAGAn*, встречающийся в башкирском, караимском и ногайском языках, существует также в таласском говоре: *bişlegen* 'около пяти'. Однако здесь этот аффикс примыкает часто к

аффиксу *-DAy/-DOy*, который в киргизском языке является эквивалентом тур. *gibi* 'подобный, подобно'. Например: *Ondoylogon atçandar tetinogu kalkostun tameki sarayına kelip tüstü* 'С десяток конных прискакали в табачный склад дальнего колхоза'; *Beşteylegen koyun aydan Asan bazar cönödü* 'Хасан, пасший около пяти овец, направился на базар' [Ахматов 1959: 100]. В литературном киргизском языке приблизительные имена числительные выступают в форме *DAy/DOy: ondoi* 'около десяти', *cüzdöy* 'около ста'.

В киргизском языке приблизительные числительные образуются также с помощью аффикса *-çA: cüscö* 'около ста', *beşçe* 'около пяти'. Кроме того, примеры с аффиксом *-çA* встречаются также в тошпокском диалекте киргизского языка: *Bul şkölda cüscö bala okuyt* 'В этой школе учатся около ста школьников'; *Beşçe adam tamak kagandan kiyin işge ketisti* 'Около пяти человек, поев, пошли на работу'. Данный аффикс в этом значении также встречается в некоторых современных тюркских языках, например в хакасском и якутском.

У тошпокских киргизов, особенно у тех, кто живёт вместе с узбеками, для выражения значения «десятками», «сотнями» используется аффикс *-lap* (в тур. яз. данное значение выражается аффиксом *-larca/-lerce*): *Unlap kız bala tamak casaştı* 'Десятки девочек приготовили еду'; *Mıñlep çaş bala armıyaga ketgen eken* 'Как оказывается, тысячи молодых людей уехали в армию'; *Bişge berilgen akça menen cüzlep nan satıp aldık* 'На те деньги, что нам дали, мы купили сотни булок хлеба'. Данный аффикс встречается в башкирском, татарском и в узбекском языках.

Таким образом, в системе числительных киргизского литературного языка и его говоров, наряду с аффиксами, аналогичными аффиксам в древнетюркских языках и в некоторых современных тюркских языках, отмечены особые формы образования сложных числительных и модели счисления. Это свидетельствует, надо думать, о гетерогенности и разновременности сложения систем счисления в киргизском языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахматов Т.К. Кыргыз тилинин Талас говору. – Фрунзе, 1959.
 Бакинова Г. Кыргыз тилинин Ош говорлору. – Фрунзе, 1956.
 Бакинова Г., Кондучалова Дж., Сыдыков Дж. Кыргыз тилинин Жалал-Абад областынын говорлору. – Фрунзе, 1958.
 Gülsevin G. Yaşayan Türk Lehçe ve Şiveleri (Karşılaştırmalı Türk Dilbilgisi dersnotları). – Afyon Kocatepe Üniversitesi, 2001.
 Kaymaz, Z. Türkler Ansiklopedisi. – Ankara: Yeni Türkiye Yay, 2002.

Akın C. System of calculation in the Kirghiz language

Summary: In the article systems of calculation existent in the literary Kirghiz language, its dialects, as compared with the old Turkic languages and other contemporary Turkic languages and dialects, are considered.

Key words: calculation, the Kirghiz language, dialects, the old Turkic languages, Turkic dialects.

Сведения об авторе. Акын Дж., доктор филологии, ст. преподаватель университета Коджатеппе (Афйон-Карахисар, Турция). E-mail: gensek@aku.edu.t

Моно
(лингво
координ
науки Рес
Назарбае
гин, истор
временна
Республи
академии

Работ
нино проб
Н.М. Джу
да с целью
жания си
ков, наиб
тельной п
тивно-сти

Книга
списка ли
Во вве
комплекс
тексте и
стилистич
образности
тричности
ционально

В пер
ний» дае
разные то
его изуче
Н.Д. Ару
символ со
ними. По
дожестве
лизации по
– показате

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

Джусупов Н.М. Тюркский символ в художественном тексте
(лингвокогнитивный аспект). – Астана: Изд-во «Сарыарка», 2011. – 218 с.

Монография Джусупова Н.М. «Тюркский символ в художественном тексте (лингвокогнитивный аспект)», издана по рекомендации Научно-координационного совета Тюркской академии Министерства образования и науки Республики Казахстан, созданной в 2010 г. по инициативе Президента Н. Назарбаева для решения проблем языкознания, литературоведения, культурологии, истории, этнологии и этнографии. Данная монография входит в серию «Современная тюркология», в рамках которой по случаю 20-летия независимости Республики Казахстан публикуются фундаментальные труды ученых Тюркской академии.

Работа посвящена актуальной проблеме – лингвокогнитивному исследованию проблемы символа на материале художественного текста. В монографии Н.М. Джусупова предпринята попытка применения лингвокогнитивного подхода с целью раскрытия и описания ключевых компонентов комплексного содержания символа в художественном тексте казахского, русского, английского языков, наиболее полного и адекватного выявления «многих сторон его познавательной природы, включая его когнитивно-семантический потенциал и когнитивно-стилистические особенности» [Джусупов 2011: 12].

Книга состоит из предисловия редакции, введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложений.

Во введении обосновывается актуальность постановки вопроса о разработке комплексной методики лингвокогнитивного анализа символа в художественном тексте и выявления его когнитивно-семантических и когнитивно-стилистических особенностей на основе изучения его семиотического характера, образности, многоплановости, многозначности, конвенциональности, антропоцентричности, архитипичности, ценности, мотивированности, универсального и национально-культурного характера и т.д.

В первой главе монографии «Символ – объект лингвистических исследований» дается анализ современного состояния проблемы символа, представлены разные точки зрения по вопросу, формулируются основные проблемы в сфере его изучения. Эта глава интересна тем, что в ней по-новому осмысливается теория Н.Д. Арутюновой о трехкомпонентности структуры символа, согласно которой символ состоит из означающего, означаемого и конвенциональной связи между ними. По концепции Н.М. Джусупова, исследование символа на материале художественного текста в аспекте когнитивной лингвистики в рамках концептуализации позволяет дополнить его структуру следующим образом: 1) означающее – показатели, обусловленные признаками, состояниями, действиями объекта или

явления, выступающего в роли символа; 2) означаемое (смысл) – система базовых концептов; 3) конвенциональная связь между ними.

Вышеизложенное послужило основой определения автором символа как когнитивно значимой универсальной тропической единицы, концептуальная природа которой представляет собой совокупность структур знания и характеризуется способностью транслировать в своем смысловом содержании определенные концепты [3, с. 40].

Источником формирования символа является образ. Как аргументированно излагает автор, образ под воздействием конкретных языковых и речевых факторов, а также за счет его связи с символическими другими предметами, явлениями, процессами и их признаками служит первоосновой в рождении и формировании семиотического концепта символа и, претерпевая структурные изменения, способствует трансформации выражаемых им деталей, объекта, процесса, явления в символ, в ходе которой происходит сложный, обусловленный взаимодействием различных факторов, когнитивный процесс [3, с. 58].

Центральным вопросом главы является вопрос о классификации символов в художественном тексте на базе внутритекстовых показателей, которая осуществляется автором с учетом принципа междисциплинарности, применения собственно языковых и внеязыковых (фоновых) структур знания. Предложенная автором комплексная (многоуровневая) классификация символов в художественном тексте включает в себя такие типы символов, как 1) символ-деталь; 2) символ-персонаж; 3) символ-слово / словосочетание; 4) символ-стилистический прием; 5) символ-заглавие.

Достоинством данной классификации системы символов является то, что в ней учитываются функциональные статусы символов в художественном тексте, а также нюансы индивидуально-авторского языкового их оформления.

Во второй главе «Лингвокогнитивные основы исследования символа в художественном тексте» монографии автор, представляя когнитивную семантику в качестве нового подхода в изучении структур знания, раскрывая проблему концепта в лингвистической литературе, определяя перспективы когнитивной стилистики, разрабатывая основные положения лингвокогнитивного анализа символа в художественном тексте, приходит к интересным и, на наш взгляд, обоснованным выводам.

Ключевой в данной главе является разработка автором на основе применения когнитивно-семантических принципов описания языка и когнитивно-стилистических данных комплексной методики лингвокогнитивного анализа символа в художественном тексте, которая предопределила выработку когнитивной модели декодирования символа в исследуемом материале, включающей в себя четыре фактора: 1) фактор рекуррентности; 2) фактор акцентирования; 3) фактор репрезентации структур знания; 4) фактор концептуализации.

Эти факторы, разработанные и введенные в научный обиход Н.М. Джусуповым, логически последовательны и взаимозависимы. Они направлены на конечное выявление концептов в когнитивно-концептуальной природе символа, что реально осуществимо благодаря дифференцированности функций и роли каждой из них в процессе лингвокогнитивного анализа символа.

Идея автора о выявлении четырех факторов в лингвокогнитивном анализе символа является весьма продуктивной, поскольку каждый из этих факторов призван раскрытию конкретных определенных сторон презентации символа в художественном тексте.

В т
«Кокбар
денного
материал
повести
но-автор
тексте. С
тегиров
зуется ф
торые яв
Акцент
ми раскр
альное е
В осн
специфич
смыслов
универсал
венном т
концепты
Полно
что выде
(традицио
символ, «
тора и ког
перееосмы
нерирован
речевой ре
контексту
тур знани
ления его
Принци
тация сим
го смысло
тенции ад
лом индир
«культури
В цел
уровне в р
ром комп
жественно
бота являе
Вывод
ница выра
туальным.
Безуслк
рированно
собой соче
волов,

В третьей главе монографии «Лингвокогнитивный анализ символа «Көкбөри» / «Волк» / «Wolf» в художественном тексте» в результате произведенного автором лингвокогнитивного исследования вышеназванного символа на материале повести М.О. Ауэзова «Көксерек», романа Ч.Т. Айтматова «Плаха», повести Дж. Лондона «White Fang» определены универсальные и индивидуально-авторские характеристики функционирования символов в художественном тексте. Символ в художественном тексте представляет собой комплексный и интегрированный пласт языковых и внеязыковых структур знания; он характеризуется фактором частотности употребления исходных лексических единиц, которые являются средствами его языкового обозначения в тексте.

Акцентирование символа в художественном тексте графическими средствами раскрывает его дополнительные стилистические признаки и усиливает визуальное его восприятие адресатом.

В основе формирования символа лежит универсальный или национально-специфический исходный образ, мотивирующий выделение концептуальных смыслов символа в художественном тексте. В результате расширения структуры универсального символа и дополнения ее различными смыслами в художественном тексте выделяются обусловленные текстом дополнительные базовые концепты.

Полноценно отражающим концепцию автора представляется вывод о том, что выделенный в монографии наряду с общепризнанными типами символов (традиционного и индивидуально-авторского) третий тип – контекстуальный символ, «наиболее ярко и широко отражает особенности когнитивного стиля автора и когнитивного принципа распределения информации в плане творческого переосмысления мирового и национально-культурного опыта относительно генерирования смысловой природы универсального символа и его последующей речевой репрезентации в художественном тексте. В связи с этим в ходе анализа контекстуального символа особый акцент делается на конкретный выбор структур знания (старая и новая информация), что необходимо для адекватного выделения его концептуальных смыслов» [Джусупов 2011: 175].

Принципиально важным является также утверждение автора, что «интерпретация символа, предполагающая глубокое толкование компонентов его сложного смыслового содержания, всецело определяется уровнем творческой компетенции адресата, что, в свою очередь, обусловлено интеллектуальным потенциалом индивида в целом и активизацией большого фонда структур знания в его «культурной памяти»» [Джусупов 2011: 174].

В целом, монография Джусупова Н.М. выполнена на высоком научном уровне в русле новых направлений лингвистики, а в плане разработанной автором комплексной методики лингвокогнитивного исследования символа в художественном тексте на основе указанных четырех ключевых факторов данная работа является пионерской.

Вывод автора о том, что концепт может быть рассмотрен как смысловая единица выражения семантической структуры символа, представляется весьма актуальным.

Безусловной заслугой автора является выделение и описание нового интегрированного типа символа – контекстуального символа, который представляет собой сочетание особенностей традиционного и индивидуально-авторского символов.

Данная монография имеет большое теоретическое и практическое значение. Раскрытие лингвокогнитивных основ исследования символа в художественном тексте на материале разносистемных языков позволяет в расширенном научно-исследовательском ракурсе выявить и проследить через определение и изучение универсальных и индивидуально-авторских характеристик функционирования символов.

Монография может быть использована в учебном процессе вузов при разработке и ведении лекционных курсов и семинарских занятий по тюркологии, русистике, германистике, общему языкознанию, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, при написании учебников и учебных пособий.

*К.О. Сапарова, док. филол. наук, проф.
зав. кафедрой русского языка Узбекского
государственного университета
мировых языков (Ташкент)*

*У.М. Бахтикиреева, док. филол. наук, проф.
кафедры русского языка и межкультурной
коммуникации Российского университета
дружбы народов (Москва)*

pdfelement

Гали
риевской
ность св

Вып
филолог
вот уже
научным
каждая
лам ее б.

Гали

семье

1942 г. в

закончил

были тр

строител

зом маш

шистски

нее обр

сильно б

этом же

отделени

«тюркск

Уже

ские) год

тературн

тюркски:

хода к и

тели каф

Насилов,

Гранде, 1

где сосре

Пост:

Насилов

средневе

наме». Р

изучения

текста «(

ловичем)

В 19:

«Характе

PERSONALIA

ГАЛИНА ФЕДОРОВНА БЛАГОВА

(К 85-летию ученого)

Галина Федоровна Благова – один из ярких представителей московской, Дмитрияевской, тюркологической школы – до сих пор испытывает безмерную благодарность своему учителю, который «щедро дарил своим ученикам Восток».

Выпускница 1950 г. кафедры тюркской филологии восточного отделения филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Галина Федоровна вот уже более 60 лет верно служит российской тюркологии, обогащая ее своими научными трудами самой разнообразной тематики. Однако нельзя не видеть, что каждая ее новая работа проникнута идеями, истоки которых восходят к замыслам ее ближайшего учителя, Н. К. Дмитриева, или его последователей.

Галина Федоровна Благова (Данько) родилась в Москве 31 августа 1927 г. в семье производственника. В 1942 г. в военной зимней Мозакончила неполную средьбыли три семестра Московстроительного техникума (слом мальчишечьего большеинишестский язык). В 1945 г.ее образование; подготовка сильно было желание учиться этом же году Г.Ф. стала студотделения филфака МГУ «тюркская филология».

рационализатора. Вске она экстерномной школу, потомского авиамотородействовавшим откаства – «не учить фаона завершила средбыла слабой, но в университете. Вденткой восточного по специальности

потом и аспирантские) годы Галина Федоровна стала проявлять интерес к истории тюркских литературных языков Центральной и Средней Азии и к исторической грамматике тюркских языков. Преданность идеям востоковедения и основы научного подхода к изучению тюркских и других восточных языков закладывали преподаватели кафедры тюркской филологии – известные тюркологи Н.К. Дмитриев, В.М. Насилов, Э.Н. Наджип, Э.В. Севортян, иранист А.А. Стариков, арабист Б.М. Гранде, а также та особая научная атмосфера, которая царил на филфаке МГУ, где сосредоточивались тогда ярчайшие умы отечественной филологии.

Поступив в аспирантуру филфака, по совету научного руководителя В.М. Насилова, Г.Ф. Благова разворачивает изучение главнейшего труда классика средневековой тюркской литературы императора Бабур – его мемуаров «Бабур-наме». Работа над этим трудом ознаменовала возврат к прерванной традиции изучения этого памятника, восходящей к публикации Н.И. Ильминским в 1857 г. текста «Бабур-наме» по Керовскому списку, к сверке последнего (А. Н. Самойловичем) и факсимильного издания А. С. Беверидж.

В 1954 г. Галина Федоровна защищает кандидатскую диссертацию на тему «Характеристика грамматического строя (морфология) староузбекского литера-

турного языка конца XV в. по "Бабур-наме". Любовь к этому замечательному памятнику языка и литературы проходит через всю научную жизнь ученого, не раз обращаясь к описанию разных аспектов этого уникального тюркского текста.

В 1994 г. выходит ее книга «"Бабур-наме": Язык. Прагматика текста. Стилль», подводящая итоги 40-летних занятий памятником и демонстрирующая возможность и продуктивность приложения к средневековому тексту новейших достижений современного языкознания и лингвистистики. Методологическую основу целостного описания языка памятника составили подход к литературному тексту как к речевому произведению, а также привлечение комплекса приемов изучения внутриязыковой и внеязыковой специфики средневекового текста. В этом исследовании Г.Ф. Благовой были реализованы также многие идеи акад. В.В. Виноградова относительно изучения истории литературного языка, в частности учет многоступенчатости в корреляции «язык литературно-художественного произведения – язык писателя – язык художественной литературы».

Более 20 лет Г.Ф. Благова отдает редакторской деятельности, работая с 1956 г. по 1974 г. заведующей отделом языков и письменности народов СССР в академическом журнале «Вопросы языкознания», из них почти 14 под руководством главного редактора акад. В.В. Виноградова и ответственного секретаря редколлегии Н.И. Толстого.

В конце 1974 г. Г.Ф. Благова переходит в сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук и включается в работу над фундаментальными научными темами сектора – «Сравнительно-исторической грамматикой тюркских языков» (СИГТЯ) и «Этимологическим словарем тюркских языков» (ЭСТЯ). Она участвует в 4 томах СИГТЯ, в каждом из которых ей принадлежат значительные разделы.

В морфологическом томе СИГТЯ Галина Федоровна написала разделы «Категория падежа» [СИГТЯ 1988: 28–136] и «Склонение личных и указательных местоимений» [СИГТЯ 1988: 210–255]. В первом из них автор выдвигает нашедший в дальнейшем свое подтверждение в исторической морфологии тюркских языков важный тезис о том, что в судьбе тюркского склонения сыграло исключительную роль взаимодействие категории принадлежности и падежа, определившее сложение трех типов тюркского склонения. Соотношение этих парадигм склонения автор кладет в основу классификации типов тюркского склонения.

Схожие системообразующие признаки были использованы Г.Ф. Благовой и при историческом анализе склонения местоимений.

В томе СИГТЯ «Региональные реконструкции» (2002) Г.Ф. Благовой разработан раздел «Реконструкция именной морфологической системы карлукско-уйгурской группы языков», охватывающий имена существительные, прилагательные, числительные и местоимения, а также служебные части речи.

В лексическом томе [СИГТЯ 1997: 419–475] перу Г.Ф. Благовой принадлежит глава «Антропонимия», включающая в себя существительные, прилагательные, числительные и глаголы. К этой теме она двигалась постепенно, сначала дав подробный обзор изучения тюркских имен в России [РО 1998, LI] и создав типологию раннетюркских антропонимов [ВЯ 1988, 4]. Верная системному подходу к анализу языкового материала, она стремилась показать, что реконструируемая пратюркская антропонимия предстает не как некое мозаичное собрание разрозненных личных имен, но как строго структурированная система

Дальше
следующ
пратюрк
реконст
лись кос
660–751
логическ
коммент
блок неп
отражени
символиз
тюрков
вой мето
подхода

Вооб
ными асп
фольклор
мает в тво
лины Фед
Здесь не
книгу «По
2000), в к
обнародо
русских п
Упом
сти Г.Ф
тивной и

«Языки м
рые письм
1997: 148
язык» [Я
Г.Ф. Б
тивной ра
словарно
ЭСТЯ (19
статей на

В 198
«Тюркско
гнон)», ко
материаль
ление это
изучении

(на матери
В цело
дами реш
тия тюрк
ных сход
лектами. I

Дальнейшее развитие антропонимической темы нашло свое отражение в следующем томе СИГТЯ (2006) – «Праторкский язык-основа. Картина мира праторкского этноса по данным языка»; здесь Г.Ф. Благовой была предложена реконструкция праторкской антропонимической системы, в которой сохранялись космологические и социальные представления праторков [СИГТЯ 2006: 660–751]. Для решения этой задачи широко привлекались фольклорные, мифологические и прочие культурные контексты в соединении с лингвистическим комментарием. Так, Г.Ф. удалось выявить, например, мифолого-ассоциативный блок непогоды в праторкской системе имен, а также показать репрезентативное отражение в ней металлов («железо», «золото», «серебро»), или возрастного символизма и стадий («младенчество – молодость») в переходной обрядности тюрков («кони», «пуговища» и пр.), или лексики флоры. Избранный Г.Ф. Благовой метод комплексного этнолингвистического и типолого-сопоставительного подхода позволил автору эффектно решать поставленные задачи.

Вообще, разными аспектами фольклорных лингвистических проблем занимается в творческой лаборатории Федоровны Благовой. Здесь нельзя не упомянуть книгу «Пословица 2000», в которой она обнародовала и русские пословицы.

Упомянем также Г.Ф. Благовой институт-

Г. Ф. Благова и Е.А. Поцелуевский

«Языки мира: Тюркские языки» [Языки мира 1997]; в разделе «Древние и старые письменные языки» ею написана статья «Чагатайский язык» [Языки мира 1997: 148–159] и в соавторстве с Э.Н. Наджимом «Мамлюкско-кыпчакский язык» [Языки мира 1997: 75–81], «Тюрки язык» [Языки мира 1997: 126–138].

Г.Ф. Благова активно участвовала еще в другой фундаментальной коллективной работе – Этимологическом словаре тюркских языков, и как собиратель словарного материала, и как автор-составитель, и как редактор двух полутомов ЭСТЯ (1997 и 2000). В томе [ЭСТЯ 2003] ей разработаны около 30 словарных статей на букву «С».

В 1982 г. выходит в свет основополагающая монография Г.Ф. Благовой «Тюркское склонение в ареально-историческом освещении (Юго-восточный регион)», которая в том же году была представлена как докторская диссертация и материалы которой в свое время были использованы ею в [СИГТЯ 1988]. Появление этого труда ознаменовало утверждение нового направления в системном изучении конкретных категорий языка (включая диалекты) в их исторической (на материале письменных памятников) и пространственной интерпретации.

В целом, в своей работе Галина Федоровна стремилась современными методами решить задачу раскрытия внутренних закономерностей (тенденций) развития тюркских языковых подсистем, проявляющихся в исторически обусловленных сходствах и различиях между этими близкородственными языками и диалектами. В результате автором была предложена одна из возможных частных

бота с раз- изучением текстов зани- биографии Га- особое место, вспомнить ее и жизнь» (М., исследователь описал фонд своей матери, также об уча- вой в коллек- ской работе

классификаций тюркских языков на базе авторской классификация типов тюркского склонения.

Своей монографией Г.Ф. Благова продолжила редкие в отечественной тюркологии конкретные разработки в области исторической диалектологии тюркских языков. Вместе с тем, разработанная автором методология изучения языка письменных памятников способствует прояснению принципиально важного вопроса о том, имеем ли мы дело в конкретном случае с хронологическими и территориальными разновидностями одного письменного языка или же с различными письменными языками.

Последнее десятилетие Г.Ф. Благова обратилась к изучению истории отечественной тюркологии и выявлению тенденций ее исторического формирования, к поиску тех оригинальных теоретических идей и разработок, которые могли бы оказаться востребованными современной наукой. И многолетняя практика вдумчивого системного подхода к изучению любого предмета, в том числе и научного наследия помогла ей увидеть в трудах наших предшественников и старших современников много интересного и поучительного для наших дней.

В 2005 г. в серии «Классики отечественного востоковедения» по инициативе издательства «Восточная литература» осуществлено издание однотомника избранных сочинений А.Н. Самойловича, в котором собран большой массив как уже печатавшихся, так и архивных работ. Составителем этого тома выступила Г.Ф. Благова при существенном участии Д.М. Насилова. В этом труде впервые предпринято совокупное издание в столь внушительном объеме ныне раритетных прижизненных публикаций и архивных рукописных законченных и незаконченных лингвистических и историко-литературоведческих работ А.Н. Самойловича, что позволило показать масштабность исследовательских разработок и творческих замыслов этого ученого.

Стремясь создать полное представление об А.Н. Самойловиче как ярчайшем представителе нового («последрадовского») направления в российской тюркологии и о его научном вкладе в развитие последнего, Г.Ф. Благова скрупулезно собирает переписку ученого, обрабатывая ее, комментирует содержание писем, публикуя их, и наконец, на основе изучения всего творчества А. Н. Самойловича пишет его научную биографию, мастерски встраивая деятельность этого ученого в тюркологическую историографию. Итоги ее многолетних усилий нашли отражение в книге «Александр Николаевич Самойлович. Научная переписка. Биография» (М.: Вост. лит., 2008).

Анализ переписки и широкое привлечение других архивных материалов позволили Г. Ф. Благовой осветить два аспекта, одинаково важных для науковедения и одинаково малоизученных в системном отношении. С одной стороны, это феномен «противостояния» между группами отечественных востоковедов на рубеже XIX–XX вв.; с другой стороны, это не только деловые, но и истинно дружеские взаимоотношения представителей новой научной школы, консолидация творческих устремлений и усилий по укреплению и дальнейшему её развитию.

При подготовке этой книги Г.Ф. Благовой был творчески освоен громадный фактический материал – при работе с литературой того времени, исследовании архивных материалов. Об это говорит хотя бы список использованных источников, включающий около 700 названий.

Галина Федоровна не остановилась на создании творческой биографии А.Н. Самойловича, она поставила перед собой цель восполнить существующий в отечественной историографии серьезный пробел – отсутствие истории развития отечественной тюркологии в XIX в., в недрах которой вызревала новая тюрко-

логич
левск

Ра
«Оче
тюрк
работ
вуош
минск
Поцел
ведени

По
1975 г.
ный гр
планов
г. вкла
нами р
90-х гг
колог

В и
ло-алт
советов
ния» и

В т
ветная
работос
деть з
го поря

Дру
доброж
любие
Юр. Ал
свою те
тает, дл

логическая научная парадигма, представленная А.Н. Самойловичем, В.А. Гордлевским, В.В. Бартольдом, И.Ю. Крачковским и их учениками.

Разыскания Г.Ф. Благовой в этой области нашли отражение в новом томе «Очерков по истории тюркского языкознания в России» – в её книге «История тюркологии в России (вторая половина XIX – начало XX века)» (М., 2012). Эта работа подводит итог многолетним поискам ученого в архивах, его предшествующим публикациям о многих представителях нашей тюркологии (Н.И. Ильминский, Л.З. Будагов, Н.К. Дмитриев, К.К. Юдахин, В.А. Богородицкий, А.П. Поцелуевский, Э.А. Грунина и др.), о преемственности научных идей в востоковедении и о нереализованных научных планах и забытых замыслах.

По просьбе председателя Советского комитета тюркологов А.Н. Кононова в 1975 г. Галина Федоровна заступила должность Ученого секретаря. Этот огромный груз она несла на своих плечах, совмещая, естественно, с плановой и внеплановой научной работой в Отделе тюркских языков ИЯз РАН, вплоть до 1986 г. включительно. К тому же, одновременно с Э.А. Груниной они состояли членами редколлегии журнала «Советская тюркология» (с середины 80-х по начало 90-х гг.). Однако она остается бессменным членом Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН.

В настоящее время Г.Ф. Благова – ведущий научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, член двух диссертационных советов ИЯз РАН, член редколлегии журналов «Урало-алтайские исследования» и «Российская тюркология», член РКГ при ОИФН РАН.

В творческой биографии Галины Федоровны более всего поразит её беззаветная преданность избранной специальности – тюркологии, ее поразительная работоспособность и усидчивость, а кроме того, удивительная особенность увидеть за незначительным научным или биографическим фактом явление большого порядка, обобщая которое можно решать серьезнейшие научные проблемы.

Друзья, коллеги и ученики ценят в Галине Федоровне ее интеллигентность, доброжелательность и отзывчивость, добросовестность и обязательность, трудолюбие и даже педантичность в научной работе («ни дня без строчки», по словам Юр. Алеши). Пожелаем юбиляру по мере ее сил и возможности продолжить свою тюркологическую деятельность и оставаться полезной для тех, с кем работает, для тех, кого любит.

*А.В. Дыбо,
Д.М. Насилов,
М.К. Аметина*

краткие гласные. Вместе с тем было изучено соответствие ряда гласных и частотность их употребления.

В 1990 г. А.А. Ахундов был избран директором Института языкознания АН Азербайджана и в том же году за заслуги в развитии науки и подготовки научных кадров получил почетное звание Заслуженного деятеля науки Азербайджана.

Одновременно профессор занимает и ряд общественных должностей. Так, с 1990 г. и по настоящее время он является главным редактором международного научного журнала «Тюркология» (правопреемника «Советской тюркологии», издающегося в Баку с 1970 г.). В разные годы являлся главным редактором Серии гуманитарных и общественных наук журнала «Известия Академии наук Азербайджана», членом редколлегии журнала «Азербайджан». В 1991 г. он был назначен председателем Координационного совета по языкознанию при ВАК Азербайджана, в 1993 г. – заместителем председателя Комиссии по государственному языку при Кабинете министров Азербайджана. В 1995 г. Ахундов избирался членом Комиссии по подготовке новой редакции Конституции Азербайджана. Плодотворной была и его деятельность в должности председателя Экспертной комиссии по гуманитарным наукам при ВАК Азербайджанской Республики.

В 2001 г. А.А. Ахундов был избран членом-корреспондентом, а в 2007 году – действительным членом Национальной академии наук Азербайджана. С 2012 г. он является советником президента Национальной академии наук Азербайджана.

Велики заслуги проф. А.А. Ахундова в разработке новых правил азербайджанской орфографии и закона «О государственном языке».

Написанный им в 1979 г. учебник для вузов «Ümumi dilçilik: dilşünaslığın tarixi, nəzəriyyəsi və metodları» («Общее языкознание: история языкознания, теория и методы») выдержал несколько изданий. В ряду его вузовских учебников следует назвать «Felin zamanları» («Времена глагола») (1961), «Azərbaycan dilinin Fonemlər sistemi (Fizioloji, akustik, statistik, fonoloji tədqiqat təcrübəsi)» («Система фонем азербайджанского языка: физиологическая, акустическая, статистическая, фонологическая исследовательская практика») (1973), учебное пособие «Riyazi dilçilik» («Математическая лингвистика») (1979), «Azərbaycan dilinin tarixi-etimoloji lüğəti» («Историко-этимологический словарь азербайджанского языка»).

Профессор А.А. Ахундов способствовал привнесению в азербайджанское языкознание дистрибутивного анализа, распространенного в американской дескриптивной лингвистике. Он указал на возможность применения некоторых математических понятий в практике исследования диалектов и говоров азербайджанского языка и пришел к заключению о наличии между ними отношений изоморфизма.

Теоретические вопросы литературоведения рассматриваются в монографиях «Dil və üslub məsələləri» («Вопросы языка и стиля») (1970), «Dilin estetikası» («Эстетика языка») (1985), «Dil və mədəniyyət» («Язык и культура») (1992), «Şeir sənəti və dil» («Поэтическое мастерство и язык») (1980) и др. Автор освещает такие вопросы, как поэтика стиха, фонетические принципы его построения, мастерство поэта, писатель и литературный язык, художественная речь и поэтика, теоретические и практические вопросы языковой культуры и т.п. Значительны заслуги профессора и в ономастике, которой посвящены многочисленные статьи и монография «Torpağın köksündə tarixin izləri» («Исторические следы на груди земли») (1983).

Общее количество научных работ Агамусы Ахундова – более 400, из них за рубежом опубликовано – 30. А. Ахундов подготовил 10 докторов наук и более 20 кандидатов наук.

Агамуса Ахундов в разные годы достойно представлял азербайджанскую лингвистику в Турции, Иране, Египте, Чехословакии, Югославии, Ираке, Америке, Японии, России, Украине, Таджикистане, Киргизии, Казахстане, Узбекистане, Белоруссии, Грузии и других странах.

Высоко оценены заслуги А.А. Ахундова в области азербайджанского языкознания. Так, в 1968 и 1969 гг. он был удостоен Почетными грамотами Верховного Совета СССР и Общества советской дружбы и культурных связей с зарубежными странами, в 1970 г. – медалью «За трудовую доблесть». В 1987 г. за заслуги в области дружбы между народами профессор был награжден в США почетной грамотой «Friendship Fors» («Дружеские силы»). Он является почетным иностранным гражданином штата Луизиана и почетным членом муниципального совета столицы штата – города Батон Руж. В 1990 г. А.А. Ахундов стал лауреатом Государственной премии Азербайджанской Республики.

Профессор А.А. Ахундов является также членом ряда международных и зарубежных научных учреждений. Он почетный член Турецкого лингвистического общества, действительный член Академии современных наук им. Лютфи Заде.

Друзья, коллеги и многочисленные ученики Агамусы Ахундова желают юбиляру доброго здоровья, неиссякаемой энергии и творческих свершений.

*Солмаз Сулейманова,
докт. философии по
филол. наукам
зам. гл. редактора
журнала «Тюркология»,
Баку*

Рашид
Башкир
стан (РЕ
тюркской
(2012) р
БАССР (

В 19
культет
тета. До
ской га
1972 гг.
литерату
СССР и
1974 г.
понимая
торскую
графичес
ской т

В 197
зав. отде
«Агидель
г. под ру
лопедии
правления
учного из
под его р
ние – «Ба
ке). С 19
ответственного

Научн
временно
фольклор
понимов

«Башкорт

Р.З.Ш

книги «Ар
статей и с
«Быуаттар
других, им
телей баш
мет-Заки Е

РАШИТ ЗАКИРОВИЧ ШАКУРОВ

(К 75-летию ученого)

Рашит Закирович Шакуров (Рашит Шакур), заслуженный работник культуры Башкирской АССР (1988), заслуженный деятель науки Республики Башкортостан (РБ), отличник образования РБ, действительный член Международной тюркской академии (1997), доктор филологических наук (1998), профессор (2012) родился 11 января 1937 г. в д. Ново-Абдрахманово Альшеевского района БАССР (ныне Стерлитамакский район РБ).

В 1965 г. он окончил филологический факультет Башкирского государственного университета. До 1969 г. работал в редакционной коллегии Башкирской государственной газеты «Совет Башкирии». В 1972 г. – аспирант Института литературы (ИИЯЛ) Башкирской АССР и Института языкознания РАН. В 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Графическое и ареальное значение топонимии Южного Урала».

В 1972–1992 гг. – науч. зав. отделом редакции республиканского журнала «Агидель», литературный консультант Союза писателей Башкортостана. В 1992 г. под руководством Р.З. Шакурова был организован отдел Башкирской энциклопедии при ИИЯЛ, и тем самым были заложены основы нового научного направления в республике. В 1993–1995 гг. – зав. отделом Главной редакции Научного издательства «Башкирская энциклопедия», которое в 1996 г. выпустило под его редакцией первое в Республике Башкортостан энциклопедическое издание – «Башкортостан. Краткая энциклопедия» (в 1997 г. – на башкирском языке). С 1998 г. Р.З. Шакуров на должности профессора Башкирского государственного педагогического университета (БГПУ) им. М.Акмуллы.

Научные исследования Р.З.Шакурова посвящены изучению топонимии современного и исторического Башкортостана, истории башкирской литературы, фольклора, диалектологии башкирского языка. Он один из авторов «Словаря топонимов Башкирской АССР» (изд. 1, 2, 1980–2002), академического труда «Башкорт аэзбиате тарихы» (в 6 т., 1990–1996).

Р.З.Шакуров автор монографии «Звезда поэзии» (изд. 1–3, 1981; 1996; 2006), книги «Арзаклы башкорттар» (1998, 2005; «Знаменитые башкиры»), сборников статей и очерков «Сынрау торналар иле» (1996; «Страна поющих журавлей»), «Быуаттар аманаты» (2002; «Заповедь веков»), «Истоки духовности» (2009) и других, им созданы литературоведческие очерки о творчестве выдающихся деятелей башкирской культуры Рины Фахретдинова, Мухаметши Бурангулова, Ахмет-Заки Валиди Тогана, Хадии Давлетшиной и др.

филологический факультет Башкирского государственного университета. До 1969 г. работал в редакционной коллегии Башкирской государственной газеты «Совет Башкирии». В 1972 г. – аспирант Института литературы (ИИЯЛ) Башкирской АССР и Института языкознания РАН. В 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Графическое и ареальное значение топонимии Южного Урала».

В 1972–1992 гг. – науч. зав. отделом редакции республиканского журнала «Агидель», литературный консультант Союза писателей Башкортостана. В 1992 г. под руководством Р.З. Шакурова был организован отдел Башкирской энциклопедии при ИИЯЛ, и тем самым были заложены основы нового научного направления в республике. В 1993–1995 гг. – зав. отделом Главной редакции Научного издательства «Башкирская энциклопедия», которое в 1996 г. выпустило под его редакцией первое в Республике Башкортостан энциклопедическое издание – «Башкортостан. Краткая энциклопедия» (в 1997 г. – на башкирском языке). С 1998 г. Р.З. Шакуров на должности профессора Башкирского государственного педагогического университета (БГПУ) им. М.Акмуллы.

Научные исследования Р.З.Шакурова посвящены изучению топонимии современного и исторического Башкортостана, истории башкирской литературы, фольклора, диалектологии башкирского языка. Он один из авторов «Словаря топонимов Башкирской АССР» (изд. 1, 2, 1980–2002), академического труда «Башкорт аэзбиате тарихы» (в 6 т., 1990–1996).

Р.З.Шакуров автор монографии «Звезда поэзии» (изд. 1–3, 1981; 1996; 2006), книги «Арзаклы башкорттар» (1998, 2005; «Знаменитые башкиры»), сборников статей и очерков «Сынрау торналар иле» (1996; «Страна поющих журавлей»), «Быуаттар аманаты» (2002; «Заповедь веков»), «Истоки духовности» (2009) и других, им созданы литературоведческие очерки о творчестве выдающихся деятелей башкирской культуры Рины Фахретдинова, Мухаметши Бурангулова, Ахмет-Заки Валиди Тогана, Хадии Давлетшиной и др.

Р.З.Шакуров автор монографии «Звезда поэзии» (изд. 1–3, 1981; 1996; 2006), книги «Арзаклы башкорттар» (1998, 2005; «Знаменитые башкиры»), сборников статей и очерков «Сынрау торналар иле» (1996; «Страна поющих журавлей»), «Быуаттар аманаты» (2002; «Заповедь веков»), «Истоки духовности» (2009) и других, им созданы литературоведческие очерки о творчестве выдающихся деятелей башкирской культуры Рины Фахретдинова, Мухаметши Бурангулова, Ахмет-Заки Валиди Тогана, Хадии Давлетшиной и др.

Он автор более 400 научных трудов, в т. ч. 7 монографий, поэтических сборников, соавтор литературного текста Государственного гимна РБ.

Р.З. Шакуров активный участник общественной жизни в республике: первый председатель Башкирского народного центра «Урал», делегат I–II–III всемирных курултаяв башкир, член Исполкома Всемирного курултая (конгресса) башкир (председатель комиссии); редколлегии журналов «Вестник Академии наук Республики Башкортостан» и «Агидель», член Союзов писателей СССР, России и РБ (с 1998 г.), Союза журналистов России (с 1961 г.), Комиссии по административно-территориальному устройству при Аппарате Президента РБ, Топонимической службы Комиссии при Правительстве РБ по реализации Закона РБ «О языках народов РБ» (в 1999–2011 гг. – ее руководитель).

Р.З.Шакуров – лауреат Государственной премии РБ имени Салавата Юлаева (2012), премий им. Мифтахетдина Акмуллы (1989), им. Рами Гарипова (1999), им. Зайнаб Бишшевой (2012), награжден орденом Салавата Юлаева (2007). В 2011 г. ему присуждена общественная премия Всемирного курултая (конгресса) башкир «За выдающийся вклад в развитие материальной и духовной культуры башкирского народа».

С.А. Тагирова
доцент, канд. пед. наук, зав. кафедрой
башкирского языка и методики
его преподавания БГПУ им. М. Акмуллы,

Л.Х. Самситова
доцент, канд. филол. наук, декан факультета
башкирской филологии
БГПУ им. М. Акмуллы.

11 ап
Иванова,
дующего
(Санкт-П

Петер
шествени
Ученый,
мыслить
блестящи
щий и чу
всё, чем з

С.Н.

рограде
окончани
зван в ар
зачислен
ческое у
августе
молодого

война.
дился в д
войны, с
войны II

В 194

Иванов
ской
Ленинград
учиться у
Жирмунск
преподава
с отличием

В том
ском госуд
ровался гл
узбекской
нятно, не б
тельской р
узбекского
вый ученый
странна –
ник универ
стоятельств

Аспирантом кафедры тюркской филологии Восточного факультета Ленинградского университета Сергей Николаевич стал в сентябре 1953 г. Тема для диссертационного исследования была выбрана, очевидно, на основании опыта и знаний, полученных в Бухаре, — синтаксические, как мы сказали бы сейчас, морфосинтаксические функции формы с показателем *-gan* (и производными от него аффиксами). Кандидатская диссертация С.Н., которую он успешно защитил в 1958 г., была озаглавлена «Синтаксические функции формы на *-gan* в современном узбекском литературном языке». В следующем году работа была издана отдельной книгой под названием «Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на *-gan* и ее производные)» (ЛГУ, 1959).

Безусловно, не только выбор направления и темы исследования С.Н. Иванова оказался удачным, этот выбор был еще и крайне своевременным. Тюркские языки Средней Азии: узбекский, казахский, каракалпакский, киргизский в этот период были изучены в значительно меньшей степени, чем турецкий язык, служивший главным предметом преподавания для студентов-тюркологов в Ленинграде и Москве. До выхода в свет нового издания «Грамматики современного узбекского литературного языка» (М.; Л., 1960) А.Н. Кононова оставалось еще несколько лет, только-только начали появляться труды Н.А. Баскакова по каракалпакскому языку, а «Грамматика башкирского языка» Н.К. Дмитриева вышла в свет в 1954 г, когда С.Н. Иванов уже учился в аспирантуре. В свете истории и логики науки исследование С.Н. Иванова, кстати, и ныне сохраняющее свою ценность, было весьма и весьма актуальным. Напомним, что в 1960-е гг. оппозиции форм на *-мыш* и на *-ган* в разных группах тюркских языков стала основанием для оригинальной классификации этих языков, предложенной В.М. Надельевым.

В своей работе С.Н. Иванов исключительно подробно описывает все коммуникативные особенности перечисленных морфологических образований, содержащих аффикс *-gan*, во всех синтаксических функциях и производных формах с элементом *-gan*, а именно *-ганган*, *-ганган*, *-ганлык*, *-ганлык* и предлагает читателю свое истолкование наблюдаемых фактов. При этом он затрагивает многие весьма важные вопросы, получившие освещение и глубокую теоретическую проработку лишь значительно позднее — к ним относятся семантические особенности предельных и непредельных глаголов в перфекте, совмещение в семантике узбекского перфекта значений эвиденциальности (у автора — «относительное употребление прошедшего перфективного времени») и незвиденциальности (у автора — «прямое или индикативное употребление...»), коммуникативные функции страдательного залога в атрибутивных конструкциях и т. п. В целом этот труд следует рассматривать как заметный шаг на пути становления теоретического тюркского языкознания.

Еще будучи аспирантом, в 1954 г. Сергей Николаевич начал свою преподавательскую деятельность на кафедре тюркской филологии Ленинградского университета, в 1960 г. он стал доцентом этой кафедры, в 1970 г. — профессором, с 1972 по 1988 гг. был заведующим кафедрой тюркской филологии ЛГУ, а с июня 1988 г., оставив руководство кафедрой, снова работал на ней в качестве профессора до своего выхода на пенсию 1 сентября 1996 г. В 1975–1985 годах С.Н. Иванов был руководителем Ленинградского тюркологического семинара. До конца своих дней — Сергей Николаевич скончался 5 апреля 1999 г. — он продолжал заниматься научной, научно-организационной и литературной работой.

За 42 года своей преподавательской деятельности С.Н. Иванов разработал и читал студентам и аспирантам кафедры следующие учебные курсы: «Введение в тюркскую филологию», «Общий курс турецкой грамматики», «Теоретическая грамматика турецкого языка», «Арабо-персидские элементы в турецком языке»

(часть эт
языке».
бекский
же заня
узбекск

Перу
статья п
практик
«Советс

В 19
Гази хан
(Ташкен
сертифи
была уда

Думи
хана (16
Чингис-м
важным
памятни
и в Пете
этих пер
этого пам
ля А.Н. Н
дословна

Два т
землях а
редкост
кой грам
Л., 1975;

судьбы б
С.Н. Ива
узбекско
автор наз

граммати
порожде
фию, по
граммати

И.И. Ме
циональн
и послед
зались, в
даментал

рий, осно
Главн
интерес
связям, к

¹ См.
них состо
С. 9–16.

(часть этого курса опубликована в виде учебного пособия «Арабизмы в турецком языке». – ЛГУ, 1973); «Грамматика староузбекского языка», «Современный узбекский язык», «Поэтика тюркоязычной классической литературы». Он вел также занятия по чтению и комментированию османских (арабографичных), староузбекских, современных турецких и узбекских текстов.

Перу С.Н. Иванова принадлежит более 200 научных работ – монографии, статьи по самым разным вопросам тюркской филологии, работы по теории и практике перевода. Его работы печатались и на страницах специального журнала «Советская тюркология». Они сохраняют свое значение и сейчас.¹

В 1969 г. вышел в свет труд С.Н. Иванова «Родословное древо тюрков Абу-л-Гази хана. Грамматический очерк: Имя и глагол. Грамматические категории» (Ташкент, 1969), который в том же году был защищен автором в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Эта книга была удостоена премии Ленинградского университета за 1971 г.

Думается, и этот выбор ученого не был случайным. Сочинение Абу-л-Гази хана (1605–1665, по другим данным 1603–1663), хивинского хана из потомков Чингис-хана, известное под названием «Родословное древо тюрков», является важным источником по истории тюркских народов и историко-литературным памятником своего времени. Оно дважды издавалось в России (в Казани в 1852 г. и в Петербурге в 1871 г.), переводилось на европейские языки, пользовалось в этих переводах широкой известностью в России. Взявшись за изучение языка этого памятника, С.Н. Иванов в какой-то степени пошел по стопам своего учителя А.Н. Кононова, который издал текст другого сочинения Абу-л-Гази хана «Родословная туркмен» (М.; Л., 1958).

Два труда – «Родословное древо тюрков...», нашедший адресата в родных землях автора этого исторического сочинения, но ставший библиографической редкостью в родном городе исследователя, и учебное пособие «Курс турецкой грамматики» (Ч. 1: Грамматические категории имени существительного. – Л., 1975; Ч. 2: Грамматические категории глагола. – Л., 1977), который по воле судьбы был издан в виде двух небольших брошюр, – продолжают исследования С.Н. Иванова в сфере строя тюркских языков. В названных трудах факты староузбекского и турецкого языков осмысляются с позиций концепции, которую сам автор называл диалектико-логическим направлением грамматики. Без сомнения, грамматическая концепция, представленная в монографиях С.Н. Иванова, была порождением своего времени, стремлением соединить язык, логику и философию, по своему отреагировать на появившуюся книгу О. Есперсена «Философия грамматики» (М., 1959), продолжать изучение понятийных категорий, начатое И.И. Мещаниновым и в ту пору еще не имеющее продолжение в форме функциональной грамматики, позже разрабатываемой А.В. Бондарко и его учениками и последователями. На появлении столь оригинальной концепции и теории сказались, видимо, также и почти вечные разногласия востоковедов по поводу фундаментальных лингвистических понятий – частей речи, грамматических категорий, основных понятий синтаксиса.

Главным в своих грамматических устремлениях Сергей Николаевич считал интерес к системе грамматических фактов, к их внутренним, ненаблюдаемым связям, к выявлению того единства, которым регулируется языковое многообра-

¹ См. например: *Иванов С.Н. О сохранении в строе языка следов его прежних состояний: По материалам турецкого языка // Сов. тюркология. 1973. № 6. – С. 9–16.*

ние. Читателя-лингвиста в работах ученого всегда восхищает удивительно точный, богатый язык. Поражает, например, языковая раскованность, находчивость, удачная терминология при описании тончайших значений многозначных форм (скажем, исходного или дательного падежей).

Небольшая брошюра С.Н. Иванова «Арабизмы в турецком языке (изд-во ЛГУ, 1973) – это учебное пособие по лексикологии турецкого языка. Однако значение этой работы много шире, чем можно было бы ожидать или думать. Проблема выявления заимствованного лексического фонда в тюркских языках была исключительно значима для тех ученых, кто занимался сопоставлением лексики тюркских языков с лексикой монгольских, тунгусо-маньчжурских языков, а также других языков, включаемых в алтайскую языковую семью. При этом степень изученности заимствованного фонда турецкого языка всегда становилась эталоном, а словари турецкого языка, где традиционно помечаются заимствования из арабского и персидского языков по существу выполняли функции этимологических справочников. Но и это только одна сторона проблемы, которой посвящена эта небольшая книжка; другая ее сторона обозначилась в 1990-е – 2000-е гг., когда в лексическом составе тюркских языков стран СНГ начались активные преобразования по замене лексических единиц, заимствованных или введенных в эти языки из русского языка, на более традиционные для данных языков, и отчасти поддерживающиеся фактами истории этих языков, слова арабского и персидского происхождения. Труд С.Н. Иванова, вышедший в свет около 40 лет назад, ныне может существенно расширить свой предмет и стать интересным опытом для грядущего исследования типологии лексических заимствований в тюркских языках и истории терминостроительства в этих языках.

Чем бы ни занимался Сергей Николаевич, он всегда выполнял задуманную работу увлеченно и основательно. С большим интересом он работал над биографией первого хакасского тюрколога, этнографа и языковеда Н.Ф. Катанова (1862–1922). Его книга об этом ученом выдержала два издания (1962 и 1973 гг.), приуроченных к 100-летию и 110-летию со дня рождения этого ученого. При этом стоит заметить, особой научной конъюнктуры во внимании к Н.Ф. Катанову в 60-е–70-е гг. не было: о его трудах вспоминали только в Хакасии, и, собственно, уже в наше время личность этого самобытного ученого, лингвиста и собирателя хакасского фольклора, стала предметом внимания и почитания на его родине, в Хакасии, и в среде тюркологов.

С.Н. Иванов опубликовал несколько статей о своем учителе акад. А.Н. Кононове, написал ряд работ по истории тюркологии в Санкт-Петербургском университете. В его научном наследии есть статьи о его коллегах: В.С. Гарбузовой, И.С. Сеидове, В.Г. Гузеве.

В течение ряда лет С.Н. Иванов был членом диссертационного совета в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР, исполняя обязанности члена совета из другой научной организации по специальности «Языки народов СССР (Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока)». Много раз ему доводилось выступать в этом совете в качестве официального оппонента на защите диссертаций по этим языкам. Члены совета и сами соискатели отмечали, если первым оппонентом на кандидатской диссертации приглашается и соглашается выступить Сергей Николаевич Иванов – такая диссертация явно выходит за уровень посредственных работ или за средний уровень. Для соискателей общение с Сергеем Николаевичем по профессиональным вопросам было и приятным, и полезным, давая повод обратиться к проблемам тюркской филологии, к материалу тюркских языков и к трудам оригинального исследователя.

В
перев
работ
ного
Б
своем
ная л
от пр
фесси
блист
терат
К
заним
заним
Атай,
произ
атын.
позма
русско
Насим
ворил
водом
С.
брали
Петер
нял с
Дома
гда на
логии.
тюркск
бекско
два дек
фессор
тюркск
Кли
сколько
честву
класси
ное» в
вступ
теорети
и перев
стихи п
(Л., 19
XV–XX
(Ташке
Востока

² По
Фалатин
поэзии

Востоковед-филолог, историк отечественной тюркологии, педагог, поэт-переводчик — среди этих четырех главных сфер деятельности С.Н. Иванова его работа как поэта-переводчика стала блестящей страницей в истории отечественного поэтического перевода и в отечественной художественной литературе.²

Блестящее дарование переводчика, возможности глубоко воспринимать и по-своему оригинально осмысливать подлинник, чувство русского языка и огромная любовь к русскому языку — С.Н. Иванов был блестящим стилистом во всем: от прозы языка науки до вершин поэтического перевода — выделяют его из профессиональной среды его коллег не только в ряду востоковедов XX в., но и в блистательной плеяде петербуржцев — специалистов по восточным языкам и литературам Востока.

Как рассказывал сам Сергей Николаевич, поэтическим переводом он начал заниматься в 1960 г. По его словам, самое значительное место в его переводах занимает классическая узбекская поэзия — произведения Алишера Навои, Гадаи, Атаи, Муниса Хорезми, Лутфи, Хафиза, Хорезми, Бабура, Машраба, Фурката, произведения женщины-поэтесс: Надиры, Увайси, Дильшод, Зебуннисы, Анбаратъин. В 1969 г. к юбилею Алишера Навои была переведена его замечательная поэма «Язык птиц», составившая 8-й том собрания сочинений этого поэта на русском языке. Из азербайджанских поэтов переводчика привлекал Имадеддин Насими, давший, по оценке С.Н. Иванова, выдающиеся образцы лирики. Он говорил также, что большую творческую радость ему приносила работа над переводом прекрасных стихов туркменского поэта Махтумкули.

С.Н. Иванов был членом Союза писателей России, коллеги-переводчики избрали его председателем секции художественного перевода Санкт-Петербургской писательской организации. Эти обязанности он блестяще исполнял с 1983 по 1992 г. Он регулярно выступал на заседаниях этой секции в стенах Дома писателя или Дома ученых с чтением своих новых переводов, и почти всегда на чтениях присутствовали студенты и выпускники кафедры тюркской филологии. Им выполнены и опубликованы многочисленные переводы с древних тюркских языков, азербайджанского, татарского, турецкого, туркменского, узбекского и староузбекского, а также с персидского и таджикского, составившие два десятка поэтических книг. В истории русского поэтического перевода профессор С.Н. Иванов впервые мастерски воссоздал так называемые тузуги — тюркские четверостишия с омонимической рифмой.

Классическая и современная узбекская лирика в переводе С.Н. составила несколько книг и сборников, среди которых целый цикл работ, посвященных творчеству Алишера Навои — основоположника узбекского литературного языка и классической узбекской литературы (последняя книга «Алишер Навои: Избранное» вышла в свет в издательстве С.-Петербургского университета в 1996 г. с вступительной статьей самого переводчика, имеющей самостоятельное научно-теоретическое и прикладное значение). К этому циклу примыкают исследование и перевод лирики узбекских поэтов, творивших на протяжении пяти столетий: стихи поэта XX в. Ниязи — «Хамза Хаким-заде Ниязи: Избранные произведения» (Л., 1970), «В красе нетленной предстает: Узбекская классическая лирика XV–XX веков» (М., 1977), «Кровное слово: Переводы из узбекской поэзии» (Ташкент, 1981), три книги, изданные АН УзССР в серии «Избранная лирика Востока» и представляющие творчество узбекских поэтесс — «Надира: Избран-

² Подробнее о С.Н. Иванове-литературоведе и переводчике см.: *Гузев В.Г., Фалкин М.С.* С.Н. Иванов — тюрколог, лингвист и переводчик тюркоязычной поэзии // *Вестник СПбГУ*, 2000, сер. 2, вып. 4 (№ 26). — С. 96–101

ные стихотворения» (Ташкент, 1979), «Увайси: Избранное» (Ташкент, 1981), «Зебун-ниса, Дильшод, Анбар-атин» (Ташкент, 1983). За свою деятельность С.Н. Иванов был удостоен званий «Заслуженный работник культуры УзССР» (1968) и «Заслуженный деятель науки УзССР» (1981). Ему принадлежит также перевод поэмы Габдуллы Тукая «Шурале».⁷

В художественном наследии С.Н. Иванова нужно особо выделить его переводы трех эпических поэм, подлинных шедевров классической тюркоязычной поэзии – упомянутой выше поэмы XV в. «Язык птиц» Алишера Навои (Ташкент, 1970), поэмы XI в. «Благодатное знание» Юсуфа Баласагуни (М., 1983) и поэмы XIII в. «Сказание о Йусуфе» Кул Гали (Казань, 1985). Две из этих работ — «Благодатное знание» и «Язык птиц» — изданы Российской Академией наук в серии «Литературные памятники» (соответственно 1983 и 1993 гг.), в 1990 г. «Благодатное знание» переиздано в Большой серии «Библиотеки поэта». В 1996 г. «Язык птиц» был издан в третий раз – в сборнике «Алишер Навои: Избранное. В переводах Сергея Иванова» (СПб.: Изд-во СПб.ГУ, 1996).

Свои теоретические взгляды на проблемы перевода С.Н. Иванов изложил в ряде специальных работ, опубликованных в переводоведческих изданиях, а также в сопроводительной статье «О „Благодатном знании“ Юсуфа Баласагунского» (Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. М., 1983), и в предисловии к книге «Свиток столетий: Тюркская классическая поэзия XIII–XX веков» (Л., 1991). Сергей Николаевич выработал новые принципы перевода тюркских газелей, которые сформулированы в тезисах «К вопросу о принципах русского перевода газелей Алишера Навои» (Тезисы конференции, посвященной 550-летию со дня рождения Алишера Навои. – Ташкент, 1991).

Очевидно, в будущем имеет смысл собрать все эти труды С.Н. Иванова под одной обложкой, тем более, что они представляют собой исследования не только по теории перевода, но и по теории и истории классической тюркоязычной литературы, являясь в своей совокупности уникальным учебником в этой области знания, учебником, который, увы, пока никем не написан и едва ли может быть ныне написан кем-либо.

Некогда существовало мнение, согласно которому тюркоязычная литература подражательна и по сути своей будто бы является «младшей сестрой» персидско-таджикской литературы. Лучшим опровержением этого несправедливого мнения являются переводческая деятельность С.Н. Иванова и его теоретические изыскания в области классической тюркоязычной литературы. Они позволили ученому прийти к главному, принципиальному выводу: «Наличие оригинального и весьма развитого эпоса, длительная история лирической поэзии, имеющей черты сходства с персидско-таджикской литературной традицией, но не исчерпывающейся этим сходством и отмеченной собственной эстетической и художественной ценностью, позволяет говорить о значительности и мировом значении тюркоязычного литературного наследия» (Свиток столетий: Тюркская классическая поэзия XIII–XX веков. – Л., 1991. – С. 6).

Историческая стилистика тюркских языков до настоящего времени практически не разработана, и ни один словарь, ни один комpendиум не дает стилистических характеристик тюркской лексики средневекового периода. В тюркологии, если отвлечься от трудов С.Н. Иванова, пока даже не ставились проблемы семантической нагрузки и стилистической принадлежности стихотворных размеров классической тюркоязычной поэзии.

⁷ Теляшов Р.Х. Энциклопедия тюркско-исламской жизни // Санкт-Петербургский университет, 1999, № 5 (3501), 8 марта. – С.10-11.

Знание стилистических характеристик подлинника позволяло С.Н. Иванову в своей переводческой практике обоснованно использовать и функционально-стилевое расщепление современной русской лексики, и специальные ритмико-синтаксические приемы, и строго определенные стихотворные метры для воссоздания художественного стиля оригинала. В основе этого воссоздания у Сергея Николаевича всегда лежали профессиональные познания ученого-тюрколога, в частности добытое многолетним опытом знание стилеразличительных признаков, характерных для языка средневековой тюркской поэзии.

Для древней восточной поэзии, которую переводил С.Н. Иванов, в целом характерна своеобразная поэтическая эстетика. Проявления этой эстетики — как формальные, так и содержательные — можно видеть лишь при тщательном исследовании и абсолютном понимании оригинала, что требует от переводчика огромных специальных и фоновых знаний. Переводы С.Н. Иванова отличает особый, присущий только ему научно-художественный стиль, основанный на сознательном учете всех формальных и содержательных особенностей оригинала. Но к этому всегда добавляется то, без чего немислим настоящий поэтический перевод — сопереживание, сотворчество переводчика, его эмоциональное проникновение в духовную биографию автора. Благодаря этому литературные труды С.Н. Иванова представляют собой образцы высокого искусства.

Нельзя обойти вниманием поэтический русский язык С.Н. Иванова — богатейший во всех своих проявлениях язык предельной национальной чистоты, свободный от генетически нерусской лексики и потому дающий носителю русского языка и обладателю русского национального сознания чувство морального и эстетического удовлетворения. Читателю являются непривычные поэтические образы, непростые философские и религиозные понятия Востока, но при этом нигде и никогда переводчик не поступает достоинством русской речи. Художественное наследие Сергея Николаевича Иванова — это одно из вершинных достижений искусства поэтического перевода, это уникальное явление в истории русской переводной литературы и ярчайшее событие в истории литературы Востока и традиции поэтического перевода с восточных языков на русский язык.

Деятельность ученого-востоковеда С.Н. Иванова в качестве поэта-переводчика — это непосредственный выход классического востоковедения в практику, в реальное современное и будущее бытие многих людей; это первоклассная в своем роде популяризация огромного объема знаний, накопленных современной наукой о Востоке.

В заключение нельзя не отметить прекрасные человеческие качества Сергея Николаевича, столь высоко ценимые его коллегами и тем, кому доводилось с ним встречаться и общаться: высокую нравственность и порядочность, преданность науке, внимательное и чуткое отношение к коллегам, доброжелательность и тактичность в отношениях с учениками. Все, с кем он общался, питали к нему неизменные чувства симпатии и глубокого уважения.

Память о Сергее Николаевиче Иванове — ученом, литераторе, человеке — очень дорога для его коллег и учеников, работающих в разных уголках России и за ее пределами.

*А.А. Бурякин,
В.Г. Гулев.*

ГАБДУЛХАЙ ХУРАМОВИЧ АХАТОВ
(К 85-летию со дня рождения)

8 сентября 2012 года исполнилось 85 лет со дня рождения известного татарского ученого, внесшего весомый вклад в развитие татарской лингвистики, доктора филологических наук, профессора Габдулхая Хурамовича Ахатова.

Г.Х. Ахатов (Габделхай Хурам улы Әхатов) родился 8 сентября 1927 г. в селе Старое Айманово Мензелинского кантона Татарской АССР (ныне с. Старое Айманово Актанышского р-на Республики Татарстан). Родители его до Октября и после занимались земледелием. Отец, Хурамов Ахат Хурамович (1893—1970), был одним из организаторов колхоза.

Первоначальное

Ахатов получил в своей Среднее образование он средней школе, в районшемся Калининском. работал в колхозе. закончил с золотой меда-

образование Г.Х. родной деревне, завершил в Понсеевской тре, в то время называв- Зимой учился, а летом Среднюю школу люю.

После окончания ступает на отделение ма- государственного уни- серьезной болезни матери ческой сессии он был вынужден покинуть университет и уехать на ро- дину. С 1946 по 1947 г. Г.Х. Ахатов находился на комсомольской работе в Калининском РК ВЛКСМ в качестве заведующего отделом организаци- онно-инструкторской работы.

школы Г.Х. Ахатов по- тематики Казанского верситета. Однако из-за ещё до первой студен-

После смерти матери Г. Ахатов делает попытку восстановиться на матема- тическом отделении КГУ, однако на тот момент мест там уже не было, и ему предложили, чтобы не терять время, один семестр проучиться на историко-фи- лологическом факультете Казанского государственного педагогического института, а затем перевестись обратно на математическое отделение.

В стенах Казанского пединститута увлечение лингвистикой захватило его полностью. Кроме того, студента-первокурсника избрали секретарем комитета комсомола института. И он, имея перед собой возможность перевода на математическое отделение КГУ, все же остался в пединституте.

После успешного окончания историко-филологического факультета КГПИГ Г.Х. Ахатов был оставлен в аспирантуре при кафедре татарского языка, которую он окончил в 1954 г., защитив диссертацию на тему «Фразеологические выраже- ния в татарском языке». Первый официальный оппонент чл.-корр. АН СССР Б.А. Серебренников дал высокую оценку его диссертации, отметив, что «ориги- нальность и новизна работы Г.Х. Ахатова состоит прежде всего в том, что он ... первый среди татарских языковедов дал теоретически стройное и системати- ческое описание фразеологических выражений татарского языка ... её автор вторгается в совершенно новую область татарского языкознания».

Remove Watermark Now

С
инстит
период
женни
сор К
рой та
учебн
В э
бирски
границ
торые
ски не
бирски
вать э
нипо д
В 1
Башкир
татарск
федры
тете в
был ут
В 14
но-сиби
ческую
татар, у
ставляе
ных чер
В 14
режние
ческого
сплотит
лось на
ное фун
дён поч
СССР».
В те
ванных
ученых
Г.Х.
Скор
В тюр
значимо
в исслед
ным обр
ваний. Д
ставить
Г.Х. Аха
В на
по обще
новых

2012

С 1954 г. Ахатов работает в Тобольском государственном педагогическом институте, где организует новую кафедру татарского языка и литературы. В тот период одним из его сподвижников и учеников был Г. Саттаров, ныне заслуженный деятель науки РФ и Татарстана, доктор филологических наук, профессор Казанского федерального университета. В должности заведующего кафедрой татарского языка и литературы Г.Х. Ахатов проработал до конца 1957/1958 учебного года.

В эти годы он начинает интересоваться татарской диалектологией. Тогда сибирский диалект татарского языка был совершенно не изучен и находился на грани исчезновения, поскольку в регионе не было специалистов-языковедов, которые могли бы осуществлять методическую помощь учителям, да и практически не было и самих учителей, квалифицированно знающих родной язык – сибирский (восточный) диалект татарского языка. Г.Х. Ахатову удалось организовать эффективную научно-исследовательскую работу по комплексному изучению диалектов сибирских татар.

В 1958 г. Г.Х. Ахатов со своей семьей переехал в Уфу и начал работать в Башкирском государственном университете, став первым заведующим кафедрой татарского языка и литературы. В короткие сроки он сформировал состав кафедры и определил её деятельность. В Башкирском государственном университете в должности зав. кафедрой он проработал непрерывно 27 лет. В 1970 г. был утверждён в учёном звании профессора.

В 1965 г. Г.Х. Ахатов защитил докторскую диссертацию по диалекту западно-сибирских татар. Подвергнув всестороннему комплексному анализу фонетическую систему, лексический состав и грамматический строй языка сибирских татар, учёный пришел к важному выводу о том, что язык сибирских татар представляет собой самостоятельный диалект, в котором сохранилось много архаичных черт, сближающих его с древнетюркскими языками.

В 1982 г. профессор Г.Х. Ахатов возвращается в Татарстан, в город Набережные Челны, где тогда организуется новый государственный вуз — педагогического института. Благодаря организаторскому таланту и авторитету, умению сплотить вокруг себя энтузиастов, преданных своему делу, Г.Х. Ахатову удалось на новом месте быстро организовать учебный процесс и обеспечить успешное функционирование языковых кафедр в новом вузе. Тогда же он был награждён почётным знаком «За отличные успехи в области высшего образования СССР».

В течение более десяти лет Г.Х. Ахатов был председателем специализированных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций на соискание ученых степеней по филологическим наукам.

Г.Х. Ахатов был инициативным членом Советского комитета тюркологов.

Скончался Г.Х. Ахатов 25 ноября 1986 г.

В тюркологии имя Г.Х. Ахатова, ученого широко профиля, занимает особо значимое место. Прежде всего, он известен как ученый, внёсший весомый вклад в исследование диалектов и лексических особенностей тюркских языков, главным образом, татарского, в становление и развитие фразеологических исследований. Даже в настоящее время тюрко-татарское языкознание невозможно представить без диалектологических, фразеологических и лексических исследований Г.Х. Ахатова.

В научном активе профессора Г.Х. Ахатова находятся научные исследования по общей теории языка. Так, он опубликовал фундаментальную работу об основных признаках парных слов, всесторонне исследовал природу двойного от-

риания в тюркских языках, а также сформулировал закономерности парных слов.

В последние годы жизни Г.Х. Ахатов серьезно занимался проблемами структурной лингвистики, такими как лингвистическое моделирование информации. Еще в те годы учёный ратовал за широкое использование компьютеризации при проведении научных исследований в области лингвистики.

Г.Х. Ахатов занимался также этнографией, историей и философией. Известно, что он знал десятки иностранных языков, в том числе самостоятельно изучал готский язык.

Профессор Г. Х. Ахатов подготовил более 40 докторов и кандидатов наук, опубликовал около 200 научных трудов.

Научная деятельность Г. Х. Ахатова получила широкое признание среди учёных России, СНГ и дальнего Зарубежья.

Научные разработки Г.Х. Ахатова нашли отражение в его монографических исследованиях, многочисленных научных публикациях в самых различных периодических изданиях, в докладах и выступлениях на научных форумах как в нашей стране, так и за рубежом.

Учебники и учебно-методические пособия Г. Ахатова по татарской диалектологии и лексикологии были незаменимы в течение нескольких десятков лет.

*Зифа Ахатова, канд. филол. наук, доцент
Набережночелнинского института
социально-педагогических технологий и ресурсов*

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ Г.Х. АХАТОВА

Ахатов Г.Х. Вопросы методики преподавания татарского языка в условиях восточного диалекта. – Тобольск, 1958.

Ахатов Г.Х. Язык сибирских татар. Фонетические особенности. – Уфа, 1960.

Ахатов Г.Х. Об этногенезе западносибирских татар // Сб. «Вопросы диалектологии тюркских языков» – Казань, 1960.

Ахатов Г.Х. Об ударении в языке сибирских татар в связи с ударением в современном татарском литературном языке // Проблемы тюркологии и истории русского востоковедения. – Казань, 1960.

Ахатов Г.Х. Диалект западносибирских татар. – Уфа, 1963.

Ахатов Г.Х. «Местные диалекты - надежный источник для сравнительно-исторического изучения языков». - Сб. "Вопросы диалектологии тюркских языков". Баку, 1963.

Ахатов Г.Х. Языковые контакты народов Поволжья и Урала. – Уфа, 1970.

Ахатов Г.Х. Фразеология. – Уфа, 1972.

Ахатов Г.Х. Современный татарский язык (программа для студентов вузов). – Казань: изд-во Казанского госпединститута, 1974 (в соавторстве с Закиевым М.З., Тумашевой Д.Г.).

Ахатов Г.Х. Лексика современного татарского языка (учебник для студентов вузов). – Уфа, 1975.

Ахатов Г.Х. Татарская фразеология (программа для студентов вузов). – Уфа: изд-во БГУ, 1975.

Ахатов Г.Х. Татарский язык –
Ахатов Г.Х. Историческая
Ахатов Г.Х. Тюркские
Ахатов Г.Х. Учебник
Ахатов Г.Х. Курс для
Ахатов Г.Х. Доклады
Ахатов Г.Х. Уфа, 197
Ахатов Г.Х. Казань, 19
Ахатов Г.Х. вузов). –
Ахатов Г.Х. угроведен
Ахатов Г.Х. Ахатов Г.Х.
Ахатов Г.Х. варя анто
Ахатов Г.Х. Ахатов Г.Х.
Ахатов Г.Х. болгарско
Ахатов Г.Х. М., 1987.
Ахатов Г.Х. и колледж

- Ахатов Г.Х. Диалект западносибирских татар в отношении к литературному языку – Уфа: изд-во БГУ, 1975.
- Ахатов Г.Х. Использование диалектных данных для сравнительно-исторического изучения тюркских языков // Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. – Алма-Ата, 1976.
- Ахатов Г.Х. Татарская диалектология. Диалект западно-сибирских татар (учебник для студентов вузов). – Уфа, 1977.
- Ахатов Г.Х. Полисемантические слова в татарском языке» (программа спецкурса для студентов вузов). – Уфа, изд-во БГУ, 1977.
- Ахатов Г.Х. Татарская диалектология. Средний диалект» (учебник для студентов вузов). – Уфа, 1979.
- Ахатов Г.Х. О составлении фразеологического словаря татарского языка – Уфа, 1979.
- Ахатов Г.Х. Лексикология современного татарского литературного языка. – Казань, 1979.
- Ахатов Г.Х. Мишарский диалект татарского языка (учебник для студентов вузов). – Уфа, 1980.
- Ахатов Г.Х. «Об основных признаках парных слов // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1981, № 2.
- Ахатов Г.Х. Фразеологический словарь татарского языка. – Казань, 1982.
- Ахатов Г.Х. Современный татарский литературный язык. – Казань, 1982.
- Ахатов Г.Х. Антонимы и принципы создания первого в татарском языке словаря антонимов – Уфа, 1982.
- Ахатов Г.Х. Татарская диалектология. – Казань, 1984.
- Ахатов Г.Х. О природе двойного отрицания в тюркских языках кыпчакско-булгарской подгруппы // Советская тюркология, 1984, № 3.
- Ахатов Г.Х. О законе спаривания слов в тюркских языках // Turcologica. — М., 1987.
- Ахатов Г.Х. Лексика татарского языка (учебное пособие для студентов вузов и колледжей). – Казань, 1995.

***

НЕКРОЛОГИ

ЭЛЬВИРА АЛЕКСАНДРОВНА ГРУНИНА

26.11.1926 – 8.8.2012

8 августа 2012 г. не стало Эльвиры Александровны Груниной, одного из ведущих отечественных тюркологов, доктора филологических наук, заслуженного профессора Московского университета, члена Российского комитета тюркологов. Ее работы широко известны российским востоковедам; они получили также высокую оценку у зарубежных коллег. Э.А. Грунина являлась видным представителем московской тюркологической школы,

созданной Н.К. Дмитриевым [Основные труды Э.А. Груниной см.: Российская тюркология. 2012. № 1(6). – С. 167–168].

Вся активная педагогическая и научная деятельность Эльвиры Александровны была связана с кафедрой тюркской филологии Московского университета.

Эльвира Александровна Грунина родилась 26 ноября 1926 г. в Москве в семье служащего.

В 1949 г. она закончила курсы Восточного отделения филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова с квалификацией «филолог-тюрколог» и там же осталась в аспирантуре. В 1952 г., после окончания аспирантуры, Эльвира Александровна начала преподавать на кафедре тюркских языков филфака узбекский язык. С 1956 г., уже на кафедре тюркской филологии Института стран Азии и Африки при МГУ, ее интересы (в соответствии с планами ИСАА) сосредоточились на турецком языке. В 1983–95 гг. Э. А. Грунина заведовала кафедрой тюркской филологии ИСАА.

За 55 лет преподавательской работы Эльвира Александровна обеспечила сохранение и развитие на кафедре тюркской филологии ИСАА необходимого круга общих тюркологических дисциплин, введенных еще Н.К. Дмитриевым.

Тюрколог широкого профиля, она способствовала возрождению прерванной традиции османистики московской востоковедческой школы, поставив постоянное преподавание на кафедре османско-турецкого языка, продолжающееся доныне и охватывающее в настоящее время не только студентов-филологов, но и историков.

Э.А. Грунина является автором ряда замечательных учебных пособий, долгие годы активно используемых в учебном процессе. К ним относятся уникальное «Пособие по переводу с русского языка на турецкий» (ротап rint), «Учебное

посо
торич
С
ного
А.Н. С
Д
тюрк
член
ного с
По
ность
МГУ
матери
М
контан
За
(Türk
(20.10.
жени
фичес
Эл
всех т
кологи
Тар

2012

пособие по османско-турецкому языку», «Туркменский язык» (2 издания), «Историческая грамматика турецкого языка».

Своими учебниками туркменского языка Э.А. продолжила традицию научного фронтального изучения этого языка, заложенную российскими учеными А.Н. Самойловичем и А.П. Поцелуевским.

До последних своих дней Э.А. Грунина продолжала работать на кафедре тюркской филологии ИСАА в качестве профессора-консультанта, оставалась членом Диссертационного совета по филологии при ИСАА МГУ и членом Ученого совета ИСАА.

По инициативе Э.А. Груниной – с целью восполнить утраченную интенсивность научного общения тюркологов – на кафедре тюркской филологии в ИСАА МГУ с 1993 г. проводятся ежегодные «Дмитриевские чтения» и публикуются их материалы в виде выпусков «Вопросов тюркской филологии».

Много внимания Э.А. Грунина уделяла установлению и развитию научных контактов, читала лекции в Ташкентском и Казанском госуниверситетах.

За вклад в изучение тюркских языков Турецким лингвистическим обществом (Türk Dil Kurumu) Э.А. Груниной присвоено звание члена-корреспондента (20.10.2000 г.). Заслуженный профессор МГУ, она представлена своими достижениями в почетной книге «Московский университет в женских лицах (биографический словарь)» [Московский университет 2004: 385–386].

Эльвира Александровна снискала и теплые слова, и добрую память в сердцах всех тех, кто у нее учился. Она умела прививать своим ученикам любовь к тюркологической науке, ее традициям и к тем, кто эту науку создал.

Таковой она останется навсегда в нашей благодарной памяти.

*Коллеги, ученики,
кафедра
тюркской филологии ИСАА МГУ*

◆◆◆

АЛТАЙ САРСЕНОВИЧ АМАНЖОЛОВ

2 06. 1934 — 8 10. 2012

В рутинных заботах повседневности с болью воспринимается уход своих Учителей в разных концах мира. Алтай Сарсенович Аманжолов не был моим Учителем в обычном понимании этого слова. Мне, к сожалению, не пришлось быть студенткой КазГУ (ныне КазНУ), посещающей его курсы, а встреча наша в Астане была недолгой. Но его многие работы и фундаментальный труд «История и теория древнетюркского письма» (2003) стали для меня одними из основополагающих трудов, формирующих мое мировоззрение.

Будучи по образованию револучником (англ.), а по принадлежности — казашкой, на протяжении своей жизни я изучаю труды по истории и культуре своего народа, его роли в науке.

Особая заслуга Алтая Сарсеновича заключается в обосновании им в двухсотлетнем изучении первой алфавитной письменности тюркоязычных племен, в конъюнктурных установках официальной советской науки относительно «старописьменности» и «младописьменности» тюркских языков. Тюркские рунические письмена и их генезис в его осмыслении и изложении способствуют раскрытию белых пятен в археологии, истории, лингвистике, этнографии, эпиграфике и палеографии.

Способность Алтая Сарсеновича изучать пути и времена возникновения первой алфавитной письменности у древних тюрков уникальна. Ученый обладал обширной эрудицией в области общих проблем палеографии, тюркской эпиграфики, глубокими знаниями в области истории тюркских языков, культурно-исторических контактов тюркских народов и их взаимодействия с другими языковыми коллективами. Обращение к трудам предшественников, занимавшихся проблемами древнетюркской письменности (В.В. Радлов, В. Томсен, С.Е. Малов, В.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, И.А. Батманов, А.К. Боровков и др.), учет известных работ зарубежных тюркологов свидетельствуют о синтезирующей концепции А.С. Аманжолова. Кропотливый труд, настойчивость в реализации своих идей и чрезвычайная внимательность к другим мнениям, любым наблюдениям, выводам, фактам, находя им место в своей теории — принцип научного подхода Алтая Сарсеновича. Очевидно, эти свойства его личности подвели к выводу о том, что тюркоязычные народности и их языки имеют весьма древнюю письменную традицию. По А.С. Аманжолову, истоки этой письменности уходят корнями

русистом и этнографической принадлежности в России, научной деятельности тюркологии, чтобы предков, моего этнокультурного достижений

Сарсеновича занимался исследованием возникновения письменности у древних тюрков, серьезной критике

вглубь
тюркск
ее зап
родов
чайше
оказал
дых ис
принал
меннос
мен и
тюркск

Алт
осмысл
тюркск
ловых
отности
кого-ли

Оче
частнос
с резул
на неко

«На
середн
судя по
указыва
близкор
письмен

<...
засвиде
протоко
письмен

<...
привод
алфавит
и.э. Эт
ранним
италийс

ранним
руничес
сложив
руничес
малоаз
прошел
источни

<...
алфавит
общнос

2012

вглубь веков и нельзя их соотносить только с периодом возникновения древнетюркской государственности VI–X вв. Попытка советской официальной науки в ее западнцентристском изводе лишить важных страниц истории тюркских народов, а именно наличия алфавитного или буквенно-звукового письма – величайшего достижения как тюркских культур, так и в целом – мировой культуры, оказалась, мягко говоря, неудачной. Вместе с тем, ученый предостерегает молодых исследователей от поспешных выводов как «в определении родоплеменной принадлежности отдельных недатированных памятников древнетюркской письменности», так и в желании «оближать древние языки (диалекты) тюркских племен и племенных союзов с современными общенародными и национальными тюркскими языками».

Алтай Сарсенович однозначно пишет об ограниченности узкого подхода в осмыслении проблем тюркского языкознания: «Языковые особенности древнетюркских памятников в известной мере отражают давно пройденный этап всех живых тюркских языков, поэтому трудно согласиться с односторонними попытками отнести некоторые рунические памятники к истории исключительно одного какого-либо современного языка».

Очевидно, что многие вопросы истории развития тюркских языков и, в частности – казахского языка и культуры будут корректироваться в соответствии с результатами исследований А.С. Аманжолова. Здесь хотелось бы остановиться на некоторых из них:

«Наличие у древних тюрков древнегреческого алфавита, характерного для середины I тысячелетия до н.э. и тюркского рунического алфавита, возникшего, судя по всему, не позже середины I тысячелетия до н.э., недвусмысленно указывает на поразительное совпадение исторических судеб этих близкородственных алфавитов в долине Или и свидетельствует о древнейшей письменной традиции тюркоязычных племен.

<...> Ранние типы письма (пиктография, идеография), зафиксированные на территории Казахстана, отражают этапы развития прототюркской цивилизации при непрерывной организующей роли языка и письменности.

<...> Палеографический анализ древнетюркских рун, в свою очередь, приводит к выводу о весьма ранней дате сложения тюркского рунического алфавита в Южной Сибири и Семиречье – не позже середины I тысячелетия до н.э. Этот алфавит обнаруживает близкую генетическую связь, во-первых, с ранними типами древнегреческого алфавита (особенно с малоазийскими и италийскими), и во-вторых, с северносемитско-финикийским (в том числе с ранним арамейским) и южносемитскими алфавитами. Вместе с тем, тюркский рунический алфавит выступает как очень богатая и вполне самостоятельно сложившаяся графическая система. Тесная генетическая связь тюркских рунических знаков с ранними семитскими, древнегреческими, италийскими и малоазийскими буквами объясняется тем, что тюркский рунический алфавит прошел долгий путь развития и, по-видимому, восходит к древнейшему общему источнику алфавитных письменностей.

<...> Для решения проблемы происхождения тюркского рунического алфавита важное значение приобретает гипотеза о древнейшей генетической общности тюркских языков с индоевропейскими.

<...> Работа по выявлению и изучению древнетюркских рунических надписей на территории Казахстана, несомненно, будет продолжена»¹.

Продуктивность основных идей в общей концепции А.С. Аманжолова начала осознаваться научным сообществом с 60-х годов прошлого века, о чем красноречиво свидетельствуют отзывы Л.Н. Гумилева, В.В. Шеврошкина, С.А. Соколова, А.Х. Маргулана, Т.М. Гарипова, Г. Сантбатталова, М.М. Копыленко и мн.др.

Прикладное значение исследований Алтая Сарсеновича Аманжолова несомненно, и это будет еще проявляться в работах как специалистов тюркологов, так и в работах его учеников.

Формирование высококвалифицированных научных кадров тюркологов, создание в Казахстане солидной научной школы по древнетюркской тематике, искоренение невежества в отношении истории тюркских языков – всё то, о чем мечтал Алтай Сарсенович, – должно получить самостоятельное развитие в жизни суверенного Казахстана.

Хотелось бы надеяться, что трудам Алтая Сарсеновича Аманжолова уготован высокий уровень преемственности в лице учеников, последователей, молодых тюркологов не только Казахстана, но и других стран.

*Улданый Бахтигиреева,
докт.филол.наук, профессор РУДН,
Москва.*

¹ *Аманжолов А.С. История и теория древнетюркского письма. – Алматы: ЗАО Изд-во «Мектеп», 2003. – 368 с.*

В И
посвя
выдаю
Галим
ка, ли
Татарс

В р
ватель
версит
дыз Че
филосо
туда ли
Баку; А
сор, со
стана (с
профес
калпак
Асанов
но-иссл
ского
стран, и

На
различ
кознани
классик
Пле
куства
корресп
(«Ярка
лимджи
ческой

С д
турь» в
академи
дики пр
роль пр
становл
Док
был пос

ИНФОРМАЦИЯ

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ
125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ГАЛИМДЖАНА ИБРАГИМОВА.

В Казани состоялась Международная научно-практическая конференция, посвященная 125-летию со дня рождения классика татарской литературы, выдающегося тюрколога, видного государственного и общественного деятеля Галимджана Ибрагимова. Конференция была организована Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан и Министерством культуры Республики Татарстан.

В работе конференции приняли участие представители научных и образовательных учреждений Турции (*Мустафа Онер*, профессор Эгейского университета, Измир; *Рашия Асадулловна Яруллина-Вьелдырьим*, Адьяман; *Йылдыз Четин*, Адьяман); Азербайджана (*Манзар Мамед кызы Гасанова*, доктор философии по филологическим наукам, ведущий научный сотрудник Института литературы им. Низами Национальной Академии наук Азербайджана, Баку; *Вагиф Минад оглы Арзуманлы*, доктор филологических наук, профессор, советник директора Института по международным связям, Баку, Казахстана (*Кунытия Кожасмет кызы Атысбаев*, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Тюркской академии, Астана), Каракалпакстана (*Гульнара Мамуратовна Альшизова*, Нукус), Украины (*Исмаил Асанович Керимов*, доктор филологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского центра крымскотатарского языка и литературы Крымского инженерно-педагогического университета, Симферополь) и других стран, а также регионов России.

На конференции было заслушано свыше ста докладов и сообщений по различным вопросам литературоведения, этнографии, фольклористики, языкознания, истории, выступили с воспоминаниями родственники татарского классика.

Пленарное заседание открыл директор Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН РТ *Ким Мухаммедович Мингуллин*. В своем выступлении («Яркая личность, многогранный талант») он отметил большой вклад Галимджана Ибрагимова в развитие литературы, культуры, научной и политической мысли татарского народа.

С докладом «Галимджан Ибрагимов – один из создателей новой литературы» выступила *Д.Ф. Загидуллина* (доктор филологических наук, профессор, академик АН РТ, зав. кафедрой татарской литературы XX–XXI веков и методики преподавания Института филологии и искусств КФУ). Она отметила роль прозаических произведений писателя, относящихся к 1909–1912 гг., в становлении светской литературы у татар.

Доклад *Мустафы Онера* («Галимджан Ибрагимов и татарская культура») был посвящен деятельности Галимджана Ибрагимова как преподавателя, уче-

ного, общественного деятеля на фоне культурного прогресса татарского народа. Особое внимание было уделено анализу работ Г. Ибрагимов, касающихся реформирования и дальнейшего развития татарского литературного языка начала XX в.

И.Р. Тагиров (доктор исторических наук, профессор, академик АН РТ, зав. кафедрой отечественной истории КФУ) выступил с докладом «Галимджан Ибрагимов – государственный и общественный деятель». В его докладе были представлены результаты исследования политической деятельности Галимджана Ибрагимов. На примере многочисленных исторических фактов освещается борьба татарского народа за независимость.

Т.Н. Галиуллин (доктор филологических наук, профессор Института филологии и искусств КФУ) в докладе «Литературная критика в наследии Г.Ибрагимов» на примере отдельных статей продемонстрировал выявленные им основные принципы и приемы анализа художественных произведений, которые использовал Ибрагимов-критик, вписав их в картину литературных взаимосвязей начала XX в.

В.М. Арзуманлы (доктор филологических наук, профессор Института литературы им. Низами Национальной Академии наук Азербайджана) в докладе «Галимджан Ибрагимов и Азербайджан» подчеркнул, что творчество крупнейшего деятеля литературы и культуры Г. Ибрагимов, его разносторонняя просветительская деятельность завоевали широкую популярность у азербайджанского народа. Докладчик особо отметил, что в азербайджанском литературоведении существует устойчивый интерес к фигуре Г. Ибрагимов, его жизни и творчеству, на филологических факультетах вузов Азербайджана изучается творчество татарского писателя.

К.К. Азизбаев (доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Тюркской академии) в своем докладе «Галимджан Ибрагимов и казахская литература начала XX века» подчеркнул влияние ученого на процесс становления казахской профессиональной литературы и указал на продуктивность его идей для казахского литературоведения.

Ряд докладов был посвящен литературному наследию Галимджана Ибрагимов (*М.Г. Арсланов* «Проза и театр: повесть Г.Ибрагимов «Чего только не видит татарка» в постановке Н.Исанбета»; *М.М. Гасанова* «О переводах ранней прозы Г.Ибрагимов на азербайджанский язык»; *Р.Р. Юрисов* «Влияние наследия Г.Ибрагимов на литературный мир А. Еники»; *В.Г. Радионов* «Типология творчества Г.Ибрагимов и И.Юркина (в проблеме своеобразия литератур татарского и чувашского народов)» и др.).

В докладах поднимались вопросы текстологического изучения произведений писателя, рассматривалась его деятельность как прозаика, публициста, критика. Здесь особо можно отметить доклад доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника Института литературы им. Низами Национальной Академии наук Азербайджана *М.М. Гасановой* «О переводах ранней прозы Г.Ибрагимов на азербайджанский язык», в котором указывается на значимость ранних произведений Ибрагимов для эволюции не только татарской, но и азербайджанской литературы, и анализируется специфика их перевода на азербайджанский язык.

На заключительном этапе конференции прозвучали доклады о трудах Галимджана Ибрагимов в сфере лингвистики, об особенностях языка и стиля его художественных произведений (*А.Г. Шайхулов* «Употребление некоторых историзмов, диалектных слов и этнографизмов в произведениях Галимджана

Ибрагимового с точки зрения лингвистики и филологии

Во

Галимджан Ибрагимов

Ученые

свет бросили на

татарскую литературу

жающие приехать

мова и др.

18-19

М.В. Ломоносов

«Эпоха Пушкина»

На инициативу

выступил профессор

представитель

ранней дореволюционной

двух веков было

он нашёл тех пор

«Манас» сообще

Сегодня

лики казахской

средних веков

приветствовали

рации Галимджана

словом, выслушав

Ибрагимова»; Г.А.Альниязова «Бессоюзные сложные предложения однородного состава в каракалпакском и татарском языках»; Л.К.Байрамовой «Фразеология в романе Г. Ибрагимова "Глубокие корни" и ее перевод на русский язык» и др.).

Во всех докладах подчеркивалась высокая оценка, данная деятельности Галимджана Ибрагимова не только его соотечественниками, но и представителями других народов.

Ученые ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова приурочили к юбилейной дате выход в свет сборника «В мире творчества Галимджана Ибрагимова», в который вошли труды наиболее авторитетных исследователей творчества выдающегося татарского писателя и ученого, чье имя с гордостью носит институт, продолжающий научные традиции Академического центра при Народном комиссариате просвещения ТАССР, который был создан по инициативе Г.Г. Ибрагимова и долгие годы плодотворно работал под его руководством.

А.Ф. Гайнутдинова, докт. филол. наук, ученый секретарь Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ (ИЯЛИ), Казань

***

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭПОС "МАНАС" – ПАМЯТНИК МИРОВОЙ ЭПИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ»

18–19 декабря 2012 г. в Институте стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова прошла Международная научно-практическая конференция «Эпос "Манас" – памятник мировой эпической культуры».

На церемонии торжественного открытия конференции с вступительным словом выступил директор института проф. М.С. Мейер. Приветствуя гостей-представителей научных сообществ Кыргызстана, Азербайджана, Турции, Украины, субъектов России, а также студентов вузов и представителей кыргызской диаспоры в Москве, он, в частности, отметил, что еще в 1943 г., когда ему было лет шесть, случайно в коммунальной квартире, где тогда жила их семья, он нашел книгу «Манас» и она стала первой книгой, которую он прочитал, и с тех пор для него Манас стал героем. «Ныне я как ученый-историк через эпос «Манас» стараюсь исследовать социокультурную эволюцию народов кочевых сообществ, прежде всего тюркских», – сказал М.С. Мейер.

Сегодня эпос «Манас» введен в систему образования в Кыргызской Республике как учебный курс. В перспективе его будут изучать в старших классах средних школ страны, в частности, сообщила участникам конференции в своем приветственном слове Заведующий отделом социальной политики Администрации Президента Кыргызской Республики Гульмира Кудайбергенова. По её словам, эта специальная конференция, посвященная эпосу «Манас», станет новым шагом в сотрудничестве научных центров Кыргызстана и России.

Многочисленных гостей и участников форума также поздравил Министр

образования и науки Кыргызской Республики К. Садыков, который, как он отметил, участвовал в аналогичном симпозиуме в Пекине, откуда и прибыл в Москву, министр поделился своими впечатлениями об исследовании кыргызского эпоса в Китае.

Профессор Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына Шайлобубу Акмолдоева выступила с докладом «Эпос “Манас” – символ тюркской культуры». Эпос «Манас» – уникальный феномен кыргызской культуры, давно признан и отнесен к числу наиболее выдающихся памятников человеческой культуры. «Манас» и для кыргызов и в общем для тюркских народов предстает как «Илиада» для древних греков и культурной Европы, «Махабхарата» для индусов, «Ветхий Завет» для иудеев и христиан, «Старшая Эдда» для германских народов и т.д. Именно благодаря этому эпическому сказанию до нынешнего поколения дошли ценности, традиции, образ жизни древнего кыргызского народа, а через него мировоззрение и духовная культура древних тюрков, – прозвучало в докладе кыргызской исследовательницы.

Работа конференции проходила в формате сессий. Первая сессия стартовала с доклада президента Международной тюркской академии (Казахстан), профессора, доктора филологического наук Шакира Ибраевича Ибраева на тему «Эпические мотивы в тюркских героических эпосах».

На открытии второй сессии присутствовали Президент Кыргызской республики Алмазбек Атамбаев и Ректор МГУ имени М.В. Ломоносова, академик Виктор Антонович Садовничий. Сессия началась с приветственного слова В.А. Садовничего, который, в частности, отметил: «Историческая особенность появления и многовекового существования эпоса «Манас» состоит в том, что он, по существу, заменил собой летопись жизни кыргызского народа – от сложения кыргызской народности и до приобретения собственной государственности...». В 2012 г. исполнилось 150 лет со дня первой развернутой записи трёх частей эпоса «Манас» академиком В.В. Радловым и 127 лет первой научной публикации эпического текста, раскрывшей научной общественности эту сокровищницу. О всемирном признании величия эпического слова кыргызского народа свидетельствует и тот факт, что в 1995 году по решению ЮНЕСКО культурный мир отметил юбилей эпоса «Манас». «Это своего рода поэтическая историография кыргызского народа на определённом этапе развития культуры и цивилизации», – сказал ректор МГУ. Он передал Президенту Кыргызской Республики в качестве дара один из символов МГУ – макет здания вуза.

Поздравляя участников Международной научно-практической конференции «Эпос “Манас” – памятник мировой эпической культуры», Глава кыргызского государства Алмазбек Атамбаев сказал: «Для миллионов кыргызстанцев эпос «Манас» – это та путеводная звезда, которая на протяжении тысячелетий помогает нам найти свой путь в непрерывном круговороте жизни. В нем история моего народа, который, несмотря ни на что, всегда боролся за право жить, за свободу и независимость, за свою государственность. Кыргызы сумели сохранить свою духовную культуру сквозь тысячелетия в человеческой памяти, которая оказалась настолько надежной, что донесла до наших дней около миллиона строк эпоса «Манас». Далее Алмазбек Атамбаев отметил, что «Современное изложение эпоса – это результат творческих усилий многих поколений талантливых акынов-сказителей. Героический эпос «Манас» дорог еще и тем, что описываемые в нем события имеют реальную основу». Ученые отмечали, что такого поэтического памятника нет ни у одного народа, кроме кыргызов. А

ай, как он от-
прибыл в Мо-
т кыргызского

К. Баласагына
символ тюрк-
ской культуры,
ков человече-
народов пред-
Махабхарата»
Изда» для гер-
занию до ны-
инего кыргыз-
ских тюрков, –

ния стартовали
стан), профес-
на тему «Эпи-

зской респуб-
ова, академик
ого слова В.А.
енность появ-
ом, что он, по

от сложения
твенности...»,
и трёх частей

ной публика-
сокровищни-
го народа сви-
О культурный
я историогра-
ы и цивилиза-
Республики в

конференции
ргызского го-
станцев эпос
елетий помо-
нем история
раво жить, за-
умели сохра-
й памяти, ко-
й окало мил-
что «Совре-
их поколений
от еще и тем,
ые отмечали,
е кыргызов. А

классик кыргызской литературы Чингиз Айтматов подчеркивал, что эпос «Манас» будет жить как сияющая вершина кыргызского духа.

«Долгое время кыргызстанцы, как когда-то в прошлом наши предки, находились в поиске своего места в мире, своего пути развития, – заметил в своем выступлении Алмазбек Атамбаев. – Сегодня Кыргызстан строит демократию. Мы выбирали этот путь, и, уверены, что он приведет нас к развитию и процветанию. Как завещал нам наш предок Манас, мы должны сохранить единство многонационального народа Кыргызстана, сохранить свою государственность. На этом пути мы не одиноки, с нами все наши друзья и партнеры. У нас общая история, надеюсь, что будет общее будущее», – заключил Президент.

Выступает Президент КР Алмазбек Атамбаев

(Фото: <http://www.president.kg/ru/>)

В качестве подарка Президент передал библиотеке МГУ экземпляры книги Н.А. Баскакова «Русские имена тюркского происхождения», переизданной в Киргизии.

Участники конференции послушали отрывки народного эпоса от самого юного сказителя-манасчи Умота Доолотова. Студент ИСАА Кирилл Булыгин познакомил зал со словами известного писателя современности Чингиза Айтматова об этой сокровищнице народной мудрости, Виктория Гоголева прочитала на киргизском языке «Манас гимни» Ашыма Жакыпбекова.

Далее работа конференции проходила по секциям. Всего на конференции было заслушано более 40 докладов и сообщений, которые сделали ученых из разных стран СНГ. Содержание докладов нашло отражение в изданном к конференции сборнике тезисов.

Так, азербайджанский поэт, переводчик, манасовед А. Джамиль, рассказал об исследовательской работе по эпосу, которая ведется в Азербайджане. Он представил слушателям проведенный им впервые в тюркской фольклористике анализ параллелизмов между эпосами «Китаби-Деде Коркут», «Кёроглы» и эпосом «Манас» в контексте общетюркского эпического мышления. «Мы исследуем и выявляем аналогии лирических песен и фольклорных персонажей азербайджанского народа «коса», «кечел», возникших в ранние эпохи, и в киргизской устной литературе. Эпос «Манас» рассматривается нами не только с художественно-эстетической, но и с исторической точки зрения, что позволяет раскрыть новые страницы тюркского эпического и этнического мышления», – отметил он.

Старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан Ф. Тагирова предприняла попытку сравнительного анализа зафиксированных в эпосе «Манас» и в совре-

менных словарях татарского и киргизского языков синонимов, паремий, фразеологизмов, разных устойчивых сочетаний, раскрывающих содержание концепта «счастье» в обоих языках. Результаты сравнения, с которыми были ознакомлены участники конференции, обнаруживают большое сходство в ментальной репрезентации данных концептов в структурно-концептуальном плане, что может быть обусловлено рядом объективных причин, основной из которых является общечеловеческая значимость данного понятия.

Историография историко-этнографического изучения эпоса «Манас» была представлена Председателем комитета по международным делам Жогорку Кенеша Кыргызстана, доктором политических наук К. Иманалиевым, который выделил в ней два условных периода: первый – начиная со средних веков и до 1917 г., второй – с 1918 г. по настоящее время.

Первый период, по его мнению, с некоторой оговоркой можно начать со средневековья. Это сочинение «Маджму ат-таварих» («Собрание историй») Сайф ад-дина Ахсикенти, написанное на персидском языке. В целом, рукопись датируется 1503 г. Собственно историографическому анализу, по мнению выступающего, можно подвергнуть ту часть «Маджму ат-таварих», перевод которой сделал В. Ромодин, это около 109 машинописных страниц, хранящихся в фондах ОРП НАН Кыргызской Республики. Этот перевод и является, по существу, первым предварительным рассмотрением этого сочинения как исторического источника. Второй период историко-этнографического изучения эпоса «Манас» ученый связывает с именами первого кыргызского ученого Б. Солтоноева (Солтонкелди уулу) (1878–1938) и советского ученого В. Бартольда (1869–1930), вплотную занимавшихся разработкой истории кыргызского народа как в досоветское, так и в советское время, автора известного издания «Киргизы» и др.

Как отметил в своем выступлении директор Института языка и литературы имени Чингиза Айтматова, академик НАН КР А. Акматалиев, «затерянный в горах народ, столетиями поддерживающий традиционный образ жизни, также бережно сохранял и свою духовную составляющую – эпос «Манас», который вплоть до середины XIX столетия не был известен ни общественности, ни научному миру. И только благодаря разведывательным разысканиям казахского ученого и военного Ч. Валиханова, а также научным лингвистическим разысканиям русского ученого В. Радлова жемчужина кыргызского народа была представлена миру».

Манас в средневековье объединил разрозненные кыргызские племена, создал единый могучий каганат, пошел походом на Китай, потерпел трагическое поражение, погиб. Потом распалось созданное им государство, кыргызский народ вновь попал в кабалу и, как ностальгию о былом единстве и славе, на протяжении последующих веков сочинял свою великую сказку. В середине XIX в. на территории Кыргызстана начались братоубийственные межродовые войны. Родоплеменные единения, истекая кровью, один за другим начали переходить в подданство России, чем спасли своих соплеменников и родную землю от гибели и разорения. Таким образом прослеживает историческую связь кыргызского эпоса и Великой Руси кыргызский писатель М. Байджиев.

Отношение кыргызского народа к своему спасителю ярко отразилось в вариантах эпоса «Манас», записанных выдающимся русским востоковедом В. Радловым в 1863–69 гг., о чем ярко свидетельствует предсмертное завещание Манаса, которое прочитал для участников конференции в собственном переводе на русский язык М. Байджиев.

«Художественное пространство в киргизском эпосе» – с такой темой выступил ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН, доктор филологических наук А. Кудияров. Это исследование является продолжением работ автора по классификации национальных эпосов с учетом внутреннего строения их художественного пространства и его описания. Эпос «Манас» ученый относит к историзованному типу эпоса, с присущими ему рядом характеристик.

В конце работы конференции участники приняли совместную Резолюцию, в которой были определены актуальные задачи изучения эпоса «Манас» на ближайшие годы.

По итогам конференции планируется издание ее материалов.

*Халима Хушкадамова,
журналист,
канд. социологических наук, Москва*

***

pdfelement

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Благова Г.Ф.</i> (Москва). Чагитайский язык: язык «смешанный» или язык стандартный?	3
<i>Молчанова О.Т.</i> (Щецин). Телецкое озеро на картах XVI–XVIII веков	16
<i>Кляшторный С.Г.</i> (Санкт-Петербург). Енисейские рунические памятники о кыргызах и «Великий поход» Манаса... ..	25
<i>Озакдаг Надя</i> (Афйон). Графические и орфографические изменения в гагаузском языке (на основе книги м. <i>Чакира</i> «Kisa dua kitabı»).....	30

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Карева о.О.В.</i> (Москва). «Музыкальный» роман Ихсана Октая Анара «Молчаливые»	41
<i>Аврутина А.С.</i> (Санкт-Петербург). «Ускользающая красота» сказок Бильге Карасу.....	53

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

<i>Благова Г.Ф., Насилов Д.М.</i> (Москва). Университетский востоковед Э.А. Грунина в творческих контактах с академической тюркологией.....	63
<i>Миреев М.В.</i> (Симферополь). О коллекции малоизвестных довоенных тюркоязычных периодических изданий в Румынии	72
<i>Клементьев В.Н.</i> (Чебоксары). Из практики реализации национально-языковой политики в Чувашской автономной области (1920–1925 гг.)	82
<i>Нуриева Ф.Ш., Петрова М.М., Сунгатуллина М.М.</i> (Казань). Особенности перевода тюрко-латинской грамматики иеронима мегизера «Institutionum linguæ turcicæ libri quatuor» (1612 г.)	92
<i>Акын Дж</i> (Афйон). Системы счисления в киргизском языке	98

2012

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

- Джусупов Н.М.* Тюркский символ в художественном тексте (лингвкогнитивный аспект). – Астана: Изд-во «Сарыарка», 2011. – 218 с. 101

PERSONALIA

- Галина Федоровна Благова 105
 Агамуса Агасы оглы Ахундов 110
 Рашид Закирович Шакуров 113
 Сергей Николаевич Иванов 115
 Габдулхай Хурамович Ахатов 122

НЕКРОЛОГИ

- Эльвира Александровна Грунина 126
 Алтай Серсенович Аманжолов 128

ИНФОРМАЦИЯ

- Научная конференция, посвященная 125-летию со дня рождения Галимджана Ибрагимова... 131
 Международная научно-практическая конференция «Эпос “Манас” – памятник мировой эпической культуры» 133

- СОДЕРЖАНИЕ 138

CONTENTS

Structure and history of Language

- Blagoyeva Galina F.* Is Ćagatay language «mixed» or standard language? 3
Molchanova Ol'ga T. Teletskoye Lake on the maps of the sixteenth through eighteenth centuries 16
Klaskhorry Sergey G. The runic monuments of Yenisei about Kyrgyz people and the «Great Campaign» of Manas 25

<i>Ozakdag Nadya</i> . Graphical and orthographical changes in the Gagauz language (based on <i>M. Çakir</i> «Kisa Dua kitabı»)	30
---	----

Literary critics and folklore studies

<i>Kareva Ol'ga</i> . Ihsan Oktay Anar's «musical» roman «Those who are silent»	41
<i>Avrutina Apollinariya S.</i> The Slipping Beauty of Bilge Karasu's Fairy-tales.....	53

Reports and surveys

<i>Blagova Galma F., Nasilov Dmitry M. E. A. Grunina</i> — university orientalist: her creative links with the academic turcology	63
<i>Mireev Maxim</i> . On the collection of little-known prewar Turkic periodicals in Romania	72
<i>Klementyev Vladimir N.</i> Upon the practice of realization of national-language policy in the Chuvash autonomous region (1920—1925).....	82
<i>Nuriyeva Fanuza Sh., Petrova Margarita M., Sungatullina Mil'ausha M.</i> Peculiarities of the translation of the Turkic-Latin Grammar by Ieronim Meghizer «Institutionum linguae turcicae libri quatuor»	92
<i>Akm C.</i> System of calculation in the Kirghiz language.....	98

Reviews and Annotations

<i>Djusupov N. M.</i> A Turkic symbol in a fiction text (its linguo-cognitive aspect). — Astana, "Sary Arka" Publishing house. 2011. — 218 s.....	101
---	-----

.Personalia

<i>Blagova G.F.</i>	105
<i>Ahundov A.A.</i>	110
<i>Shakurov R.Z.</i>	113
<i>Ivanov S.N.</i>	115
<i>Ahatov G.H.</i>	122

Obituaries

<i>Grunina E. A.</i>	126
<i>Amanzholov A.S.</i>	128

Gagauz	30
ho are	41
	53
iversity	63
c	72
national-	82
Tascha	92
mar by	98
linguo-	101
- 218	
	105
	110
	113
	115
	122
	126
	128

Information

Scientific conference dedicated to the 125 th anniversary of Galimdjani Ibragimov.....	131
International practical and scientific conference: "Manas" — a monument of the world-wide epica tradition".....	133
CONTENTS	138

Правила для авторов

Редакция научного журнала «Российская тюркология» просит авторов руководствоваться приведенными ниже правилами.

Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, будут возвращаться без рассмотрения.

Научный журнал «Российская тюркология» выходит 2 раза в год и публикует материалы, основанные на результатах неопубликованных (авторы гарантируют) гуманитарных исследований по рубрикам:

♦ Структура и история языка ♦ Дискуссии и обсуждения ♦ Языковые сдвиги ♦ Ономастика ♦ Культурология	♦ Литературоведение ♦ Фольклористика ♦ Сообщения и обзоры ♦ Истории науки, документы ♦ Рецензии и аннотации
- Основным требованием к публикуемым материалам является их соответствие научным критериям:
♦ актуальности ♦ проблемности ♦ научной новизны	♦ доказательности ♦ фактологической обоснованности.

Редакционная коллегия оставляет право отбора материалов для публикации.

Все статьи проходят рецензирование. Журнал не является гонорарным.

Авторские оригиналы — текст статьи на русском языке, краткая аннотация к нему на русском и английском языках и ключевые слова на двух языках (не более 10) — представляются в редакцию в 2-х экземплярах в распечатанном виде, подписанных автором (или авторами), а также в электронном варианте. Если статья отправлена по Интернету, вариант на электронном носителе не обязателен. Нумерация страниц сквозная.

Небольшие исправления стилистического или формального характера вносятся в текст статьи без согласования с автором; статьи, требующие серьезных исправлений, возвращаются на доработку. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья не принята к печати.

Датой поступления считается день получения редакцией исправленного варианта статьи.

Параметры страницы — А4, поля для всех сторон — 2 см, ориентация — книжная.

Шрифт — Times New Roman (12 pt), межстрочный интервал — одинарный, абзацный отступ — 0,5 см.

Журнал не является гонорарным.

Издатель: ИП *И.В. Кормушин*,
от имени Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН

Данный номер журнала
подготовлен редакционной группой в составе:

Выпускающий редактор *Ф.С. Хакимзянов*
Редактор-переводчик *Д.Ф. Хакимзянова*
Технический редактор *А.М. Галимова*
Компьютерная верстка *Г.Ф. Свиридова*
Дизайн обложки *Ф.Н. Латыпова*

Оригинал-макет изготовлен группой F & Di-design

С готового оригинал-макета
подписано в печать 10.11.2012. Формат 70x108^{1/16}.
Гарнитура Times New Roman, Усл. печ. л. 11.0. Печать на RISO.
Тип. зак. № 64.

Отпечатано в типографии издательства ЗАО «Фон»
Москва, Сиреневый бульвар, д. 4

TPAH

RISO.

 pdfelement

